

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР
БУЛЫЧЁВ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

Звезды советской фантастики

Кир Булычев

**Последняя война. Великий
Гусляр. Подземелье
ведьм (сборник)**

«АСТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Булычев К.

Последняя война. Великий Гусяр. Подземелье ведьм
(сборник) / К. Булычев — «АСТ», — (Звезды советской
фантастики)

ISBN 978-5-17-100710-2

«Последняя война» – первая история доктора Павлыша, где он, в составе экипажа корабля «Сегежа», оказывается на планете, недавно пережившей ядерную войну. «Великий Гусяр» – повести и рассказы о жителях тихого провинциального русского городка, которым постоянно приходится иметь дело то с инопланетянами, то с последствиями научных открытий и изобретений, то просто со сказочными и мифическими существами. «Подземелье ведьм» – приключения агента Космофлота Андрея Брюса, попавшего на планету, где неведомая высокоразвитая цивилизация запустила ускоренную эволюцию. Самые яркие произведения из наиболее известных циклов Кира Булычёва.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-100710-2

© Булычев К.
© АСТ

Содержание

Кир Булычѐв	7
Последняя война	9
Глава первая. С опозданием на год	9
1	9
2	10
3	12
4	13
5	15
6	16
7	18
8	19
9	23
10	23
Глава вторая. Здравствуй, Адам!	26
1	26
2	27
3	28
4	29
5	30
6	31
7	32
8	34
9	36
10	37
11	38
Глава третья. Ранмакан в чужом мире	40
1	40
2	41
3	42
4	46
5	48
6	49
7	51
8	52
9	55
Глава четвертая. Вторая неудача	57
1	57
2	59
3	60
4	61
5	63
6	65
7	66
Глава пятая. Купол на окраине Манве	67
1	67
2	69

3	70
4	72
5	74
6	76
7	78
8	79
Глава шестая. Похищение	81
1	81
2	81
3	82
4	84
5	87
6	88
7	90
8	92
9	94
Глава седьмая. Подземелье	96
1	96
2	97
3	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Кир Булычев
Последняя война. Великий
Гусляр. Подземелье ведьм

© Кир Булычев, наследники, текст, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Кир Булычёв

Настоящее имя Кира Булычёва – Игорь Всеволодович Можейко. Он родился 18 октября 1934 года в Москве. После окончания школы поступил в Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Окончив его в 1957 году, два года работал в Бирме переводчиком и корреспондентом Агентства печати «Новости», а вернувшись в Москву в 1959 году, поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. После ее окончания в 1962 году, с 1963-го, работал в Институте востоковедения, специализируясь на истории Бирмы. В научном сообществе Игорь Всеволодович Можейко известен своими трудами по истории Юго-Восточной Азии.

Свой первый рассказ «Маунг Джо будет жить» он опубликовал в 1961 году, а с 1965 года начал писать фантастику, которую издавал в основном под псевдонимами. До 1982 года свое настоящее имя писатель держал в тайне из-за опасения проблем на работе: полагал, что руководство Института востоковедения сочтет фантастику несерьезным занятием. У него было несколько псевдонимов, самый известный из которых, Кир Булычёв, – это сочетание имени жены и девичьей фамилии матери.

В 2005–2007 годах вышло 18 томов полного собрания сочинений писателя. В большинстве своем они составляют циклы, в каждом из которых описаны истории одних и тех же героев. Самый известный из них – «Приключения Алисы» (более пятидесяти произведений). Главная героиня Алиса Селезнёва (названная в честь дочери писателя) живет в будущем, путешествует в космосе и во времени. По словам Кира Булычёва, этим циклом он пытался «...найти пути к детской литературе, которая была бы адекватна поколениям детей, возвращенных телевизором, а потом и компьютером». Алиса до сих пор является одним из самых популярных детских персонажей в России. На основе книг о ее приключениях снято несколько художественных и мультипликационных фильмов, самые известные из которых «Тайна третьей планеты» и «Гостья из будущего».

Другой известный цикл – «Великий Гусляр». Около семидесяти повестей и рассказов, действие которых происходит в тихом провинциальном городке, чьи жители, часто заурядные обыватели, постоянно сталкиваются с необычными явлениями: прилетами инопланетян, невероятными научными открытиями и изобретениями, природными аномалиями, сказочными и мифическими существами. Как правило, они совершенно спокойно воспринимают сваливающиеся на их городок фантастические напасти и даже извлекают из них житейскую выгоду. Истории гуслярцев – не только фантастика, но и сатира на современную жизнь.

Цикл «Доктор Павлыш» – традиционная советская фантастика. Прототипом главного героя стал Владислав Павлыш, врач судна «Сегежа», на котором Кир Булычёв совершил путешествие по Северному Ледовитому океану. В цикл входят девять произведений. Они, связанные лишь общим героем, но не сюжетом, повествуют о космических приключениях. Самое известное из них – роман «Поселок», о том, как после катастрофы люди вынуждены выживать на малопригодной для обитания планете.

Другой герой, агент Космофлота Андрей Брюс, появляется в двух произведениях. В «Агенте КФ» с ним происходят приключения на планете Пэ-У (в ней узнается Бирма, страна, которую Кир Булычёв знал очень хорошо), а в «Подземелье ведьм» Брюс вместе со своими товарищами сталкивается с ускоренной эволюцией, запущенной неизвестной высшей цивилизацией.

Еще один цикл посвящен агенту ИнтерГалактической полиции Коре Орват. Действие в произведениях происходит примерно в то же время, что и «Приключения Алисы». Сам

Булычёв называл эту героиню «повзрослевшим вариантом Алисы», но характеры героинь заметно отличаются, тем более что в одном из произведений они пересекаются.

В цикле «Театр Теней», состоящем из нескольких повестей и рассказов, действие происходит в параллельном мире, в который можно попасть при определенных обстоятельствах. Его исследованием занимаются герои, появляющиеся и в цикле «Институт экспертизы».

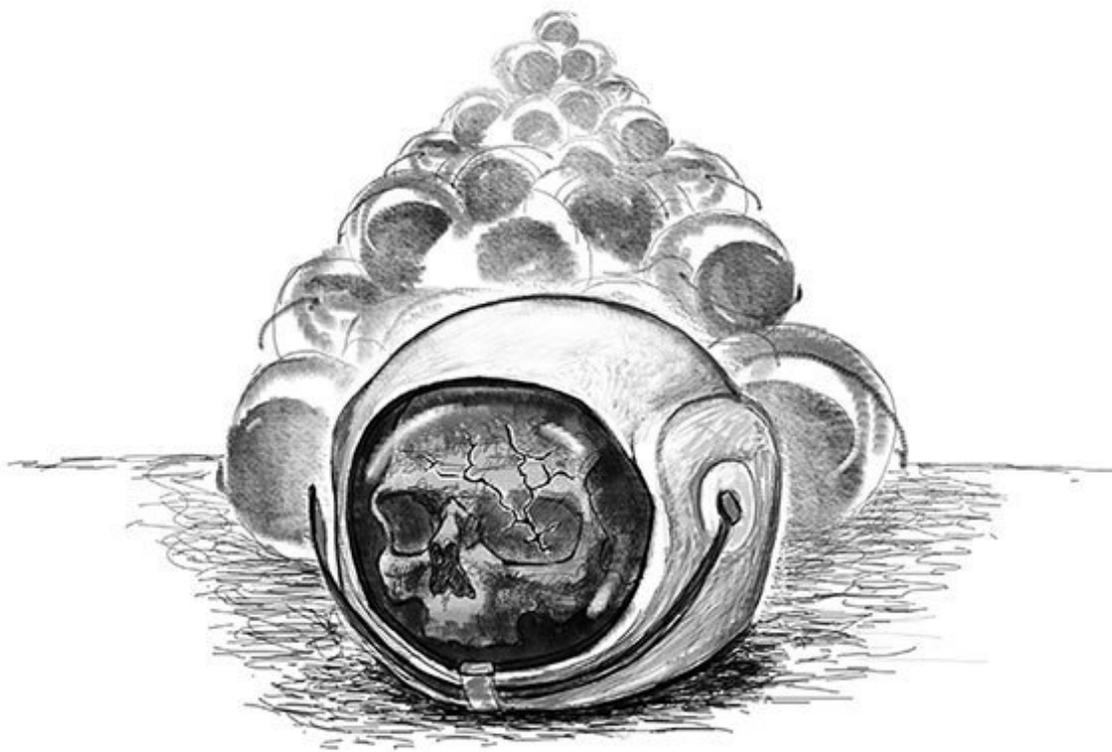
Цикл «Хронос» остался незаконченным. Кир Булычёв работал над ним с 1992 года и до конца своей жизни. По его словам, создание цикла было для него делом «если не всей жизни, то последнего десятилетия точно». Шесть романов и четыре повести, вошедшие в этот цикл, написаны в жанре альтернативной истории и посвящены возможным путям развития России.

Кроме того, у Кира Булычёва выходили цикл «Верёвкин», названный по городу, в котором происходят события, диалогия о вымышленной стране Лигон (чьим прототипом опять стала Бирма), а также несколько внецикловых романов, повестей и рассказов.

Кир Булычёв оказался самым востребованным писателем-фантастом у советских и российских кинематографистов. По его произведениям и оригинальным сценариям снято более двадцати фильмов и телесериалов, самые известные из которых мультфильмы «Тайна третьей планеты», «Перевал» и «День рождения Алисы», телесериал «Гостя из будущего», полнометражные фильмы «Через тернии к звездам», «Шанс», «Подземелье ведьм», «Слезы капали», «Лиловый шар».

На протяжении почти сорока лет Кир Булычёв создавал свои фантастически удивительные миры, по которым путешествует уже четвертое поколение читателей. Он ушел из жизни 5 сентября 2003 года.

Последняя война

Глава первая. С опозданием на год

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К¹ «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИСКИ – ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089²

Капитан корабля – Загребин Геннадий Сергеевич.

Старший штурман (старпом) – Баков Алексей Иванович.

Старший механик – Лещук Александр Александрович.

Второй штурман – Бауэр Глеб Андреевич.

Второй механик – Антипин Иван Филиппович.

Третий штурман – Кудараускас Зенонас.

Третий механик – Ткаченко Кира Сергеевна.

Врач – Павлыш Владислав Владимирович.

Радист – Цыганков Юрий Петрович³.

Повар – Ионесян Эмилия Кареновна.

¹ К/к – космический корабль.

² Г/п 304089 – галактические позывные к/к «Сегежа».

³ Более известен под прозвищем Малыш.

Практиканты – Райков Христо, Панова Снежина⁴.
Пассажиры – корона Аро, корона Вас.

2

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО
ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ
ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ
31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА
БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К
КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера – Снежина и Христо – заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, – подумал Малыш. – Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбежать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерялось на сгибах – кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиона, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной – и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, пришепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

⁴ Стажеры Софийского института космических исследований.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

– Послушай, Слава, – сказал Малыш. – На Титан не идем.

– Что случилось? – спросил доктор.

– Срочная с Земли, – сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

– Стой. – Слава преградил путь рулоном бумаги. – Не веди себя как женщина.

– А как? – спросил Малыш.

– Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

– Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на randevу с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

– Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, – подумал Малыш, оставшись в одиночестве. – Почему это не я скажу Снежине?»

– Как дети малые, – пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. – Скажу, не скажу...

– Ты кому? – спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

– Себе.

– Что за депеша?

– Мастеру, – ответил Малыш строго.

– А почему не вовремя? – спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. – Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением – Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

– Геннадий Сергеевич, – сказал Малыш, – Вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

– Что там? – шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

– Старшего помощника прошу подняться на мостик, – сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым – обманчиво добрым – голосом:

– Команда уже оповещена?

– Я сюда прямо из рубки, – ответил Малыш. – Разве не понимаю?

– Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

– Учись, – сказал капитан Малышу. – Алексей Иванович, прочтите, – продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

– На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

– Шутишь, дуся, – сказал Глеб.

– Глебушка, – позвал капитан. – Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас – поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

– В первом же порту расчет, – говорила она, глядя в белую стену буфетной. – В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

– Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

– Никто, – сказала тетя Миля. – Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

– Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

– Я их ждала, – начала она. – Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела – каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

– А вы их разве на Земле не видали? – удивилась Снежина.

– Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела – каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделывать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола – даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

– Ты иди, – произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. – Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

– Это очень крупные ученые, – сказала она.

– Я знаю, – согласилась тетя Миля. – Во мне животный атавизм пробудился.

– Вы к ним обязательно привыкнете, – утешила ее Снежина. – Можно еще один пирожок?

– Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

– Извините, – сказал он. – Снежина за схемой пошла, а я жду. Извините. – У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. – Извините, – повторил он еще раз.

– Мы пошли. – Снежина отломилла практиканту половинку пирожка. – Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, – подумала она. – И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

– Идешь обедать, Снежка? – спросила она.

– Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

– Так, – сказала Кирочка. – А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

– Чепуха, – сказала Снежина, закалывая волосы на затылке. – Он тебя очень уважает.

– Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

– Тетя Миля кончила расстраиваться?

– А что?

– Испугалась корон.

– По-моему, ничего особенного.

– Ну, а как теперь? – Снежина обернулась к Кирочке.

– Я же говорю: ты как ни причешешься...

– А мне они сначала тоже страшными показались, – призналась Снежина. – Мир полон неожиданностей.

– Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

– Жуткое зрелище, – сказал он. – Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

– С вашего разрешения, – кивнул Павлыш старшему штурману.

– Пожалуйста, – ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компания.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

– А где тетя Миля? – спросил Малыш.

– Эмилия Кареновна, – позвал Баков. – Мы вас ждем.

– И праздничный торт тоже, – вставил Малыш.

– Эмилия Кареновна не придет, – быстро сказала Снежина. – Она себя плохо чувствует.

– Как так? – Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел – румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

– Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

– Ничего особенного, – сказала Снежина. – Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, – подумала Снежина. – Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом – старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери – картины. Одна – чайный клипер, срывающий в стремительном полете верхушки волн, другая – лесное озеро...»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

– Добрый вечер, – сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

– Разрешите представить, – произнес он, – наших гостей. С сегодняшнего дня – членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные, чуть шевелились. Гостям было тесно и неуютно. Они волновались.

– Добрый вечер, – сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует делать – церемония затянулась, каждому приходилось оглядывать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

– Корона Аро, – сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

– К сожалению, – добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, – наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего...

Снежине показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро – он был в более темном комбинезоне – потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел – ждал, когда усядутся гости.

– Рискните, – сказал Павлыш.

– Разумеется. – Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

– Очень удобно, – сказал он.

– Интересно, сколько они весят? – спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

– Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

– А я – сорок шесть, – сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

– Спасибо, – ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

– Суп подавать?

– Пожалуйста, – кивнул Баков.

– И не забудь наших гостей, – сказал Загребин. – Ты знаешь?

– Да, я помню, – ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

– Передайте мне, пожалуйста, хлеб, – попросил Кирочку Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны переключают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

– Слава, – спросила Кирочка Павлыша, – чем можно объяснить – такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

– Может, у них есть полезные функции, – ответил рассеянно Павлыш. – Надо будет поинтересоваться.

– Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? – спросила Снежина, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

– Бессмысленно. – Павлыш посмотрел в зеркало, похожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. – Все равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня. Я сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не рассказал нам, куда и зачем мы летим?

– Может, он сам не все знает? – предположила Кирочка.

- Они пошли на мостик, – сказала Снежина.
- Кто – они?
- Мастер, старпом и короны.
- А почему они все короны? – спросила Кирочка. – Бросила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.
- Знаю без него. – Снежина погасила сигарету. – Хронический кашель курильщика, потом искусственные легкие и скучная старость в санатории.
- Может, и обойдется, – сказал Павлыш. – Чем мы можем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но ведь они же летели на своем.
- Вот что, Слава, – сказала Кирочка, – хочешь поспорим, что через полчаса ты все будешь знать?
- Капитан просит свободных от вахт членов экипажа собраться в кают-компанию, – раздался голос Бакова по внутренней связи.
- За тобою, Слава, торт ленинградского «Метрополя», – улыбнулась Кирочка.
- И, кажется, уже восьмой, – заметила Снежина.
- А я и не спорил, – сказал Павлыш. – Кстати, тортов всего пять.

6

Короны сели рядышком на диван. «Я к ним еще привыкну», – подумала Снежина. Она успела забежать к тете Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут питаться в кают-компанию, и относилась к ним куда мягче. Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой продукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не все – консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно устроились?

– Цыганков, – обратился он к Малышу, – в ногах правды нет. Разговор может получиться долгим. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

– Иду, – отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела послушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

– Сначала, – сказал Загребин, – я прочту перевод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

– А мы нет, – сказал уверенно Малыш.

– Не верю, – отрезал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его и снова продолжил: – Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я называю «Сегежу», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов Центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь. Так вот... – Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диван, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся. Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль и команда хорошая, а все-таки... – Так вот, – повторил Загребин, – в ходе этих исследований... Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени

исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

– Расстояние? – вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

– Девяносто три световых года отсюда, – сказал корона Аро. – Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

– Возникают вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже.

Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

– Правильно, – подтвердил Антипин. У него эти вопросы тоже возникли.

– Сначала ответим на первый. Для чего я и прочту донесение. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь...

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

– Начинается он обращением: «Галактическому центру. Доклад автоматического разведиска Г/п 31-4576. Цель полета – исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

– Ну и ну, – сказал тихо Павлыш.

– У меня у самого вопрос к нашим гостям, – произнес капитан.

– Пожалуйста, – ответил корона Аро.

– Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние – несколько парсеков.

– Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, – сказал корона Аро. – Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Практически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

– Спасибо, – кивнул капитан. – Продолжим чтение: «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору – 13000 километров, расстояние до светила...» Ну, тут идет целый ряд данных... ага, вот, что нас интересует: «Температура на поверхности в пределах от плюс до минус тридцати градусов по Цельсию; состав атмосферы: кислород – двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы; семьдесят процентов площади планеты покрыты водой...» Ну, и так далее. Теперь самое главное: «При первом облете планеты на высоте 100 километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты губительным»...

Корона Аро медленно повернул голову, взглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

– ...«Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что даже если кто-то из обитателей Синей планеты смог спрятаться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунк-

тов». – Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его. – Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

– Боже мой! – вздохнула тетя Миля. – Всю свою землю погубили?

– Да, – сказал корона Аро. – Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

– А как возник конфликт? – спросил Кудараускас.

– Мы еще не знаем.

– И наша задача узнать как можно больше о погибшей цивилизации?

– И это тоже, – подтвердил Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

– Почему именно мы? – спросил Павлыш. – Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

– Я отвечу? – обернулся к капитану корона Аро.

– Конечно, – сказал капитан. – Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежина заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежина получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была выполнена на такой же бумаге и этим же шрифтом.

– В документе, который взял механик Антипин, – сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), – есть этому объяснение. Разведиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. – Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку – обнаружился карман – и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

7

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста – видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

– Вот так, – сказал Загребин. – Туда мы и летим.

– На кладбище, – добавил Бауэр.

– Что же раньше-то не видели? – спросила тетя Миля.

– Знаете же, – сказала Кирочка, – увидели взрывы. И было поздно.

– Такое могло случиться и с нами, – заметил Кудараускас. – Но мы справились.

– Вы справились, – сказал корона Вас. – И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла на стол.

– Странное чувство, – произнесла Снежина. – Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография как фотография. А я знаю, что не только он умер – умерли все они. Представляете, все. Они строили дома, ездили друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого – ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И, наверное, когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет...

– А почему все-таки мы? – спросил Бауэр. – Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

– Это ясно, – ответил Малыш быстрее, чем успел сделать это корона. – Те были такие же или почти такие же, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

– Да, вы правы, – сказал корона Аро. – Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эволюция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее – не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету...

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

– Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, – произнес капитан.

– Да, – согласился корона Аро. – Мы прибыли к вам не с пустыми руками.

Снежина поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них, нечто таинственное и значимое, ради чего «Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

– Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? – попросил корона Аро. – Мы оборудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановился, чтобы пропустить Снежину вперед. Хвост он спрятал за спину.

Снежина сказала ему:

– Вы быстро усваиваете информацию.

– Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без помощи лингвиста, – ответил Аро, – у меня хорошая память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-таки быть подальше от корон. Но в лабораторию пошла. Тете Миле было очень жалко людей. Или почти людей, которые загубили себя. Она догнала в коридорчике Кирочку и сказала ей:

– Кира, вы уж спросите у этих, может, не они сами, может, кто к ним прилетел?

– Ну кто может прилететь?

– Галактика большая, – произнесла тетя Миля.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

– Скажите, корона Аро, а не могло так случиться, что жители планеты подверглись нападению извне?

– Очень маловероятно, – ответил, не оборачиваясь, корона. – Но на месте мы все узнаем.

8

Корона Аро подошел к зеленому пульту, занимавшему половину дальней стены. Робот обслуживания тихо откатился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас остановился у похожего на операционный стол аппарата, покрытого сверху прозрачным колпаком и соединенного шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у изголовья.

– Это опытная аппаратура, – сказал Вас. Если в кают-компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был более уверен и разговорчив. – Мы закончили ее разработку несколько месяцев назад. В Галактике она пока неизвестна. И долго не была бы известна, не случись

несчастья с Синей планетой. Назначение ее – оживлять погибшие или умершие живые существа.

Павлыш как зачарованный подошел к столу.

– Если в теле сохранились наследственные клетки, можно восстановить по ним весь организм, – продолжал Вас. – В любом живом организме наследственные клетки хранят информацию, включающую его строение, функции, способ воспроизводства. Не только у нас – и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг – клетка.

– Браун в Массачусетсе работает с мышами, – сказал Павлыш. – Я читал. Но пока...

– Неудивительно, – ответил корона Аро. – Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Проблема была в том, как прочесть информацию, заключенную в мертвой клетке.

– И сколько же времени после смерти клетка хранит информацию? – спросил Павлыш.

– Это зависит от условий, в которых она находилась.

– Но если вы воссоздадите организм по клетке, будет ли возвращена ему память? Вспомнит ли ваше существо о приобретенном опыте? Этого же нет в обычной клетке.

– Вы правы, доктор, – согласился Вас, нетерпеливо постукивая по полу кончиком хвоста. – Нам подходит не каждая клетка.

– Прошел год, – сказала Снежина.

– И все же мы не теряем надежды, – ответил Аро.

– Нам уже удавалось оживлять подопытных животных через несколько месяцев после их гибели, – дополнил Вас, – и сейчас мы продемонстрируем вам наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмилии Кареновне.

– Эмилия Кареновна? – спросил он строго.

– У меня мышей нет, – сказала тетя Миля. – И быть не может.

– Говорила вам, возьмем кота, – напомнила Кирочка. – На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

– Мы этого опасались, – сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста.

Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра – невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

– Простите, – опять включился корона Аро. – Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас. Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой.

– Ну что вы, – успокоил его Загребин. – Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

– Я к вашим услугам, – сказал Малыш.

– Не сходи с ума! – остановила его Кирочка.

– А почему бы и нет? Буду по крайней мере первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

– Нет-нет, – отказался Вас. – Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

– А если мороженную курицу?

– Курицу?

– Это такая птица, – разъяснил Бауэр. – Мы ее употребляем в пищу.

– Только она потрошенная, – сказала тетя Миля.

– Очень хорошо, – сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

– Придется подождать, пока она согреется, – сказал корона Вас. – Это недолго.

– Мы подождем, – ответил Баков, и концы его пшеничных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом и был подчеркнутым патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, – жаловался он Снежине. – Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», она не любила, когда посторонние распорядились на камбузе или в буфетной.

– Мы подождем, – повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, заоченел приоткрытый клюв.

– Я выбрала с головой, с мозгами, – сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гулко стукнулось о поверхность столика. Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился. Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

– Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, – пояснил корона Вас.

– И вы собираетесь так оживлять людей там? – спросил Бауэр.

– Это зависит от того, найдем ли мы останки достаточной сохранности, которая позволит произвести эксперимент удачно. И вам понятно теперь, почему мы просили снять с маршрута именно земной корабль?

– Да, – произнесла Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покраснела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

– Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобие улыбки.

– Правильно, – сказал он. – Извините, но для нас не секрет: наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

– Нет, что вы, – быстро проговорила тетя Миля. – Я уже привыкаю.

– Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень разного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

– Не пережила, – подтвердила тетя Миля.

– Мы решили, что если оживим хотя бы одного жителя Синеи, он должен очнуться среди существ, близких ему.

– Можно начинать, – заметил Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежина шагнула поближе к операционному столу. Остальные тоже.

– Операция займет несколько минут.

Корона Вас положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

– Начинаем. – Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежина достала сигарету, но закурить не решалась.

Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Баков заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», – подумала Снежина.

– В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, – сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

– Мы просим вас помочь нам, – обратился к нему Аро. – Это несложно.

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки двигались вдесятеро ленивей, чем положено...

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо хвостом, скажет: «Простите, но аппаратура экспериментальная...» Однако короны молчали.

– Смотрите, – сказал Христо. – Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

– Правильно? – спросил Вас. – Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнулся, наливаясь кровью, гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, – подумала Снежина, – сколько нам еще работать, пока мы станем как они. Человек – венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек – венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверное, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Веки курицы дрогнули, она приоткрыла клюв и издала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озираться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжествующе заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу, а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежиной табаку и попробовала склевать крошку.

– Ну как? – спросил корона Вас.

– Убедительно, – кивнул Павлыш.

– И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, – сказал Антипин.

– Дура эта птица, – произнесла Снежина. – Хоть бы что – гуляет.

– Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена. – Загребин посмотрел на часы. – У нас очень много дел. И, по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, если сможем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. На вахты идут все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам.

Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков.

Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Мальш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

– Ты что? – спросила Кирочка Мальша.

– Я подумал: паровое мясо нам обеспечено. В морозильнике должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

– Ты с ума сошел, Мальш, – сказала Кирочка. – Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я – рыжеватая блондинка.

9

– Сначала я себя чувствовал очень неловко, – сказал корона Вас. – Мы вторглись в ваш мир, даже перепугали Эмилию Кареновну.

– Нам тоже было не по себе, – проговорила Снежина. – Вы бы садились.

– Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

– Садитесь. Вам налить соку?

– Апельсинового, – попросил корона Вас. – Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

– А вот нам вы помогли, – сказала Снежина, открывая банку с соком. – Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и ждет, когда они начнут нестись.

– Нестись?

– Ну, яйца нести, зародышей. Мы их тоже едим.

– Прискорбно, что наши братья по разуму – отъявленные хищники, – сказал Вас.

– Сегодня входим в большой прыжок, – перевела разговор Снежина. – Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

– Хороший сок, – заметил он. – Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал какой-то пакетик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

– Теперь совсем хорошо, – сказал корона Вас. – Я последние полгода не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и вложили туда высушенную труку – это такое насекомое. И вдруг он подпрыгнул.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

– Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Это большая честь. И я чувствую себя великим ученым.

– Вы не страдаете излишней скромностью, – улыбнулась Снежина.

– А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

– Вниманию пассажиров и членов экипажа, – вдруг произнес динамик в углу. – Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

– У нас еще есть несколько минут, – сказал корона Вас. – Я немного опасался, что различия во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней...

– Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, – напомнила Снежина.

– И, пока ждала, рассказывала Аро, что на Земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

– Они называются жабами, – добавила Снежина. – Они крайне низко организованы.

10

Когда роботы задраивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка, люди начинают

думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это бродит только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка – обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки...

Двигатели того типа, что стоят на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него появились незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время – три-четыре недели. Столько требовали процедуры разгона и торможения.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском, около ста пятидесяти метров в поперечнике, – издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного, не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

На этот раз между началом и концом сна протянутся мириады километров, число которых доступно математике, но не разуму.

Роботы задривали крышки ванн. Движения их были спокойны и неспешны. Для них не играло роли, людей они запаковывают или посуду.

Антипин, вахтенный механик, который войдет в ванну последним, когда убедится, что остальные заснули и корабль готов к прыжку, проверял герметичность ванн и креплений, улыбался запеленатым, будто мумии, товарищам, переходил к следующей ванне.

...В эти минуты люди начинают думать быстрее, чем обычно. Баков поймал себя на мыслях о Черном море, о теплой гальке пляжа, о пене, взлетающей над набережной Алушты, о солнечных бликах на волнах. Отогнал настойчивое видение, представил, что идет по кораблю: нет ли забытых, неукрепленных, брошенных вещей? У Павлыша в медкабинете? В буфетной? Запаковала ли Эмилия Кареновна голубой сервиз? Баков из чужих рассказов знал, что при выходе из большого прыжка обязательно обнаруживается нехватка различных вещей: на большом корабле всего не учесть, каким бы старательным старпомом ты ни был. Уж очень силен толчок. Но даже зная это, Баков всем существом противился подобной неизбежности. Такое могло случиться на любом корабле, но «Сегежа» не должна подвести...

Снежина представила себе разрушенную мертвую планету. Ветер, дующий между островами домов. То ли старый кинофильм, то ли прочитанная и давно забытая страшная книга

придала видению конкретность вплоть до деталей: повисшего на остатках балок балкона, остановившихся круглых часов на столбе, детской куклы, брошенной посреди мостовой...

Корона Вас думал о том, что после прыжка опять будет болеть голова, вернуться короткие обмороки, неожиданные и унижительные. Потом почему-то подумал, что эволюция обделила людей, дав им только два глаза, сильно ограничив им поле видимости. Сам же он отлично видел и голубой потолок отсека, и дно ванны, блестящее и мягкое, охватившее тело снизу...

Агнесса Колли, сильно приукрашенная воображением Малыша, заглядывала ему в глаза и шептала о том, что обязательно дождется. Последняя радиограмма, подписанная ею, пришла перед самым прыжком. Земля-14 давала «добро». Ближайшие несколько недель, а то и месяцев разделят радистов так надежно, что, захоти Агнесса наконец сказать Малышу «да», новость эта затеряется где-то на полпути к «Сегеже», пропадет, иссякнет.

Антипин убедился, что все в порядке. Включил газ. Он стоял на мостике один, смотрел, как стрелка тянется к красной черте. Он знал, что сейчас мысли пассажиров и космонавтов путаются, превращаются в сны, пропадают. Голубой газ медленно заполняет ванны, охлаждая тела, закутывая их надежно и плотно.

– Что ж, пора и нам, – сказал себе Антипин. Включил сирену «готовность-ноль».

Роботы послушно бросились к амортизаторам. Лишь последний, которому предстоит задраить ванну механика Антипина, шел сзади, пришепывая ступнями по упругому пластику.

Корабль был мертв. Спал, заколдованный. И Антипин, словно принц, разыскивающий спящую красавицу, медленно шел по его дремучему лесу. Спешить некуда. До прыжка еще девятнадцать минут.

...За тридцать секунд до прыжка «Сегежа» проверила себя: все ли механизмы готовы, все ли живые существа надежно спрятаны, все ли роботы догадались закрепить. Приборы доложили: все в норме.

Корабль содрогнулся – никто из людей уже не почувствовал этого – и, растворившись в космосе, субматериальной волной ринулся к точке, отстоявшей на девяносто три световых года от Земли и на два миллиона километров от Синей планеты.

Глава вторая. Здравствуй, Адам!

1

Хуже всего перенес прыжок корона Аро. Павлыш приказал роботам перенести его в госпиталь. Аро терял сознание и в бреду старался сорвать коробочку лингвиста. Вас припелся в госпиталь, чуть только пришел в себя, у него оказался с собой целый ящик лекарств.

С мостика позвонил капитан. Спросил у короны Вас, как торможение может отразиться на здоровье Аро. Вас не знал. Договорились отложить торможение на десять часов. «Сегежа» на крейсерской скорости пошла по большой дуге вокруг Синей планеты.

Баков, расчесав казацкий чуб, обходил корабль. Настроение было плохое: «Сегежа» подвела. Роботы занимались ремонтом приборов, пострадавших при толчке. Тетя Миля спрятала разбившуюся чашку, уже третью, в шкаф. Потом попросит Кирочку склеить – у нее золотые руки.

Вынужденная пауза нарушила размеренное течение жизни «Сегежи». Свободные от вахт собрались в кают-компании, в десятый раз читали отчет разведчика, разглядывали фотографии. Малыш пытался убедить Кудараускаса в том, что жители Синей планеты – потомки атлантов. Кудараускас, человек трезвый и сухой, обстоятельно доказал Малышу невозможность подобного допущения, чем укрепил Малыша в решимости разрабатывать эту гипотезу.

Баков поднялся на мостик со списком повреждений и убытков, нанесенных большим прыжком. Вид у него был виноватый, и кончики усов обвисли. Капитан список читать отказался, спросил только, не попало ли в него что-нибудь незаменимое.

– Как вам сказать... – начал Баков.

Капитан понял, хмыкнул и произнес:

– Я ведь тоже старпомом летал. Недавно еще. Переживал. Мы как-то в метеоритную бурю попали. Не в поток – в самую настоящую бурю. Бьются метеориты о корпус, мебель гнется; куда ни поглядишь, летят осколки корабельного имущества. А надо вам сказать, Алексей Иванович, судно наше было каботажником: Луна, ближние планеты – и домой. Так капитан наш, Паплиян – не слышали о таком? – он сейчас на Земле, во Втором управлении...

Павлыш сказал по внутренней связи:

– Корона Аро хочет поговорить с вами, капитан.

– Слушаю, – обернулся к видеофону капитан.

Аро лежал на подвесной койке, до подбородка закрытый простыней. Веки его набрякли и почернели.

– Мне уже лучше, Геннадий Сергеевич, – проговорил Аро. – Я хотел извиниться за задержку, вызванную моей слабостью.

Загребин постучал сигаретой о край пепельницы, улыбнулся и сказал:

– Надеюсь, вам скоро будет еще лучше.

– Мне уже лучше. Я думаю, можно начать маневр.

– Это мы сейчас увидим, – сказал капитан. – Павлыш, как ваше мнение?

– Рано еще, Геннадий Сергеевич. – Павлыш приблизил лицо к экрану видеофона. – И корона Вас со мной согласен. Я думаю, корона Аро несколько возбужден...

– Ясно, – решил Загребин, – отдыхайте. Время у нас есть. Они ждали год, подождут еще несколько часов. – Он отключил видеофон и сказал вошедшему Бауэру: – Прискорбная задержка. Я все отлично понимаю, а вот хочется сразу рвануть туда. И собственными глазами посмотреть.

– Да, странное чувство, – согласился Бауэр. – Как будто можем опоздать.

– И все-таки нам повезло, – сказал Загребин, – что мы шли на Титан. А если бы «Агра» оказалась на нашем месте?

Потом Геннадий Сергеевич завел длинный разговор о том, что делать на корабле после посадки.

– Уровень радиации смертелен. Работать будем в скафандрах высокой защиты. Подготовить дополнительные шлюзы на выходах. Будем жить в состоянии постоянного радиационного аврала. И объявим его сейчас, чтобы не терять даром времени.

2

«Сегежа» вышла на ближайшую орбиту через неделю после прыжка. Синяя планета медленно поворачивалась в двухстах километрах внизу, последовательно показывая материки, океаны, острова. Жизнь корабля полностью нарушилась. Отстояв вахту, штурманы не уходили с мостика. Да и остальные члены экипажа предпочитали под всяческими предложениями, а то и вовсе без предлогов держаться поближе к экрану внешнего обзора.

Капитан много курил – робот едва успевал чистить пепельницу, – поглядывал на посторонних, чье пребывание на мостике ничем нельзя было оправдать, но молчал. Баков, единственный, кто покидал мостик сразу после конца вахты, хотя ему хотелось побыть у экрана никак не меньше прочих, указал как-то Загребину на нарушение внутреннего распорядка. Загребин только вздохнул:

– Это любознательность. Та самая, которая движет прогрессом и свойственна не только людям.

– Если бы прогулка... – сказал Баков.

– А я не рассказывал про того старика, который у нас в училище вел навигацию? Он всегда говорил: если будете перевозить слонов, обязательно запирайте клетки. Как почистите, так и запирайте. Мы, говорит, везли однажды на Марс двух слонов и забыли клетку запереть. Один слон был пожилой, умный и нелюбознательный. Он остался. Другой, молодой, вышел и отправился на мостик. В результате пришлось на два дня задержать торможение. Ловили слона.

Бауэр хихикнул. В прошлый раз притча о слонах была рассказана совсем с другой моралью.

– Не совсем понимаю, – сказал Баков, и усы его дрогнули.

– Я сам не сразу понял. Во-первых, зачем слоны на Марсе? Во-вторых, зачем слонам любознательность?

Загребин прикурил от недокуренной сигареты новую и спросил Бауэра:

– Посмотри, Глеб, у полярных шапок радиация не меньше?

Первые снимки, сделанные за миллионы километров, показывали спокойный мир, чем-то схожий с Землей. Так же облака закрывали клочьями океаны и материки, так же зелеными пятнами проглядывали долины и белыми – ледяные шапки у полюсов. Правда, облаков было больше, чем на Земле, и они быстрее двигались над планетой – видно, чаще дули ветры. Корона Аро предположил, что эти возмущения – следствие ядерных взрывов. На планете нарушен климатический баланс.

Зонды послушно отправлялись в полеты к поверхности, сообщали о составе воздуха, уровне радиации, температуре и составе биосферы. Биосфера была крайне бедной, куда беднее, чем положено иметь планете такого типа.

Увеличенные снимки участков планеты, принесенные разведдисками, грудами лежали на навигационных столах и в кают-компании, а после тридцатого витка объем собранной информации вырос настолько, что переработать его можно было бы, только переключив на это Большой Мозг. Однако основное было ясно и без обработки информации: планета

мертва. Раньше, совсем недавно, здесь обитали люди, сотни миллионов, миллиарды людей. Но год назад после атомной катастрофы они погибли. Все до единого. Кто спасся от ядерных взрывов – умер от радиации. Заражено все – и воздух, и вода, и почва. Пройдет еще много лет, прежде чем планета снова станет пригодной для жизни.

Причин катастрофы, ее продолжительности зонды и съемочные камеры выяснить, естественно, не смогли – это придется делать людям.

Пора было спускаться.

Совещание на мостике, посвященное этой проблеме, было длительным и бурным. За последние дни каждый из членов экипажа рассматривал карты, каждому приглянулось то или иное место на планете и каждый считал, что именно в его точке больше всего шансов найти «материал» для аппарата короны Вас.

Загребин всех выслушал, никого не перебивая, потом сказал:

– Я поддерживаю вариант короны Аро, который предлагает совершить посадку у города в южном полушарии, где климат довольно суров и в течение девяти месяцев температура ниже нуля. Город сравнительно мало поврежден. По крайней мере, меньше многих других городов. Он лежит в низине, на берегу моря и с трех сторон защищен от ветров. Речка, протекающая через город, берет начало неподалеку в горах, из ключей. Возможно, уровень радиации в ее воде ниже, чем в воде других источников. Вот вроде и все.

Снимок города, который капитан выбрал для высадки, прикрепили к стене. Сверху, с высоты тридцати километров, город казался коротконогим осьминогом, подобравшим половину щупалец. Он обнимал двумя из них полукруглую бухту, упрятав тело между высокими холмами. Часть зданий в городе сохранилась, и улицы, извилистые и узкие, проглядывали кое-где светлыми полосками. В некоторых местах они прерывались, засыпанные обрушившимися домами. Бомбы взорвались, видимо, на его восточной окраине, а западные районы, за центральным холмом, увенчанным руинами какого-то большого здания, остались целы. Правда, после взрывов в городе бушевали пожары – черные полосы гари широкой кистью были нанесены на карту.

За городом вдоль дороги к горам встречались отдельные домики и группы домиков.

Большого при первом осмотре нельзя было узнать. Но все равно космонавты подолгу стояли у снимка, вглядываясь в извилины улиц и зелень холмов (в городе была поздняя весна). Пройдет день, и город из не очень четкого снимка превратится в пейзаж, в камень и дерево, в проблемы и споры. Он приобретет имя, вернее, вернет себе свое старое имя. И еще долго члены экипажа «Сегежи» будут говорить, встречаясь: «А помнишь, как мы жили в ...» Может быть, если удастся эксперимент, этот город войдет в учебники истории Галактики как место, где было начато возрождение Синей планеты. И в книгах будут писать: «Космический корабль „Сегежа“ г/п 304089 опустился в районе города...».

3

Диск «Сегежи» опустился на планету в районе города... Некоторое время на корабле царил зыбкая тишина встречи с землей, тишина не беззвучная, а полная гудения механизмов, суетни очнувшихся роботов, мерцания аварийных ламп и шелеста креплений.

Загребин протянул руку к раме экрана, достал сигарету и, не отрывая глаз от экрана, закурил. Баков демонстративно откашлялся в соседнем кресле и спросил:

– Включить внутреннюю связь?

– Включайте, – сказал капитан.

Он знал: старший помощник хотел, чтобы капитан, как и положено по инструкции, поздравил экипаж с благополучным прибытием на новую планету. Но следовать инструкции не хотелось. Уж очень было тревожно.

И тогда Баков включил внутреннюю связь и спросил:

– Корона Аро, корона Вас, как перенесли посадку?

– Хорошо, – ответили короны по очереди.

Тут Загребин посмотрел на экран и сказал:

– Мы прилетели. Пришли. За работу. С настоящего момента входит в силу наземное расписание номер три. Для чрезвычайно сложных условий. Начать подготовку механизмов для разведки.

Баков нахмурился. Поздравления не было, а слова о расписании положено говорить старшему помощнику.

Капитан смотрел, не отрываясь, на экран и старался угадать, что принесет завтрашний день и все те дни, что придется провести на этой погибшей планете.

Экран вобрал в себя окружающий мир. С одной стороны совсем близко подступали крутые склоны холма, кое-где затянутого пятнами зелени. По другую, за пустырем, полуманном рядом тянулись небольшие дома, незнакомые, непонятные, но в то же время приспособленные для того, чтобы в них жили именно люди. Стекла в домах были выбиты, и окна зияли черными провалами.

Загребин включил звук, и в корабль ворвался заунывный шум ветра.

4

В коридоре стало тесно. Роботы под наблюдением Антипина соорудили дополнительный антирадиационный тамбур. Тамбур был тесен. Это не играло роли, когда вы выходите наружу, но задерживало возвращение на корабль.

Первыми в тамбур втиснулись Баков, Бауэр и Снежина. Снежина сказала – правда, не очень искренне, – что следовало бы вместо нее выпустить в первой партии Кирочку: она, по крайней мере, втрое меньше.

Бауэр ничего не ответил. Он стоял, прижавшись к стенке, ожидая, когда отодвинется люк в основной шлюз корабля, и думал о чем-то очень далеком и невеселом.

Это было не только с Бауэром.

Многим из членов экипажа уже приходилось ступать на камни или лед новых планет или астероидов. Многим приходилось проводить часы перед высадкой в ожидании, пока автоматы принесут последние сведения, и видеть в нескольких метрах недоступную еще поверхность планеты. И всегда это было связано с томлением, но томлением скорее сладостным, томлением мореплавателя, который должен ждать прилива, чтобы спустить шлюпку и преодолеть последние метры до неведомой земли, до ее золотого песка и пышных пальм...

Люк в основной тамбур отошел в сторону, и Баков пропустил вперед Снежину. Здесь было свободнее. Зашуршал входящий в тамбур воздух. Он будто шептал о чем-то, и Снежине показалось – предупреждал, запрещал.

Баков смотрел, как медленно уходил люк. Это было похоже на солнечное затмение. Тень луны уходит с солнечного диска. Только это был не солнечный диск. На планете было дождливо, серо и ветрено.

Легкий туман клочьями пролетал мимо корабля, и за завесой дождя скрылись недалекие дома города. Снежина включила отопление скафандра. Было градусов пять тепла.

Баков первым спрыгнул на поверхность планеты. Он постарался спрыгнуть легко и даже изящно, потому что всегда помнил о впечатлении, которое должен производить на окружающих. Он знал, что на мостике у экрана стоят его товарищи и каждое движение старшего штурмана видно им во всех деталях. Баков обернулся и помог выйти Снежине. Бауэр шел последним.

Несколько секунд они стояли, глядя, как на люк снова наползает крышка. Потом Бауэр поднял руку для тех, кто остался на мостике. В наушниках прозвучал голос Загребина:

– Не увлекайтесь.

Загребин откашлялся, и Бауэр представил, как он постукивает сигаретой о край пепельницы.

Бауэр прислушался. На планете все было тихо. Вдруг сзади что-то лязгнуло. Снежина вздрогнула и обернулась.

– Это «Еж», – успокоил Баков. – Он будет нас сопровождать.

– Может, все-таки поедете на нем? – спросил Загребин.

– Нет, Геннадий Сергеевич, мы так пойдем. А в случае чего заберемся в «Ежа», – ответил Баков.

– Ну, давай, – сказал Загребин. Он сам предложил, чтобы вездеход шел за группой. На всякий случай.

Бауэр посмотрел на шкалу счетчика радиации. Стрелка дрожала далеко за красной чертой.

«Еж», скорее напоминающий жука с длинными передними ножками, остановился в двух шагах от разведчиков.

– Пошли, – сказал Баков. – Все в порядке!

Он сделал шаг по мелким камням, усеивающим продрогшую влажную землю. Его прямые широкие плечи, обтянутые скафандром, были напряжены. Баков был очень серьезен и не собирался рисковать.

5

Видно, здесь, за последними домами города, никогда ничего не строили. Пустырь пересекали тропинки, заросшие плесенью и мхом. Вчера роботы притащили их образцы, и Павлыш засел на ночь в лаборатории. Потом к нему присоединился Вас. Биологи решили, что плесень – мутация, приспособившаяся к жизни на мертвой планете. Вернее всего, она недавно покрыла этот пустырь. Раньше здесь росли трава и кусты.

Снежина подобрала высохшую ветку и протянула ее «Ежу». Тот взял ветку длинной рукой и спрятал в свой «горб». Павлыш потом разберется.

Мелкие капли дождя били по шлему и стекали струйками к плечам. Приходилось время от времени вытирать забрало перчаткой. Но все равно через минуту мир снова начинал дрожать и расплываться, искаженный струйками воды.

Баков увидел тропинку и свернул на нее, отклонившись от прямого пути к домам. Шагов через двадцать тропинка раздвоилась.

Мощенная камнем дорожка вела к дому. У закрытой растрескавшейся двери стояло дерево. На надломанной ветви сохранились бурые, скрючившиеся листья.

– Подождите здесь, – сказал Баков Снежине и Бауэру. И для сведения Загребина добавил: – Сейчас войду в помещение.

Снежина рассматривала дом. Закрытая дверь, краска облупилась, и между ее розовыми пятнами проглядывает серое дерево. Несколько окон – шесть или семь по фасаду. Окна, высокие и узкие, сужаются кверху. Некоторые закрыты ставнями. Раньше в окнах были стекла, но стекла вылетели, и осколки валяются на дорожке. Некоторые из осколков белые – на окна были наклеены полосы бумаги. Плоская крыша выступает далеко над стеной.

Тем временем Баков подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

Баков включил фонарь на шлеме и медленно повернул голову, обшаривая лучом комнату.

– Пусто, – решил он наконец. – Пойдемте.

«Еж» подвинулся по дорожке к самому входу, и Снежина знаком приказала ему ждать.

Первая комната была пуста, только на дальней стене висела картина без рамы и прибор с циферблатом, похожий на часы.

Лучи фонарей металась по комнате, играя тенями на стенах.

Дверь в следующую комнату была открыта. Баков сделал шаг к ней, но вдруг остановился, прислушался. Снежина тоже услышала тихое постукивание, быстрое и ровное, будто кто-то на цыпочках пробежал через ту комнату.

– Прибавь мощности, – шепнул Бауэр.

Баков переключил фонарь на шлеме, и тот кинул ослепительный поток света. И тут же постукивание пропало, будто налетев на препятствие.

– Что-нибудь случилось? – спросил в шлемах голос Загребина.

– Тише, – прошептала Снежина.

Баков сделал шаг вперед, в дверной проем.

– Вот она, – сказал он.

Снежина заглянула ему через плечо. Пойманное в ловушку яркого луча, ослепленное, в углу комнаты сидело рыжее животное, похожее на крысу, только без хвоста, с большими острыми ушами. Услышав голос Бакова, крыса, будто очнувшись, бросилась к высокой кровати, занимавшей чуть ли не половину комнаты, и исчезла под ней.

– Обнаружили животное, похожее на крысу, – доложил обыденным голосом Баков. – Поймать пока не удалось.

– Интересно, – сказал Загребин.

Баков, задумавшись о чем-то, кивнул.

– Может, отодвинем кровать? – спросил Бауэр. – Эта дуся могла построить себе гнездышко.

Баков ничего не ответил, но потянул на себя кровать, аккуратно застланную истлевшим, ветхим покрывалом.

Снежина ахнула. За кроватью обнаружилось большое гнездо, из которого к щелям между стеной и полом кинулись крысята. Бауэр открыл ставни, и в комнату вошел серый дождливый день.

Потом осмотрели остальные помещения. Снежина удивилась несхожести таких знакомых вещей, как плита, кастрюли, стулья, будто изобретатель долго ломал голову, чтобы сделать их не такими, какими положено им быть в Москве или Париже. На Синей планете вся мебель – столы, стулья, кровати – почему-то были на трех, пяти или даже более ногах, с треугольными и пятиугольными поверхностями...

6

Они сошли по ступенькам вниз и свернули направо, к другим зданиям. Бауэр нес в руке пачку отпечатанных листов, вернее всего, газету. Он осторожно передал их ожившему при приближении людей «Ежу».

Второй дом выплыл из тумана, похожий на первый провалами выбитых окон и безнадёжным запустением. Разведчики прошли мимо, приостановившись на секунду. Большая устоявшаяся лужа перекрывала дорожку дальше, и пришлось обогнуть ее по камням пустыря. Никому не хотелось входить в черную воду – было такое чувство, будто промочишь ноги.

Третий дом был побольше других. Угол его обвалился. Сквозь дыру виднелись треугольный стол, шкаф и какой-то небольшой ящик, блестящий с одной стороны. «Еж» задержался, сунул лапу в дом и уложил ящик к себе в багажник. «Еж» был похож на старьевщика,

который умудрился превратить в мешок самого себя. Третий дом стоял уже на углу настоящей улицы, с мостовой и тротуарами по сторонам. По обе стороны вдаль уходили вереницы одинаковых зданий. Улица вела к центру. Вчера ее осмотрели роботы-разведчики. Маршрут группы дальше вел по ней.

– Почему дома кажутся старше, чем они есть на самом деле? – спросил сам себя Бауэр.

– Старше?

– Ведь всего год, как люди ушли отсюда.

И как бы в ответ на его вопрос дождь внезапно усилился, и со стороны моря на улицу ворвался ветер. Ветер бил струями дождя по потрескавшимся облезлым стенам, старался сорвать кровлю и выбить остатки стекол. Идти вперед стало труднее. В десяти шагах впереди Баков казался Бауэру туманным привидением.

Остановились. Ветер все крепчал и, казалось, хотел загнать космонавтов обратно на корабль.

– Возвращайтесь, – приказал Загребин. – Слишком сильный ветер.

Снежина оглянулась, стараясь разглядеть такой близкий и совершенно еще незнакомый город. Что-то круглое катилось посреди улицы к разведчикам. Баков отступил в сторону. Бауэр нагнулся и поднял ржавую каску с поперечным невысоким гребнем. Каска была пробита сбоку, и в круглое отверстие можно было просунуть палец. Бауэр так и влез в «Ежа» с каской в руках. Он был похож на пожарника или солдата, отдыхающего после трудного дела.

Крыша кабины «Ежа» задвинулась, и вездеход развернулся к кораблю. Он шел медленно, обходя выбоины на мостовой, и дождь бил по куполу кабины...

7

Погода до вечера не улучшилась. Шторм старался раскачать диск «Сегежи» и заткнуть его в расщелину между холмами. Экран на мостике почти ослеп, и сквозь разрывы в ливневой стене иногда мелькала блестящая спина дежурного робота, кружившего, не обращая внимания на непогоду, вокруг корабля. Экраны локаторов показывали, что вокруг все спокойно: зеленые точки и полосы улиц были неподвижны.

Корона Аро поднялся на мостик и сел подальше от капитана, чтобы не задохнуться от табачного дыма.

– Странная привычка, – сказал он. – Попали бы вы на нашу планету лет тысячу назад, вас бы сочли за колдуна и уничтожили.

– У нас было тоже нечто подобное. – Загребин погасил сигарету. – Колумб, великий путешественник, привез табак из Америки. Некоторые думали, что это колдовство... Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

– Я им недоволен, – ответил корона Аро.

Кудараускас, сидевший у локатора, покосился на корону, потом подумал, что вмешиваться в разговор ему не следует, и снова повернулся к локатору.

– Два фактора, не учтенных разведэкспедицией, меня очень смущают.

– Я их назову за вас сам, – сказал Загребин. – Это погода и крысы.

– Да, погода и крысы, – согласился корона Аро. – Я сейчас был у Павлыша. Он увеличил снимки. Крысы всеядные, и я не исключаю, что их много. Они как-то приспособились к радиации.

Робот Гришка, в белом переднике, принес поднос со стаканами чая и бисквитами. Загребин подвинул один из стаканов Аро. Кудараускас отставил свой в сторону – пусть остывает.

– Чай очень возбуждает, – заметил Аро. – Два-три глотка – и я уже всю ночь не сплю. Но это неважно. Я могу не спать несколько ночей без вреда для себя. Как биолог, я знаю, что чай мне пить не следует.

– Посмотрите! – воскликнул Кудараускас.

На экране локатора одна из зеленых точек сдвинулась с места и медленно поползла по направлению к кораблю. Потом остановилась.

– Где это? – спросил капитан.

– Расстояние... расстояние три километра. Размеры объекта примерно десять квадратных метров.

– Крышу сорвало ветром, – уронил корона Аро, прихлебывая чай. – Крышу.

– Правильно, – сказал капитан. И добавил: – Поглядывай в тот сектор, Зенонас.

– Извините, Геннадий Сергеевич, – произнес вдруг Кудараускас. – Можно я задам вопрос?

– Почему так официально?

– Вопрос серьезный. Имеем ли мы право вмешиваться в их жизнь?

– Не понимаю, – ответил капитан, но, видно, все понял, потому что вынул из пачки новую сигарету, закурил, забыв, что Аро, возможно, неприятен дым.

– Я слышал все аргументы в пользу попытки оживить здешних людей. С научной точки зрения, очень интересная попытка. А нужна ли она?

– Я удивлен, – сказал корона Аро. Хвост его неожиданно вздрогнул, и коготь на конце хвоста три раза стукнул об пол.

– В развитии каждой цивилизации, – продолжал Зенонас, – есть своя логика, своя целесообразность. Изобретения, которые становятся доступны этой цивилизации, – одновременно испытание ее на прочность.

Зенонас встал и подошел поближе к капитану и короне. Он говорил медленно и внятно. Человеку, который не знал Зенонаса, могло бы показаться, что этот худой некрасивый блондин холоден и равнодушен. В самом деле, за подчеркнутой флегматичностью, за внешней размеренностью всего, что делал и говорил Зенонас, скрывалась сумятица мыслей и чувств и неуверенность в себе, которая заставила Зенонаса три года поступать и три года подряд проваливаться на труднейшем конкурсе факультета астронавигации, и все-таки поступить на четвертый год и стать лучшим из молодых навигаторов Земли.

– Могло так случиться, – развивал свою мысль Зенонас, – что мы на Земле не справились бы с атомом. И мы тоже погибли бы, как и люди на Синей планете. Теперь вопрос: стоило бы нас тогда спасать, стоило бы возродить цивилизацию, которая, по сути дела, кончила жизнь самоубийством? Ведь если она убила себя, значит, в ее структуре, в ее судьбе был какой-то серьезный, скажем, генетический изъян, который предопределил ее гибель.

Загребин не любил отвечать сразу на сложные вопросы. Он в таких случаях тщательно составлял в уме ответ или решение, проверял его до запятой и только потом говорил. Но говорил уже окончательно.

Ответил корона Аро:

– У нас на планете была биологическая война... Сегодня мы можем с высоты сотен лет смотреть на нее как на болезнь роста. Не как на генетическую болезнь – как на болезнь роста. Тогда же она была страшной трагедией. И, может быть, мы не пережили бы ее, если бы к нам не пришла помощь сферид. Их диски опустились в разгар войны в нескольких стратегических пунктах нашей планеты.

– Нас с вами трудно сравнивать.

– Почему?

– Люди воевали не потому, что им этого хотелось, – вступил наконец Загребин. – Людям никогда не хотелось воевать. Но некоторым, всегда меньшинству, войны были выгодны. В

любой войне страдали не те, кому войны были выгодны, – они обычно выпутывались. Страдали и умирали те, кто войны не хотел. И я не удивлюсь, если мы найдем на этой планете солидные бомбоубежища, в которых еще несколько недель, а может, и месяцы после катастрофы существовали виновники войны. И умерли они одними из последних. Они планировали эту войну, планировали убийства, убийства всех, кроме себя. Другое дело, они недооценили силу джинна, которого выпустили из бутылки. Так вот, жители Синей планеты не виноваты в своей смерти, как не виноваты в своей смерти заключенные концлагерей и жители Хиросимы. В них не было никаких генетических изъянов. И если мы можем вернуть их к жизни, наш долг сделать все, чтобы вернуть их. Если бы тебе, Зенонас, сказали, что ты можешь оживить хотя бы десять человек, погибших в Хиросиме, неужели ты отказался бы делать это, потому что их гибель была предопределена природой, роком или еще чем бы то ни было?

– Вы меня не совсем правильно поняли, – Зенонас покраснел, и оттого его прямые волосы казались еще светлее. – Я не хочу, чтобы меня принимали за человеконенавистника. Если бы я мог оживить жертву Хиросимы или еврея, задушенного в Освенциме, я бы это сделал не раздумывая. Но на Земле мы смогли не допустить гибели цивилизации. Значит, мы миновали пору детства. На планете корон также еще не известно, погибла бы цивилизация, не приди на помощь сфериды. Может быть, и нет. Может, она была бы сейчас еще выше. На Синей планете не нашлось сил, способных остановить войну. И если мы оживим их, возникнет дилемма. Или мы оставим их в покое, и тогда через полвека они с таким же успехом снова перебьют друг друга. Или мы будем контролировать их действия, как няньки, и тогда это уже будет не их цивилизация, а наша, галактическая. То есть мы ничего не возродим, а построим свое, новое.

– А галактическая цивилизация – это пока самое интересное, чего добилась эволюция во Вселенной, – сказал корона Аро.

– Есть третий путь, – заметил капитан. – Даже и без нашего контроля жители планеты, знающие, что с ними произошло, справятся со своими проблемами. Почему вы отказываете им в разуме?

– Вы знаете почему. Они однажды не проявили его.

На контрольном пункте замигали россыпью зеленые огоньки. Метеоприборы сообщили, что ветер стихает.

– Вот что, – сказал капитан. – Мы еще поговорим на эту тему. Пора готовиться к экспедиции. Затишье ненадолго.

8

Члены экспедиции собрались у «Великана» – основного вездехода «Сегежи». Корона Аро в своем скафандре казался злодеем из старинного фильма космических ужасов. Возможно, что он думал то же самое о людях, потому что подошел к Антипину и сказал:

– Как вы только обходитесь без хвоста?

И, чтобы показать, как удобно обладать такой частью тела, он поднял под скафандром хвост, лежащий концом на плече, и почесал роговым концом один из своих многочисленных глаз.

Снежина засмеялась, а Антипин сокрушенно покачал головой и поклялся сделать себе хвост, какой коронам и не снился.

Дождь почти перестал, и у горизонта, в просвете между облаками, поблескивало синее небо.

Последним из корабля вышел Загребин.

– Где Павлыш? – спросил он.

– Я здесь. – Павлыш высунулся по пояс из верхнего люка вездехода.

– Тогда прошу всех по местам, – приказал Загребин.

Антипин перевел вездеход на ручное управление и тронул с места. Павлыш с короной Аро спустились на нижний отсек, чтобы еще раз проверить рефрижератор. Снежина с Загребиным уселись за спиной Антипина.

Вездеход медленно проехал мимо дома с крысами, миновал следующие два дома и повернул на улицу, ведущую к центру.

– Мы с Баковым до сих пор дошли, – сказала Снежина. – Здесь нашли каску.

– Интересно, как они последний день прожили? – сказал Антипин.

– А что?

– Вот, например, магазин. Всякую одежду продавали. Видите? Наверно, еще в последний день кто-нибудь платье примерял.

Вездеход объехал кучу камней – остатки разбитого взрывом или ураганом дома. За камнями пришлось задержаться. «Великан» перекинул через глубокую воронку мост из собственных рук и перетащил себя, подобно Мюнхгаузену, на другую сторону, на небольшую площадь, с трех сторон окруженную домами. С четвертой стояло пирамидальное здание с изображением диска с волнистыми лучами. Сделанный из какого-то блестящего металла диск покосился, и некоторые лучи отломились.

Аро, который к тому времени уже вылез из рефрижератора, сказал, показывая на пирамиду:

– Культовое здание.

– Может быть, какое-нибудь учреждение.

– На верхушке изображение солнца.

– Подъездом поближе, – сказал Антипину Загребин. – Там что-то...

– Человек? – Снежина даже привстала на сиденье.

– Где?

– Там, у входа в храм!

Треугольный проем входа в храм был черен. Поперек него лежало что-то напоминающее человеческую фигуру.

Вездеход развернулся к храму быстрее, чем двигался обычно. Антипин наклонился вперед, стараясь разглядеть дальний край площади. Храм в несколько секунд вырос перед вездеходом – серый, каменный, видно, очень старый: камни были выщерблены. Ветрам, даже таким сильным, как здесь, понадобилось бы на это много лет.

Поперек входа лежал скелет человека. Несколько обрывков одежды цеплялось за белые кости. Рядом, откатившись к косяку, валялась каска.

Загребин вылез из вездехода и нагнулся над скелетом. Он обошел его, стараясь не задеть, потом обернулся к подошедшему королю Аро и спросил:

– Очевидно, безнадежный случай?

– Тут мы ничего сделать не можем, – ответил Аро. – Ничего.

Загребин засветил фонарь на шлеме и заглянул внутрь храма. Луч рассеялся и утонул в пустоте большого зала.

– Здесь больше никого не было, – сказал Загребин.

Зал был пуст – ни украшений, ни скамей, – только в конце его несколько ступеней вели к алтарю, украшенному мерцающим в темноте изображением солнца.

Голос Загребина разлетелся по залу и вернулся удесятенным.

– Есьь ольшее ииио не было...

Когда Загребин вышел из храма, скелет у дверей исчез: Павлыш приказал «Великану» взять его с собой. Павлыш был прежде всего биологом, и неизвестно, найдут ли они сегодня останки других жителей планеты.

- Теперь куда? – спросил Антипин.
- Направо. Улица ведет к центру, – сказал Загребин.

9

Через несколько десятков метров вездеход снова остановился. Антипин взглянул на капитана, и тот кивнул. У тротуара стоял экипаж. Три пары колес несли длинное обтекаемое тело машины. Машина казалась совершенно новой, только вчера оставленной здесь владельцем. Лишь проржавела приоткрытая дверца.

– Я загляну в двигатель, – сказал Антипин.

– Давай, – согласился Загребин. – Снежина останется со мной в вездеходе. Павлыш и корона Аро, можете выйти, размяться. Вон там что-то вроде большого магазина. Только не пропадайте из виду.

Снежина немного расстроилась, что ей придется сидеть в «Великане», но отогнала обиду и, включив камеру, принялась снимать улицу. Загребин постучал себя по бедрам, рассеянно нащупывая карманы. Но карманы скафандра были не совсем там, где карманы костюма. И в них не было сигарет.

– Все равно бы не закурили, – засмеялась Снежина. – Шлем.

Капитан ничего не ответил, взял карандаш и стал крутить и разминать его в пальцах.

Корона Аро шел в двух шагах сзади Павлыша, предоставляя доктору полную свободу действий. Павлыш остановился перед разбитой витриной. По грудке истлевших и проржавевших вещей трудно было угадать, что же она представляла собой раньше. Ветер влетал в широкое окно и блуждал между полок с рулонами тканей, вешалок с костюмами, домашней утварью и прочим добром.

Павлыш взглянул вдоль улицы, перед тем как вступить в магазин. Антипин, раскрыв капот машины, увлеченно копался в двигателе и напевал: «Как мы с вами проржавели...»

– Обратили внимание, – сказал корона Аро Павлышу, – что на улицах не видно останков людей?

– Да.

– И в домах, по крайней мере в тех, куда мы заглядывали, тоже людей нет.

– И что же вы думаете? – спросил Павлыш, осторожно перебираясь через холм кастрюль и сковородок.

– Я думаю, что в этом городе жители были предупреждены об опасности. И успели спрятаться. В укрытия.

– Я тоже об этом подумал, – раздался голос капитана, который слышал этот разговор. – И одно из таких укрытий может быть под магазином. Это большой магазин. Поищите.

– Я буду смотреть на указатели, – сказал Аро. – Должны же быть указатели. Вот поглядите, Павлыш. Синие стрелы.

Они пошли, следуя указаниям синих стрел, нарисованных на стенах магазина. Миновали большой зал нижнего этажа. Стрела показывала на комнату в конце зала. Комната была уставлена стульями и длинными низкими столами.

– Столовая, – сказал Павлыш.

– Попробуйте поискать пути вниз, – предложил Загребин.

– Тут много дверей, – ответил Павлыш.

Следующие пять минут корона Аро и Павлыш, разделившись, обошли зал вокруг, открывая все двери. За двумя или тремя из них обнаружили ступени вниз. Но в одном случае они привели в склад, населенный крысами, которые разбежались, стуча когтями, когда в помещение вошел Аро; другая дверь скрывала пустую комнату, неизвестно для чего предна-

значенную. Комната была оклеена листовками и яркими плакатами, изображающими разъяренных мужчин с оружием в руках.

Аро и Павлыш встретились посередине зала. Рассказывать Загребину о неудаче не было смысла – тот знал о каждом шаге разведчиков.

– И все-таки люди где-то были. Куда-то убежали, спрятались, – продолжал настаивать корона Аро.

– Убежище, возможно, было на улице. К тому же город мог погибнуть ночью, – предположил Павлыш. – Когда магазины закрыты.

– В общем, все ясно, – вмешался в разговор Антипин. – Двигатель внутреннего сгорания. Кое-что интересно. А вот еще...

Голос Антипина оборвался.

Загребин посмотрел в сторону машины. Антипина там не было.

– Иван, – произнес он негромко, – что у тебя? Ты куда делся?

А сам уже смотрел в сторону дверей магазина – он знал, что Павлыш и Аро все слышали и должны вот-вот выбежать. Павлыш появился на улице даже быстрее, чем Загребин ожидал, и в два прыжка был у машины.

– Тут люк, – оповестил он.

– Что случилось? Нужна помощь? – В шлемах зазвучал голос Бакова, который дежурил на мостике «Сегежи».

– Я немного ушибся, – сказал вдруг Антипин. – Не спеши, Слава. Тут метра три и крутая лестница. Сейчас я зажгу фонарь.

Снежина спросила:

– Можно я к ним?

Загребин кивнул.

Снежина выпрыгнула из вездехода. Корона Аро зашел за машину. Загребин понимал, что они все нагнулись над люком, в который провалился Антипин, поэтому их не видно, но именно это раздражало – казалось, что он один на улице. Загребин развернул вездеход и осторожно подогнал его к тротуару так, чтобы с места водителя видеть люк.

– Сейчас, – бормотал Антипин. – Сейчас. Что-то заело. Видно, повредил. Это ты, Павлыш?

Павлыш спускался по зыбкой металлической лестнице, которая вела в подвал. Он наклонил голову, чтобы свет фонаря упал на Антипина, и увидел, что тот сидит на неровном полу. Павлыш повернул голову, чтобы осветить подвал, и понял, что они случайно нашли то, чего не могли отыскать в магазине, – убежище.

10

Пожалуй, за всю свою тридцатилетнюю жизнь Павлыш не видел ничего более страшного, чем это убежище на Синей планете.

Половина подвала – сводчатого длинного туннеля, уходящего вдаль, высотой метра три и шириной в пять-шесть метров, – была завалена скелетами. Среди скелетов лежало мало вещей. Видно, люди прибегали сюда, схватив самое необходимое, надеясь выбраться вскоре отсюда. Неизвестно, что погубило людей: то ли они погибли сразу от теплового или радиационного удара, от газовой атаки, то ли умирали постепенно, задыхаясь от недостатка воздуха или мучаясь в скоротечной лучевой болезни... Павлыш на секунду зажмурил глаза.

– Почему молчите? – спросил Загребин.

Павлыш не смог ответить. Ответил Антипин.

– Мы нашли их, – сказал он.

...Распугивая нахальных и быстроногих крыс, космонавты шли по темному туннелю. Казалось, он никогда не кончится и никогда не кончится галерея смерти.

– Крысы там побывали? – спросил капитан.

Аро ответил:

– Да. Если они завладели всей планетой, мы ничего не сможем сделать. Крысы – хорошие санитары.

Перед возвращением на корабль вездеход сделал круг по городу, уже нигде не останавливаясь. Проехали по главной улице, с трудом протиснувшись между запрудившими ее машинами и повозками, поднялись по пологой дороге к руинам громадного замка, оттуда были видны бухта и скалы, запирающие ее. Над портом поднимались голенастыми птицами подъемные краны, и между ними, выброшенный на причал, лежал на боку небольшой корабль. Труба его откатилась в сторону.

Раза три космонавты натыкались на скелеты людей, в основном военных, лежащие на улицах. Но теперь этому уже не удивлялись и этой пустоте тоже не удивлялись: под улицами, под домами пролегли туннели бомбоубежищ. То, что осталось от жителей города, находилось там.

Возвращение к «Сегеже» было невеселым. Говорить не хотелось, и участники экспедиции только изредка обменивались словами. Равнодушно стрекотали камеры, запечатляя улицы и дома, и вездеход время от времени тормозил, чтобы объехать груду камней или машину, вставшую поперек дороги.

В этот вечер тетя Миля впервые вышла к ужину, хотя знала, что короны будут в кают-компании. Она заварила специально для корон очень слабый чай, а то спать не будут.

– Завтра в город отправляется группа: Бауэр, Кудараускас, Цыганков, – объявил после ужина Загребин. – Старший – Бауэр.

И все разошлись по каютам.

11

Первое тело человека привезла на корабль именно группа Бауэра. находка была совершенно случайной. Разведчики попали в портовые склады и уже собирались уходить оттуда, как их внимание привлекла запертая дверь. Дверь была не только заперта, но и забаррикадирована изнутри. Уже это заставило космонавтов не жалеть усилий для того, чтобы ее открыть. За дверью оказался холодильник, давно отключившийся, но заваленный плитами не растаявшего льда. На глыбе льда лежал полуразложившийся труп человека.

Узнав о находке, корона Вас сразу начал готовить аппаратуру, не ожидая, пока вернутся разведчики. И когда вездеход покотил к кораблю, все было готово.

С курами дело ясное – с ними машина работала. Но что получится с человеком?

– И бог создал Адама, – сказал Малышу Бауэр.

– Бог, как ты теперь знаешь, понятие коллективное, – ответил Малыш. – Один из богов включает рубильник, второй будет следить за температурой, а еще один, поменьше рангом, – это я – будет в это время на вахте. И потому пропустит исторический момент.

Ожил динамик внутренней связи, и подчеркнуто сухим голосом Баков произнес:

– Вниманию членов экипажа. Желающие наблюдать ход операции могут подняться на мостик. Мы переключаем на лабораторию большой экран. В лаборатории находятся только участники эксперимента и доктор Павлыш. Повторяю...

Экран показывал внутренность лаборатории – Аро у пульта, Павлыш и Вас у приборном рядом с колпаком операционного стола. Колпак был чуть матовым, и человек, лежащий на столе, опутанный проводами и шлангами, казался бесплотным. Лицо его было закрыто широкой белой повязкой.

Вошла Снежина, и Бауэр подвинулся, освобождая половину стула.

– Готово, – сказал в лаборатории Аро, повернувшись к операционному столу. Он включил пульт.

Действия Павлыша и короны Вас были уверенными, но казалось, что уже прошло полчаса, а они все так же наклоняются над пультами, подходят по очереди к операционному столу, снова возвращаются к приборам, делают массу неспешных и не очень нужных движений, которые никак не отражаются на состоянии прикованного к операционному столу тела.

Иногда биологи обменивались короткими фразами или словами, чаще даже цифрами, понятными только им.

В один момент получилась заминка: по приказанию Аро засуетились роботы, подключая дополнительные линии питания. Павлыш выпрямился, пользуясь минутой, чтобы отдохнуть, и объяснил для тех, кто был на мостике:

– Еще минут пять, и начнем поднимать температуру.

– Пока все нормально? – спросил Загребин.

– Трудно сказать. Идет регенерация клеток на молекулярном уровне.

– Доктор Павлыш, – прервал его Вас, – проверьте содержание белка.

И Павлыш тут же забыл обо всем остальном.

Бауэр встал и прошелся, чтобы размять затекшие ноги. Пять минут тянулись часами...

– Ой, смотрите! – сказала вдруг Снежина.

Даже под слоем креплений и шлангов видно было, как тело человека меняет цвет, розовеет, наполняется жизнью.

– Температуру не поднимать выше тридцати градусов, – приказал корона Вас.

...Когда первый человек Синей планеты очнулся, он лежал на кровати в госпитале доктора Павлыша; над кроватью был натянут прозрачный звукопроницаемый купол, защищающий человека от вирусов, от могущего оказаться для него смертельным, несмотря на принятые меры, воздуха корабля.

Это случилось в восемь вечера. Через три с половиной часа после начала эксперимента, на пятый день после спуска корабля «Сегежа» на Синюю планету.

Глава третья. Ранмакан в чужом мире

1

Пробуждение было мучительным. Жесткая сильная рука тянула вниз, хватала за горло, запрокидывала голову, чтобы Ранмакан не мог вырвать ее наружу из черной воды и вдохнуть. Один раз вдохнуть воздуха, и тогда он снова будет в состоянии бороться. И вдруг рука пропала. Ранмакану показалось – а может, это он потом придумал, – что даже увидел ее, волосатую, костлявую и покрытую блестящим инеем.

Потом стало тихо, и Ранмакан заснул. Он давно не спал так спокойно и сладко, с того дня, как началась война, сперва далекая, не затрагивающая обыденности существования пятидесяти тысяч жителей Манве, но уже неизбежная, подкрадывающаяся с каждым днем все ближе известиями о гибели других городов.

В сладкой дремоте мирно думалось. Все миновало. И даже воздушные тревоги, с каждым днем все более настойчивые и реальные, и патрули на темных улицах и бомбоубежища. Война пронеслась мимо и пощадила Манве. И теперь можно спокойно спать. Не открывая глаз. Долго-долго не открывая глаз.

Ранмакан ощупал пальцами кровать – простыни были мягкими и свежими. Значит, он в госпитале. Наверно, в госпитале. Ведь тогда... Когда это было? Вчера? А может, уже несколько дней назад? Тогда он бросился к первому попавшемуся убежищу – убежищем оказалась дверь в какой-то подвал, склад. Это был... что же это было? Да, какой-то ледник. Он захлопнул за собой дверь. Потом были удары, тяжелые удары, будто кто-то могучий и безжалостный раскачивал землю. И вдруг удушье, рука, тянущая его вниз... и вот эта постель. Открыть глаза? Лень. Еще немного.

Ранмакан услышал голоса. Женский, высокий, встревоженный, и мужской, тихий, уверенный. Ранмакан прислушался, но не понял, о чем они говорят. Он не понял ни единого слова. Стало еще страшнее. Может быть, город оккупировали пьи? И он в плену?

Голоса звучали совсем рядом, в той же комнате. Это Кирочка Ткаченко говорила Павлышу:

– Смотрите, он двигает рукой. Может, ему плохо?

– Нет, все в порядке. Сейчас он откроет глаза. Где лингвист?

– Сейчас Бауэр принесет. Где же Глеб? Давно пора прийти. Может, человека усыпить пока?

– Нет, не надо. Вдруг это ему повредит? Включи внутреннюю связь. Бауэр? Это ты, Глеб? Куда ты запропастился? Человек приходит в себя, а у нас нет лингвиста. Мы же должны ему объяснить.

– Одну минуту, – сказал Бауэр. – Бегу. Вы что думаете, нам с Мозгом легко было за несколько часов выучить язык?

Выучил язык и вложил его в черную коробочку лингвиста корабельный Мозг. Бауэр тут был почти ни при чем. Он только «накормил» Мозг газетами и книгами Синей планеты.

– Скорее, – повторил Павлыш, отключаясь.

Ранмакан слышал весь этот разговор. Он мог бы открыть глаза, но предпочел этого не делать. Если ты в плену, то пускай враги думают, что ты еще не пришел в себя.

– Он уже очнулся, – сказал Павлыш Кирочке. – Только не хочет открывать глаза. Он волнуется.

Ранмакан старался не шевелиться. Но чувствовал, что грудь выдает его, в такт учатившемуся дыханию приподнимая простыню. «Они могут оставить меня для опытов. Я читал, что пьи делают опыты над живыми людьми».

Кто-то вошел в комнату. Ранмакан пытался угадать по шагам кто. Если шаги тяжелые, громкие – солдат, военный; если мягче – штатский. Шаги были почти неслышными. Третий голос присоединился к двум прежним. Бауэр передал Павлышу коробочку лингвиста.

– Вот, – сказал он. – Язык Синей планеты. Правда, пока без тонкостей.

Ранмакан постарался представить себе, о чем они говорят. Может быть, этот, вновь вошедший, спрашивает, готов ли пленный к опытам? К пыткам? И те, прежние, отвечают, что вполне готов?

Бауэр подключил тонкие провода лингвиста к пульту у постели человека.

– Включать? – спросил он.

– Включай.

Бауэр нажал кнопку лингвиста. Ранмакан вдруг услышал:

– Можете открыть глаза. Вы находитесь среди друзей.

2

Голос был невыразительным, ровным, механическим. В голосе таился подвох. Что они еще скажут?

– Вы можете открыть глаза, вам ничего не угрожает, – повторил механический голос. – Как вы себя чувствуете?

Ранмакан открыл глаза.

За прозрачным пологом, нависшим над кроватью, стояли три человека. Это не были пьи, враги страны, враги Ранмакана. Он даже не знал, откуда эти люди. Может, с дальнего севера? И они странно одеты.

– Вы среди друзей, – повторил механический голос. Он принадлежал высокому человеку с курчавыми темными волосами и очень яркими голубыми глазами. Человек был весь в белом, даже перчатки, скрывающие его руки, были белыми. Человек держал в руках черную блестящую коробочку.

«Может, это микрофон? – подумал Ранмакан. – Если этот полог не пропускает звука, то это микрофон. Но почему тогда я слышал, как они говорили между собой?»

– Как вы себя чувствуете? – спросил человек с черной коробочкой в руке.

Ранмакан ответил:

– Хорошо.

И удивился, услышав, как тоненькая желтоволосая женщина, стоявшая рядом с тем человеком, громко ахнула и засмеялась.

– Поднимите руку, – сказал человек в белых перчатках. – Медленно.

Ранмакан поднял руку. Он понял, что человек в белых перчатках тут главный.

– Другую руку, – сказал человек в белых перчатках.

Ранмакан подчинился.

– Вам не трудно?

– Нет. Я могу встать?

– Вам придется некоторое время полежать. Вы должны отдохнуть и окрепнуть.

Ранмакан оглядел комнату, в которой лежал. Это была странная комната. Стены и потолок окрашены в светло-зеленый цвет, матовые, гладкие, без единого украшения. Непонятно, откуда в комнату попадает свет, хотя освещена она ярко. В комнате было много приборов. Они стояли на длинном столе за спинами людей, на столике в изголовье кровати и составляли одно целое – непонятное переплетение светящихся дисков, шкал, трубок, шлангов и

проводов. Некоторые из них тянулись к кровати, и, проследив их, Ранмакан понял, что они должны оканчиваться у его тела. Худшие его подозрения оправдались. Он подопытный. Ранмакан снова поднял руку и обнаружил, что к кисти прикреплен один из проводов.

– Зачем это? – спросил он, стараясь не выдать волнения.

– Приборы следят за вашим здоровьем, – ответил человек в белых перчатках. – Когда вы выздоровеете, мы их снимем.

– Когда?

– Может быть, сегодня, – сказал человек.

И Ранмакан ему не поверил, хотя не стал этого показывать. Он должен обязательно перехитрить своих тюремщиков.

Маленькая женщина наклонилась к черной коробочке и спросила:

– Вы не голодны?

Коробочка не отличалась богатством интонаций: она произнесла эти слова тем же мужским голосом. Ранмакан понял, что коробочка – что-то вроде переводчика. И еще он подумал, что эти люди наверняка связаны с военными: ни такого оборудования, ни таких переводчиков в коробочке ему еще встречать не приходилось. Наверное, он на секретной базе.

– Нет, спасибо, я не голоден, – отказался Ранмакан и тут же пожалел о своих словах.

Лучше есть, пока дают. В Манве было плохо с продуктами. Ранмакан питался плохо и скудно. Наверно, у военных на базе по этой части куда лучше, чем в городе.

– Где я? – спросил Ранмакан.

– Мы вам все объясним, – пообещал человек в белых перчатках.

Что-то неладно у того с руками... В чем же дело? Ну конечно, как же раньше не догадался! Так и есть: и у человека в белых перчатках, и у женщины, и у того, третьего, на руках больше пальцев, чем положено иметь человеку. По пять пальцев. У Ранмакана – четыре. Отдельный, длинный, средний и маленький.

Четыре. У них – пять. Этого быть не может. Так не бывает. У людей так не бывает.

– Где я? – спросил он снова. Ему стало страшно, и он заметил, как замельтешили огоньки у кровати.

– Я вас прошу, не волнуйтесь. Мы вам все объясним, как только вы окрепнете.

– Нет! – крикнул Ранмакан. – Нет! Кто вы?

И он уже видел, что у его тюремщиков по-иному, чем должно быть, прорезаны глаза, по-иному лежат волосы, по-иному намечены скулы...

3

– Откуда вы?

– Мы издалека, – сказал человек в белых перчатках.

Павлыш понял, что сыграло роль – пальцы. Больной, может быть, и не заметил бы этого, надень они перчатки с четырьмя пальцами, и тогда объяснение можно было бы отложить на некоторое время. Павлыш краем глаза поглядывал на приборы. Он знал, что в лаборатории за стеной корона Вас сидит у пульта и не упустит опасного для жизни человека момента. И все-таки с тревогой следил за приборами.

– Вы сильно пострадали во время войны. Сильно пострадал весь город. Мы стараемся вам помочь. Постарайтесь мне поверить. А теперь вам принесут пищу. Вам надо подкрепиться. Кирочка, – обратился человек в белых перчатках к женщине, – возьми поднос сама. Понимаешь?

– Одну секунду. – Женщина вышла из комнаты.

Ранмакан поглядел ей вслед, стараясь увидеть, что там за дверью, но увидел только часть такой же зеленой стены коридора.

В коридоре Кирочку ждала тетя Миля. Она не выдержала и прибежала к двери госпиталя, и стояла здесь, слушая по внутренней связи происходящее, и надеялась, что ее помощь может понадобиться. Она стояла рядом с кухонным Гришкой и смотрела, чтобы тот по услужливости не открыл колпака, под которым стоял куриный бульон и сухарики – не дай бог, микробы пролезут.

– Ну как он? – спросила она у Кирочки, которая взяла поднос из рук Гришки. – Оживает?

– Вы же слышали, тетя Миля. – Кирочка показала подбородком в сторону динамика, в котором успокаивающе журчал голос Павлыша.

Ранмакан не отвечал доктору. Тот уже представился: доктор Павлыш. Непонятное, странное имя. Его и не произнесешь. Ранмакан старался привести в порядок мысли, но они никак не хотели приходить в порядок. Ранмакан только понимал, что случилось нечто очень страшное и необычное, если в городе распоряжаются уроды с пятью пальцами. Вошла женщина с желтыми волосами. Она несла поднос, накрытый прозрачным колпаком. На подносе стояла чашка с чем-то дымящимся. Чашка была знакомой (Бауэр настоял, чтобы посуду для кормления пациента принесли из города). Ранмакан понял, что голоден.

Женщина подошла к куполу, покрывающему его кровать, и приставила колпак с подносом к прозрачной стене. Станным образом колпаки объединились, как объединяются мыльные пузыри, если их осторожно приблизить друг к другу. Ранмакан ощутил, как подушка и верхняя часть кровати медленно поднимаются, заставляя его сесть, а сбоку, из стены, вдруг вылез столик и повис у него перед грудью. Поднос, не разорвав пленки купола, проник в замкнутый мир Ранмакана и лег на столик.

– Если вам неудобно есть при нас, – сказал Павлыш, – мы можем уйти.

– Нет уж, – ответил Ранмакан. – Я тут не хозяин.

Он решил пока не задавать вопросов. Вспышка собственного страха была ему неприятна и снижала его шансы обмануть тюремщиков, убежать, скрыться от них. Надо держать себя в руках, будь они хоть злые драконы.

Павлыш уселся в кресло пульта.

Ему за последние дни пришлось пройти три сеанса гипноза, пока он разобрался в принципе действия этих приборов. Теперь все в порядке. Павлыш не смотрел в упор на первого человека планеты, но краем глаза видел его и отлично знал, что творится у того внутри: и как работает сердце, и насколько напряжены нервы. На минутку он отключил лингвиста и спросил по внутренней связи корону Вас, не стоит ли ввести успокаивающее. Тот ответил, что не надо: организм отлично справляется с нагрузкой.

Ранмакан подозрительно взглянул на Павлыша. Тот снова говорил на непонятном языке, таился – значит, замыслил что-то. Ранмакан по натуре был недоверчив. Недоверчивость – одно из основных качеств бедного человека в большом городе. Ранмакан мало кому верил.

Ранмакан допил бульон, взял последний сухарь и, хрупя им, присматривался к Павлышу.

Павлыш убрал посуду. Наступило неловкое молчание. Ранмакан ждал, что скажет доктор. Доктор глядел на Ранмакана, думал, как это сделать лучше, легче, безболезненней. Перед ним сидел, опершись на подушку, человек с очень бледным, голубоватым лицом и с иссиня-черными прямыми волосами. Кожа на скулах, казалось, оттягивала книзу углы его черных глаз, делая выражение лица скорбным. Туго сомкнутые губы также были опущены уголками вниз. Щеки и подбородок гладкие.

«Волосы на лице не растут», – подумал Павлыш.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Ранмакан из Манве.

– Манве – это город, в котором вы живете?

– Да, это город. Чего спрашивать? Вы и без меня знаете.

– Нет еще, – ответил доктор, и по всему видно – сказал правду. – Сколько вам лет?

– Тридцать.

«Значит, тридцать четыре по нашему счету, – подумала Кирочка. – У них год длиннее».

– У вас есть семья, родственники?

– Никого у меня нет. – Ранмакану допрос не нравился. – Возьмите мои документы и посмотрите.

– Документов ваших у нас нет.

– А зачем вам все про меня знать?

Ранмакан думал, что на такой наглый вопрос последует вспышка гнева тюремщика. Но тот сделал вид, что не обратил внимания на вызывающее поведение пленника.

– Мы очень мало знаем о вас, – объяснил Павлыш. – И нам, очевидно, в будущем придется работать вместе. Вот и хочется познакомиться.

– Так не знакомятся, – ответил Ранмакан. – Вы все у меня хотите узнать, а про себя – ни слова.

– В свое время сами расскажем. Хорошо, что у вас нет семьи.

– Почему?

– Потому что она погибла бы.

– Как так?

– Погибла бы в той войне, жертвой которой стали и вы.

– Ну, меня не сильно повредило. А что, большие жертвы?

– Да, большие.

– А вы – санитарный отряд, благотворители?

– В какой-то мере, мы – санитарный отряд.

– Тогда развяжите меня и отпустите. Я здоров.

– Вы не связаны. Скоро вам принесут одежду, и тогда сможете встать с постели. Но вряд ли вам удастся сейчас уйти отсюда.

– Ага, так я и знал. Я у вас в плену.

– Нет, Ранмакан из Манве, – сказал доктор. – Вы в плену у себя. У своего города, у своего мира.

Ранмакан посмотрел на женщину с желтыми волосами. Та сидела не шевелясь и перебирала пальцами – как у них много пальцев – край белой одежды. Волнуется. Ранмакан чувствовал приближение чего-то страшного, не направленного против него лично, но тем не менее очень страшного; он хотел бы оттянуть это страшное, которое таилось в ответах на его же вопросы, а тогда надо бы замолчать и ничего не спрашивать, но Ранмакан не мог остановиться.

– Что случилось с городом? – спросил он.

Он не хотел, чтобы ему отвечали, он уже знал ответ.

– Ваш город погиб, – ответил доктор.

Ранмакан почувствовал, что он, маленький, одинокий, голый и беззащитный, как насекомое, приколотое к листу бумаги, виден всем и подвластен всем бедам.

– Так, – сказал Ранмакан, и веря и не веря доктору. – Город погиб. А люди?

– Люди погибли тоже.

– И что же, я один живой остался?

– Да, вы один.

– Как же?

– Вы разрешите, я отвечу на этот вопрос позже? – спросил доктор. – Это довольно опасно.

– Нет, – возразил с неожиданной яростью Ранмакан. – Вы мне ответите сейчас. Сейчас же!

– Хорошо. Но правда будет горькой.

– Все же лучше, чем вранье. Мы проиграли войну?

– Никто войну не выиграл.

– Мир?

– Обе стороны проиграли войну, – сказал доктор. – Никто не выиграл. Все погибли.

– А вы?

– Нас тогда не было на вашей планете.

– Так... А где же были? По небу летали?

– Мы жили у себя дома, на других планетах.

– Вы что же не с Муны?

– Если Муна – название вашей планеты, то тогда мы не с Муны. Мы даже не из вашей звездной системы.

– А что вы тут делаете?

Ранмакан задавал вопросы быстро, не успевая осмыслить ответы на них, еще не до конца понимая, что же произошло, и не вполне веря своим ушам и своим глазам. Хотя все это не было сном, реальность оказалась непонятной, хуже любого сна.

– Мы прилетели, чтобы помочь вам.

– Мне?

– Всем вам, кто жил на Муне.

– А много осталось?

– Никого.

– А у них, у пьи?

– Это ваши враги? Тоже никого. Ваши бомбы уничтожили всех людей на планете.

– Этого не может быть!

– Это случилось. Мы узнали об этом слишком поздно. И когда прилетели, никого не застали в живых.

– И я один...

– И вы тоже погибли.

– Так я на Дальнем свете?

– Нет, вы живы. Мы, если можно сказать, воскресили вас.

– Я был мертв?

– Да.

– И сколько времени?

– Больше года.

– Но я только вчера...

Ранмакан осекся. Они говорили правду. Они, конечно, говорили правду, просто такую невероятную правду, что в нее нельзя поверить. И вот он один, и, может, это даже не он, не настоящий он...

– Мы надеемся, что вы будете не одиноки. Так же, как мы вернули к жизни вас, мы постараемся вернуть к жизни других людей.

– Ему надо отдохнуть, – напомнила Кирочка.

– Отдыхайте. Мы потом придем, – решил Павлыш.

Ранмакан не возражал. Он не хотел спать, но ему было лучше остаться одному.

Павлыш и Кирочка вышли из комнаты. Перед уходом Павлыш включил автоматику. Если человек станет буйствовать, автомат усыпит его.

Но Ранмакан не собирался буйствовать. Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Только приборы продолжали отмерять биение его пульса и дрожь его нервов.

4

На следующий день Ранмакан вместе с Павлышом поднялся на мостик. Загребин включил для него экран, и Ранмакан долго стоял, вглядываясь в расплывчатый за сеткой дождя город, в разрушенные дома и пустые улицы.

Он был единственным человеком на планете. Он не знал, можно ли верить пришельцам, обещавшим найти и вернуть к жизни других людей. Ранмакан находился во власти тупого длительного шока; он мог есть, спать, наконец, говорить, пользуясь черной коробочкой; он старался верить в то, что кроме него не осталось на планете ни одного живого человека, что воздух планеты смертелен для людей, что уже год, как нет в живых ни продавщицы в магазине порта, ни его начальника – впрочем, чего его жалеть? – ни полицейских в синих шлемах, ни соседского парнишки, который построил из фанеры автомобиль.

Ранмакан старался верить, но все-таки не верил. Он знал, хотя этой уверенностью не желал делиться с пришельцами, что где-то – или далеко на севере, или в горах Ракуны – живут еще люди. Представить себе гибель своей планеты – выше возможностей мелкого таможенного чиновника, которому, в сущности, никогда не приходило в голову, что война сможет подойти к тихому Манве.

Ранмакан вспомнил, как был незадолго до войны в визоре – смотрел ленту, в которой показывали, что после войны все погибнут. Но в той ленте двое остались в живых – девушка и парень. И они долго шли по опустевшей планете и в конце концов нашли других людей. Конечно же, нашли. Ранмакан вспомнил, ему говорил кто-то, что картину скоро запретили. Страна готовилась к войне, и нельзя было подрывать боевой дух.

Город лежал перед ним на громадном овальном экране, знакомый и совершенно чужой. Ранмакану хотелось уйти туда, и снова войти в магазин, и спросить у пухленькой продавщицы, нет ли у нее жвачки. Ранмакан знал, что продавщица сначала скажет, мол, жвачки нет и он, видно, хочет, чтобы пришла секретная полиция, потому что жвачка уже три года запрещена, а потом она обязательно достанет из-под прилавка пакетик, и пакетик этот будет стоить всю недельную зарплату, но неважно – жвачки хватает надолго, дня на три, и продавщица тоже согласится пожевать кусочек: ему не жалко поделиться с такой продавщицей.

Большой светловолосый человек с широкими кистями рук стоял в стороне и пускал изо рта дым. Ранмакан боялся этого человека больше, чем доктора Павлыша. Он понимал, что этот человек, хоть и смотрит на него без злости, опасен и чужд. Может, это они, пришельцы, и разбомбили Манве? Пожалуй, надо бы воздержаться от курения в присутствии Ранмакана, размышлял Загребин. Кто знает, что тот может подумать о людях: здесь, судя по всему, табака не знали, здесь жевали какую-то гадость.

– Возвращаемся, – произнес динамик. Это докладывала группа Антипина. – В большом замке никого нет.

– Что было в большом замке на холме? – спросил Загребин Ранмакана, который с недоверием прислушивался к словам, раздававшимся со стороны экрана.

– Дворец губернатора, – ответил Ранмакан.

Между домами на экране появился вездеход. Он медленно полз к кораблю.

– Что это? – спросил Ранмакан.

– Наша машина. Искали других людей.

– И не нашли, – добавил уверенно Ранмакан. Они и не хотят искать. Но ничего. Он убежит. Он обязательно убежит отсюда. Ведь, в конце концов, почему он должен верить им, что воздух смертелен? Тысячи поколений жили на планете, и он не был смертельным. А тут стал смертельным.

– Не нашли пока. – Загребин посмотрел на Павлыша: – Не пора ли кормить Адама? – Так называли Ранмакана на корабле, хотя он был слишком худ и мрачен для первого человека.

– Он неразговорчив, – сказал Кудараускас Загребину, когда доктор с пациентом вышли.

– А вы бы на его месте?

– Я не мог оказаться на его месте, – отрезал Кудараускас. – Я до сих пор уверен, что из нашего эксперимента ничего не вый дет. Потому что он порочен.

– Ладно уж, – сказал Загребин; ему не хотелось спорить. – Вы включили шлюзы?

– Да.

– Не забудьте удвоить время промывки вездехода. Они ведь сегодня побывали в эпицентре взрыва.

Кудараускас знал, где они были. Он внимательно смотрел, как вездеход разворачивается, останавливаясь у корабля, как из люка тяжело выскакивают похожие на головастых муравьев Антипин и Цыганков, нагруженные трофеями мертвого города.

Кудараускас включил шлюз, и космонавты, сказав что-то вездеходу, пошли к открывающемуся люку.

На мостик заглянул Христо Райков.

– У меня идея, Геннадий Сергеевич.

– Добро пожаловать. Надеюсь, оптимистическая?

– Почему?

– Да вот у Зенонаса тоже все время идеи, только довольно мрачные.

– Не знаю, – ответил Христо. – Наверное, оптимистическая. Я думал: мы все ищем и ищем людей. А если они на улице погибли или в убежище, то их давно крысы погубили. Совсем погубили. А ведь есть место, куда крысы не добрались. В каждом городе есть.

– Я об этом уже думал, – улыбнулся капитан. – Дня два назад подумал. Даже с коронами поговорил. Не получается.

– Да вы же не дослушали.

– Зато понял. Ты имеешь в виду кладбище?

– Конечно. Правильно! Они ведь прятали мертвых в землю. И если земля сухая, песчаная, то тело могло частично сохраниться... Вы ведь знаете: я геологией интересуюсь. Вот и взял образцы почв. На окраине. Где кладбище. Там песок... Представляете, мы идем по кладбищу и видим: «Здесь похоронен великий физик». Или: «Здесь похоронен известный писатель». И мы уже знаем, кого оживлять. Мы самых лучших, самых умных людей планеты оживим.

– Все правильно, Христо, – согласился Загребин. – Есть два «но». Каждого из них достаточно. Первое: на Муне обычно сжигали мертвых. Под могильными памятниками, которые ты видел на кладбище, лежат урны с пеплом. Это проверено. Достаточно? Или нужно второе «но»?

– Достаточно, – сказал упавшим голосом Христо. – И разве не было исключений?

– Были. Особенно в стороне от больших городов. Но мы еще так мало знаем о Муне! Может быть, когда-нибудь мы вернемся к твоей идее. Сейчас будем искать более простые пути. Согласен?

– Согласен.

Когда практикант ушел, Кудараускас, продолжая следить за разгрузкой и деактивацией привезенного из города, спросил:

– А что вы имели в виду под вторым «но»?

– Это лучше объяснит корона Вас. Дело в том, что аппарат не делает людей бессмертными. Если человек умер от старости, то он возродится таким же старым, каким умер. И умрет, возможно, снова через несколько дней.

– А соблазнительно все-таки найти и вернуть к жизни лучшие умы планеты.

– Соблазнительно. Но пока придется действовать наугад.

5

Тете Миле очень хотелось, чтобы Ранмакану понравились котлеты, весьма неплохие котлеты из филе кур. Таких на корабле давно не ели. Корона Вас обещал делать из каждой курицы десяток – но, видно, забыл в суматохе, а напоминать было неловко.

Ранмакан ел не спеша, о чем-то думал. «Хоть бы улыбнулся разок, – подумала тетя Миля. – Это, конечно, горько, когда ты один-одинешенек остался на своей земле, но ведь не пропадешь теперь – мы же прилетели. И других найдем. Как тебя нашли, так и других найдем, девушку тебе подберем. Дети пойдут...»

Ранмакан не спешил доедать обед. Он знал, что его в покое не оставят. Конечно, секретов он не знал, военных тайн тоже, он понимал: придется держаться настороже – неизвестно, что им от него нужно в самом деле и когда наступит такой момент, что его выкинут, а может, и переделают в такие вот котлеты... Может, это и есть котлеты из его предшественника? Того допросили и уничтожили... Вот сидит женщина напротив. Толстая, кудрявая. Хорошо бы она помогла бежать отсюда. Но как она может оказаться другом? Ведь ей приказали его, Ранмакана, откормить как следует...

Вошел Павлыш. С ним еще одна девушка, которую Ранмакан раньше не видел. Высокого роста, не ниже Павлыша. У нее были очень пышные и длинные черные волосы, небрежно собранные на затылке, крупные губы и огромные, спрятавшиеся за длинными ресницами глаза.

– Снежина Панова, – представил женщину доктор.

Ранмакан кивнул головой. «Как в зверинце, – подумал он. – Ходят смотреть».

– Я буду занят в ближайший день, – сказал Павлыш. – Сегодня ночью мы улетаем к полюсу. Так что Снежина будет вам помогать.

– Мне можно ходить, куда хочу? – спросил Ранмакан.

– Конечно. Вы же себя хорошо чувствуете.

«Ладно, – подумал Ранмакан. – Буду послушным и добрым. Хорошо, что со мной остается женщина. Ее легко провести. Только бы сбежать с корабля – и потом в горы, к перевалам. Там должны быть свои».

Снежина сказала:

– Я сейчас уйду, не буду мешать. Вы найдете меня в моей комнате. В крайнем случае, чтобы не искать, видите кнопки вызова? Мой номер один четыре.

– Хорошо, – ответил Ранмакан.

– Вы не хотите добавки? – спросила тетя Миля.

– Нет, я сыт.

– Погодите, я компотом вас угощу. Из настоящих вишен. Небось, не ели никогда?

Ранмакан невольно улыбнулся.

– Я даже такого слова не слышал.

Тете Миле хотелось поговорить со спасенным. Ведь минутки не найдешь – все доктора да капитан с ним беседуют. Может, ему чего-нибудь такого хочется, а они и не догадаются? Вон глаза как бегают!

Тетя Миля принесла большую пол-литровую чашку компота из вишен.

Ранмакан попробовал.

– Не кисло? – спросила тетя Миля.

– Нет.

С сахаром в городе в последние месяцы было очень плохо. Ранмакан уже и не помнил, когда ел сладкое.

– Спасибо, – сказал он тете Миле.

К человеку, который вкусно поел, приходят добрые мысли. И Ранмакану стала более симпатична эта толстуха.

– Как уж вы это натворили? – спросила тетя Миля. Она не хотела быть нетактичной, но сказала и испугалась: вдруг обидела человека?

– Что натворили?

Последние ложки компота шли уже через силу.

– Ну, перебили друг друга. Войну такую устроили.

– Это не мы виноваты, – ответил Ранмакан. – Это наши враги, пьи. Они на нас злодейски напали.

– За что же это?

– Пьи – враги свободы и враги нашего государства.

Ранмакан поймал себя на том, что говорит языком предвоенных передач. Но до тех пор пока эти передачи не начались, он своего мнения по военным вопросам не имел. Знал, правда, что пьи пытаются захватить плодородные колонии лигонской державы и из-за них нерегулярно поступает и все дорожает жвачка. Вот вроде и все. Какое ему было дело до пьи?

– Враги, враги... – проговорила тетя Миля. – Эти слова давно забыть бы надо. Чего ты-то с ними не поделил?

– Это так сразу не объяснишь, – сказал Ранмакан. – Это проблема сложная.

6

Павлыш дремал у иллюминатора. Внизу покачивался располосованный белыми барашками океан. Океан покачивался уже третий час, и все так же висело над горизонтом солнце. Катер «Аист» догонял утро.

Экспедиция летела на остров в океане. Остров лежал неподалеку от Южного полюса планеты, и там, по сведениям первого разведчика, были замечены какие-то постройки. Остров был окружен льдами, и группа строений на нем казалась неповрежденной. Туда могли не добраться крысы. Поэтому капитан дал согласие на полет, хоть это и должно было занять целый день и ради этого приходилось прерывать исследование города.

Но и в этом были свои плюсы. Накопилось довольно много материалов – книг, газет, вещей. Если не привести все это в порядок, утонешь в информации. Не распутаешься. На остров полетели Павлыш с Аро и Антипин с Малышом. Снежина занималась с Ранмаканом. Корона Вас вносил кое-какие усовершенствования в свой аппарат. Баков и Лещук, старший механик, стояли ночную вахту, потом по распорядку шли отдыхать. Остальные занялись разбором материалов. Когда катер был готов к полету, Павлыш заглянул в сектор Мозга. Там трудились самодеятельные археологи, искусствоведы, историки...

Павлыш даже позавидовал тем, кто остается. Кроме того, он беспокоился о Ранмакане. Как бы там Снежина чего не напутала, не наговорила лишнего. Корона Вас обещал не спускать с них глаз, однако...

Все тот же океан. Все те же барашки.

– Их цивилизация примерно чему соответствует? – спросил Малыш. – По нашей хронологии?

– Наверно, середине двадцатого века. Тогда тоже создавались запасы ядерного оружия и была опасность всеобщей войны.

На горизонте показалась белая линия льдов. Где-то там, недалеко от кромки, находилась цель полета – маленький гористый остров.

– А Ранмакан что думает?

– С ним будет трудно, – сказал корона Аро. – Уровень интеллекта невысок, очень подозрителен, не верит, что разумные существа могут помогать друг другу. Привык видеть во всех людях врагов.

Белые льдины утихомирили океан, и он темно-синими реками и озерами улегся между белых полей.

– Вот он, остров, – произнес Антипин.

Остров был неуютен, мрачен. Черные зубцы скал прорезали лед и снег, и нигде не видно следов жизни. Катер облетел остров вокруг – никаких домов или других строений, только снег между зубцами скал.

– Может быть, ошибка? – спросил Антипин. – Другого острова по соседству нет?

– Нет, это тот остров, – сказал корона Аро. – Все совпадает. Под большой скалой должно быть несколько домиков.

Катер опустил на ровную площадку у скалы и ушел в снег метра на три.

– Все ясно, – сказал Павлыш. – Дома занесло снегом. Так бывает у нас в Арктике.

– А что делать дальше? – спросил Малыш. – Мы же потонем в снегу.

– Утонуть не утонем, но найти их нелегко. Включи-ка локатор.

Зеленым прямоугольником на экране обозначился дом.

Через четверть часа Павлыш и Антипин стояли по колено в снегу на наклонной крыше дома. Павлыш разгрел снег, и серая обледенелая поверхность крыши появилась на свет.

– Жаль, что двигатель гравитационный, – сказал Павлыш. – А то бы растопили снег отработанными газами, и дело с концом.

– Да. – Антипин подошел к краю крыши и ощупал ногой карниз.

Карниз не выдержал его веса и обломился. Взмахнув руками, Антипин пропал в снегу.

– Ну вот, – сказал из корабля Малыш. – Второй раз на этой планете проваливается. Что за развлечение себе придумал?

– Ты как там? – спросил Павлыш, осторожно подходя к краю крыши.

– Тут, по-моему, дверь, – ответил Антипин. – Только ее никак не откроешь. Примерзла. Шлем Антипина покачивался в осыпающихся краях дыры, пробитой им в насте.

– Погодите, – сказал Малыш. – Я, кажется, могу помочь. Здесь в инструментах должен быть тепловой резак. Ага, вот он. Я луч расфокусирую, получится конус. Слава, поднимись сюда.

Павлыш не сумел поймать брошенный резак, и тот исчез в снегу.

– Не потеряй! – крикнул Малыш. – Второго нету. И лопату не взяли.

– Что такое лопата? – поинтересовался Аро.

– Очень простой инструмент, – объяснил Малыш. – С его помощью построены все великие памятники земной цивилизации. Прадедушка экскаватора.

– Понятно, – ответил Аро.

И не было ясно, действительно ли ему понятно или он думает, что Малыш шутит.

Антипин разыскал резак, включил его сначала на малую мощность, потом, когда снег стал съезживаться, открывая сумеречное небо и низкое, у самой земли, солнце, перевел на полный ход и уверенно двинулся вокруг дома, стараясь не задеть его тепловым конусом и слушая, как журчит вода, прокладывая путь в снежном матрасе.

Оттаявшая дверь сама приоткрылась, и свежий воздух ворвался в хижину. Павлыш постучал пальцем по стеклу узкого, похожего на бойницу окна.

– Даже стекла не разбились, – сказал Антипин. – Удивительно: дом засыпан, а окна целы.

– Ты рассуждаешь как старожил. – Павлыш потянул дверь на себя и включил фонарь на шлеме.

За небольшим тамбуром была комната с плитой – или печью – в углу и треугольным столом посередине. На плите стояла кастрюля, наполненная льдом. Ледяные сталактиты свисали с потолка, низкого и черного. Позади стола виднелась широкая лежанка, на которую была навалена куча окаменевшего тряпья. Свет чуть-чуть пробивался сквозь бойницы окошек, одинокая табуретка упала когда-то и вмерзла в слой льда, покрывающий пол. Людей нигде не было.

– Рыбаки, что ли, здесь жили? – спросил Антипин.

– Похоже, что дом покинут.

– Зря летели? – огорчился Малыш, который прислушивался к разговору.

Диссонансом обстановке комнаты была повисшая на одном гвозде полка с книгами. Некоторые из них упали на пол и утонули во льду, другие чудом держались на полке, скрепленные морозом.

– Может, здесь жил благородный и бедный отшельник?

– Не мешало бы найти его. А то наш Ранмакан даже книг, по-моему, не читал. Я его спрашивал, а он как-то увиливает от ответа, – сказал Павлыш.

– Где же остальные дома? Разведиск два месяца назад видел несколько домов, – напомнил Малыш.

– Добраться до них будет труднее, – ответил корона Аро. – Боюсь, те дома попали под лавину. Чтобы к ним пробиться, надо пройти завал льда и снега потолще того, что уже одолели.

– Интересно, такое ощущение, будто в комнате затхлый воздух. А ведь запахов я в скафандре не чувствую.

Антипин передал книгу перегнувшемуся из люка Малышу, а сам обернулся к доктору.

– Ты что?

– Хочу растопить лед у входа. Тут ступеньки. На них что-то вмерзло в лед.

Павлыш отошел на шаг в сторону, утонув по пояс в снегу, и направил луч резака вниз. Через несколько секунд лед поддался тепловому лучу и пополз по сторонам, освобождая широкую воронку. На дне воронки лежала овальная миска с замерзшей кашей.

– Только и всего, – усмехнулся Антипин.

Доктор снова включил резак, поводя им, чтобы растопить лед на большей площади. Через минуту сквозь слой льда уже можно было различить человеческую руку, тянувшуюся к миске.

– Вот он, – сказал Павлыш. – Вот он, наш отшельник.

7

Только успели погрузить тело «отшельника», как на остров налетела метель. Она за одну минуту снова засыпала хижину и протоптанную вокруг нее дорожку, и следов не осталось.

Катер поднимался в шипучей и яростной толкотне снега и ветра, и пришлось уйти на семнадцать километров вверх, прежде чем фронт облаков поредел и остался внизу мохнатыми шапками снеговых туч. Связь прервалась, но Малыш успел сообщить на «Сегежу», чтобы Вас готовил аппаратуру. Операция «Человек» продолжалась.

Путешествие обратно было ничем не примечательным. Антипин с Малышом занимались исследованием верхних слоев атмосферы, Павлыш пытался разобраться в слипшихся горах бумаг, бывших когда-то книгами, корона Аро дремал или думал – кто его поймет?

Спускались вслепую. Локатор показал скопище домов внизу: город и диск «Сегежи» рядом с ним.

Облака расступились только у самой земли, «Аист» вошел в луч пеленгатора и мягко подплыл к грузовому люку – полозья выдвинулись навстречу ему из тела «Сегежи», и в узком ангаре пришлось задержаться, пока струи дезактиваторов тщательно промывали катер.

– Ну, как у вас дела? – включил внутреннюю связь Антипин. – Все в порядке?

На мостике был только Кудараускас. Светлые глаза его не выражали никаких эмоций.

– А как у вас? – ответил он вопросом.

– Вроде неплохо. Корона Вас приготовил аппаратуру?

– Вам придется подождать, – ровным голосом сказал Кудараускас. – Аппарат в действии. Он занят.

– Как занят? Вы нашли еще кого-нибудь?

– Нет, не нашли. По окончании обработки корону Аро просят немедленно прийти в лабораторию. Павлыша тоже.

– Чепуха какая-то, Зенонас, – сказал Малыш. – Послушай, что случилось?

– Ничего хорошего. Поскорее выходите из ракеты. Вы нужны здесь.

Кудараускас отключился.

Космонавты выскочили из ракеты, поворачиваясь под струями дезактиватора. Раздеваясь в следующем тамбуре, Малыш размышлял:

– Капитана на мостике нет, а вроде бы его вахта. И Зенонас ничего толком не объяснил...

– Может, что-нибудь случилось с Ранмаканом?

– Вряд ли с ним могло что-нибудь случиться, – произнес корона Аро мрачно. – По всем данным, он типичный представитель здешней цивилизации. Мы даже убрали у него начинающуюся язву желудка. Он о ней и не знал.

– Но все-таки, – настаивал Малыш. – Представьте себе какой-нибудь наш безвредный вирус. А для него – смерть. Или тетя Миля чем-нибудь его по доброте сердечной накормила.

– Малыш, брось свои бредовые идеи, – проговорил Павлыш несколько резче, чем следовало. Ему также не понравился Кудараускас с его таинственностью.

– Вы готовы? – спросил Аро.

– Готовы.

Павлыш выключил очистительные установки и открыл дверь в корабль.

У двери уже стояла Снежина. Снежина была бледной, на белом лице горели полные губы, и глаза казались еще больше и чернее, чем всегда.

– Снежина, здравствуй. Что у вас происходит? – спросил Малыш.

– Я слышала, как вы говорили с Зенонасом. И я побежала, чтобы вас встретить. На корабле несчастье. И я во всем виновата.

– Что случилось? – Павлыш взял ее за руку. – Не беспокойся. Что же случилось?

– Загребин убит, – сказала Снежина. – И я в этом виновата.

8

Кроме нее самой, Снежину никто не винил. Виновато во всем было несколько беззаботное отношение всех космонавтов к проблемам, которые возникли на Синей планете. Корабль прилетел сюда для возвышенной миссии, и уверенность в том, что люди, которым помогли, должны испытывать в первую очередь чувство благодарности к «Сегеже», настраивала всех на добродушие.

Члены экипажа были увлечены борьбой за одушевление погибшей планеты, и появление первого живого человека, лишь только прошла сенсационность первых часов, было воспринято как вполне естественная вещь. Когда все убедились, что аппарат корон действует

и в состоянии на самом деле помогать спасению планеты, корабль охватило деловое возбуждение. Надо было как можно скорее найти и оживить людей, обследовать и изучить как можно большую часть планеты. На смену подавленности первых дней наконец-то пришла настоящая работа, и теперь следовало выполнить ее побыстрее и получше. И радиogramма с катера о том, что найден еще один человек, только укрепила эту уверенность.

Покинутая на произвол судьбы планета с каждым днем приходила в большее запустение; каждый день где-то гибли шедевры живописи и литературы, созданные тысячелетиями; каждый день крысы-мутанты пожирали все, до чего могли дотянуться их мелкие и острые зубы.

И потому Снежину нельзя обвинить в том, что она не уделяла Ранмакану столько внимания, сколько нужно было бы, если знать его намерения.

В одном Снежина действительно провинилась – между ней и Ранмаканом произошел такой разговор.

– А как же вы прилетели к нам безоружными? – спросил Ранмакан. – А вдруг бы вас встретили враги? А вдруг кто-то из пьи остался в живых?

– Вряд ли это реально, – рассеянно ответила Снежина, которой очень хотелось убежать в лабораторию, где, если верить Христу, Мозг расшифровал важные документы.

Снежина, как и другие космонавты, предполагала, что Ранмакан не принадлежал к числу лучших умов планеты. Разговор с Ранмаканом был скучен, и его стандартные рассуждения о воинственности пьи и отсутствии жвачки на борту «Сегежи» быстро надоели.

– Ну ладно, а если трезар?

Снежина уже знала, что трезар – крупный хищник, что-то вроде тигра, который обитал на планете до войны.

– Для этого на корабле есть оружие.

– Ага, так я и думал. – Голубые тонкие губы Ранмакана сжались в ниточку. – Без оружия вы никуда, хоть и говорите о дружбе.

– Знаете что, давайте поговорим о другом, – предложила Снежина. – Мало ли тем для разговора?

– Опять допрос? – вздохнул Ранмакан.

– Ну хорошо, спрашивайте вы.

– Не хочу. Пойду спать. А у вас пистолет есть?

– В оружейном есть и на мостике у капитана. На всякий случай.

Ранмакан ушел. Снежина не беспокоилась за него. В лаборатории остается корона Вас, который в любую минуту может узнать, где находится Ранмакан.

Виноват был и корона Вас. Вместо того чтобы хоть изредка поглядывать, где же бродит Ранмакан, он принялся оживлять кур.

Эта проблема его интересовала не только с точки зрения услуги, которую он мог оказать тете Миле, но и как чисто научный эксперимент.

Виноват был и Кудараускас. Его подвела любовь к абстрактным психологическим исследованиям. Когда на мостик поднялся Ранмакан и принялся бродить по длинному помещению, поглядывая на экран внешнего обзора, Кудараускас начал задавать ему вопросы. Само существование Ранмакана давало ему, полагал Зенонас, определенные преимущества в споре с оппонентами. Позиции его были бы слабее, если бы первым человеком на «Сегеже» оказалось существо, вызывающее всеобщее уважение и любовь. Ранмакан не стремился ни к тому, ни к другому. Он даже не проявлял большой благодарности за то, что его вернули к жизни. И Кудараускасу хотелось найти в нем, в его мировоззрении черты, приведшие к гибели целую планету.

Поэтому Кудараускас, как только Ранмакан появился на мостике, всем своим видом показывая, что не собирается покидать его, принялся задавать Ранмакану вопросы, невинные на вид, но с двойным дном.

Ранмакан, с недоверчивостью относившийся к любым вопросам, не хотел раздражать отказом беловолового штурмана и поэтому коротко и сухо отвечал на них, сам тоже спрашивал что-то малозначащее и тоже имеющее другое значение. Спросил он и об оружии. Этот вопрос Кудараускаса заинтересовал.

Он повторил то же, что говорила Ранмакану Снежина, и Ранмакан не поверил Кудараускасу так же, как не поверил Снежине. Однако про себя удивился сговору пришельцев.

– И сильно бьет? – спросил Ранмакан.

– Лучевой пистолет? Метров на сто, это же средство защиты.

– У нас есть пистолеты и пулеметы, бьющие без промаха на три километра.

Ранмакан употребил в разговоре другую меру длины, но лингвист у него на груди перевел меру в земные понятия. Лингвист передавал местное звучание слов только в тех случаях, когда понятию не было эквивалента в земных языках.

– Но я же повторяю, – сказал спокойно Кудараускас, – это оружие чисто оборонительного типа. И оно еще не употреблялось за все время моей работы на «Сегеже».

– А какая точность выстрелов? – спросил Ранмакан.

В это время капитан зачем-то отлучился с мостика, и Кудараускас остался наедине с Ранмаканом. Он встал, подошел к стене и открыл небольшую дверцу в ней. В нише, на полке, лежал лучевой пистолет.

– Сейчас посмотрим, – ответил Кудараускас, – хотя это не имеет значения. Рассеивание... Точность попадания... Видите, как прост в обращении?

Ранмакан внимательно осмотрел пистолет, но тут Кудараускаса кольнуло какое-то неприятное предчувствие. По крайней мере, он сам так говорил потом Бауэру. Зенонас положил обратно пистолет, захлопнул шкафчик и внимательно поглядел на Ранмакана. Но тот как будто потерял уже к пистолету всякий интерес. Он снова подошел к экрану и стал смотреть на застланный мглой дождя город.

– Сегодня никто туда не поедет? – спросил он.

Он находился в странном состоянии: с одной стороны, его план неожиданно облегчался тем, что тюремщики даже не запирали шкафчика с оружием, но вдруг это ловушка? Страх, охвативший его в тот момент, когда он раскрыл глаза в госпитале «Сегежи», не отпускал. Он руководил всеми его действиями.

– В город? Сам Загребин собирался съездить туда на «Еже» с Бауэром. На самую окраину. Там, в начале улицы, здание редакции. Вы знаете?

– Я этот район плохо знаю, – сказал Ранмакан. – Когда они поедут?

– Скоро, через полчаса. Ага, вот и Загребин. Геннадий Сергеевич, вы когда собираетесь в город?

– Вахту сдам Бакову, и поедем. А вы что, Ранмакан, хотите с нами?

– Я там еще не был... после войны, – оживился Ранмакан.

– Тогда вместе поедем. Вы нам поможете.

Загребин вызвал по внутренней связи корону Вас. Тот очнулся от блаженных дум и ответил, что не имеет ничего против, если Ранмакан съездит в город.

Тут уже был виноват Загребин. Он должен был осторожнее относиться к Ранмакану. И корона Вас тоже. Но и тот и другой упустили из виду, что Ранмакан – представитель цивилизации, отставшей на несколько сотен лет от Земли и Короны. С другими мыслями, с другими рефлексами и совсем другим отношением к людям.

9

Вынуть пистолет из шкафчика и спрятать его в кармане оказалось нетрудно. Капитан вышел вниз подготовить «Ежа» к поездке, а Кудараускас углубился в какие-то свои расчеты.

Дальнейшее было еще проще. Управление скафандром оказалось автоматическим. Ранмакан прошелся в скафандре по коридору и сказал капитану, что чувствует себя хорошо.

В скафандре было слышно все, что говорили другие люди, также одетые в скафандры. Кроме того, можно было поддерживать связь с кораблем.

– Будете нашим гидом по городу, хорошо? – предложил капитан, забираясь в вездеход.

– Хорошо, – Ранмакан улыбнулся.

– Я даже и не надеялся, что вы захотите с нами поехать, – заметил Загребин. – С местным жителем куда удобнее. Я боялся, что вам будет тяжело...

– Ничего, – ответил Ранмакан. – Поехали. – Он спешил. В любой момент Кудараускас или Баков могли обнаружить пропажу пистолета, и тогда все погибло.

В кабине «Ежа», устроившись сзади Бауэра и Загребина, Ранмакан незаметно расстегнул скафандр сбоку и вынул из кармана пистолет. Кабина вездехода была слабо защищена от радиации. Но Ранмакан не верил тому, что доза радиации, прорвавшейся к его телу в эти секунды, была опасной для жизни.

У одного из первых домов улицы, ведущей к центру, – она называлась улицей Торжества, – вездеход остановился.

– Мы тут немного задержимся, – сказал Загребин. – Не возражаете?

Ранмакан не возражал. Он подождал, пока Бауэр и Загребин скрылись в узкой двери одного из домов, и бросился бежать вдоль улицы, надеясь спрятаться в подъезде.

Движимый каким-то шестым чувством, интуицией много повидавшего человека, капитан, входя в дом, обернулся. И увидел, что Ранмакан убегает.

– Ранмакан! Стойте! Что вы делаете?

Капитан бросился за Ранмаканом. Он понимал, что человек без корабля, без защиты скоро погибнет в этом мире.

Ранмакан этого не понимал. Он обернулся, выхватил пистолет и в упор, с пяти шагов, всадил в лицо и грудь капитану половину мощности пистолета.

Такого удара не выдержал даже скафандр высокой защиты. Прозрачная броня его почернела, обуглилась и, высоко подняв от невыносимой боли толстопалые руки, капитан упал на мокрую, выщербленную ветрами мостовую.

Бауэр уже стоял в дверях. Второй выстрел был направлен ему в лицо, но штурман за какую-то долю секунды успел нырнуть в проем двери, и синий дым тут же скрыл Глеба от следующего выстрела.

Ранмакан остановился. Что делать? Теперь он беглец, он враг могучего корабля и могучих пришельцев. Правда, у Бауэра оружия нет...

Ранмакан выстрелил в гусеницу «Ежа». «Еж», движимый инстинктом самосохранения робота, отпрянул в сторону, но его настиг следующий выстрел. Гусеница оплавилась, и «Еж» завертелся на месте.

– Что случилось? – кричал Баков, и голос его бился в ушах Ранмакана, как неумолимый преследователь. – Что случилось? Загребин! Бауэр!

Ранмакан побежал вдоль улицы, петляя, будто его могли увидеть с корабля, свернул в проходной двор и через узкие переулки направился к холмам. Город они могут сжечь, мстя Ранмакану. В холмах его не найдут.

– Ранмакан напал на капитана, – наконец услышал он голос Бауэра в шлеме. – Капитан ранен или убит. «Еж» поврежден. Срочно нужна помощь.

– Оставайтесь на месте! – приказал Баков. – Окажите помощь капитану. Откуда у Ранмакана оружие?

– У него наш лучевой пистолет. Что он сделал с мастером! Скорее!

– Спускаем «Великана»!

Ранмакан плутал по проходным дворам и переулкам, ища выхода к холмам. Он не мог поверить, что о нем в этот момент забыли, что его никто не преследует. Скафандр не успевал подавать достаточно воздуха для бешено сжимающихся легких. Ранмакан задыхался. Ему не хотелось снимать шлем: сняв его, он будет лишен возможности слушать разговоры по внешней связи. Но шлем с каждым шагом все тяжелее давил на голову...

Спрятавшись за углом крайнего дома, Ранмакан отвинтил шлем и бросил его на мостовую; прозрачным мячом шлем покатился к луже, занимавшей середину мостовой, и поплыл по ней, подгоняемый поднимающимся ветром. Надвигался ураган. Снег с дождем били Ранмакану в лицо, словно пытались остановить. Но тот был доволен, что погода испортилась: теперь его труднее будет найти.

Начался подъем на холм. Ранмакан убавил шаги – все равно он уже не мог бежать. С пистолетом он не расставался. Дальше от корабля, дальше от мести пришельцев...

Ранмакан был обречен на скорую и мучительную смерть. Спасти Ранмакана мог только аппарат короны Вас. Но Ранмакан бежал от него.

Скалы сомкнулись над тропинкой. Ранмакан присел, чтобы перевести дух. Ветер сюда не долетал. Ранмакан спрятал пистолет в карман. Он чувствовал себя здоровым и сильным. Теперь главное – найти своих и рассказать им о пришельцах. Должен же где-то существовать свой привычный мир, мир порядка и закона.

А тем временем Бауэр тащил к кораблю обугленное тело капитана, тяжелое и неповоротливое в скафандре высокой защиты. Он не обходил луж и камней. Он задыхался, спешил.

У последнего дома его встретил вездеход «Великан».

Ураган разыгрался к тому времени, и Бауэр увидел вездеход только тогда, когда спрыгнувший с него механик Лещук крикнул ему:

– Давай помогу!

Глава четвертая. Вторая неудача

1

В лаборатории – некому было запретить – собралась большая часть экипажа. Корона Вас не начинал работы до появления Аро и Павлыша. Без них он не мог справиться с аппаратурой. Вас понимал, что теперь, когда тело капитана, охлажденное и готовое к оживлению, находилось на операционном столе, время перестало играть решающую роль в спасении капитана. Корона Вас объяснил это Бакову, принявшему командование кораблем, и Снежине, но те все равно отсчитывали минуты до возвращения катера, и им, несмотря ни на что, казалось, будто с каждой минутой уменьшаются шансы на то, что Загребин вернется на мостик, постучит сигаретой о край пепельницы и скажет вахтенному: «А вот у нас в училище был такой случай...»

Когда Кудараускас сообщил в лабораторию, что катер снизился, Баков приказал Зенону не торопить их с дезактивацией. Все должно идти по плану. Если поторопишься, в лабораторию могут попасть вирусы или радиация. Это решение далось Бакову нелегко, но он теперь был капитаном корабля, и первой его обязанностью было вернуть к жизни мастера. Сформулировав так свою задачу, Баков принялся проводить ее в жизнь. Правда, освободить лабораторию от заинтересованных лиц он не решился.

Снежина встала у дверей рядом с Бауэром. Павлыш и Аро прошли к приборам. Лицо и грудь капитана были прикрыты тканью, и из сплетения приборов и креплений виднелись только усыпанные веснушками кисти рук.

– Все будет в порядке, – сказал Бауэр Снежине. Он очень хотел, чтобы все было в порядке.

– Прошу лишних уйти, – произнес Павлыш. – Пожалуйста, уйдите. Помощи от вас никакой, а разговариваете.

– Мы не будем разговаривать, – заверила Снежина.

– Пойдем, – предложил ей Бауэр. – На мостике есть экран. Павлыш тоже волнуется.

А когда они поднимались на мостик, он сказал Снежине:

– Я ведь тоже мог оказаться на этом столе. Мое счастье, что Ранмакан плохо управлялся с пистолетом.

– Вполне достаточно, чтобы убивать, – съязвила Снежина.

Бауэр открыл дверь на мостик и вдруг улыбнулся.

– Чего ты? – удивилась Снежина.

– Как быстро люди приспособляются к новым условиям жизни! Еще месяц назад случись такое, корабль был бы во власти безнадежного горя. Погиб капитан. А теперь: как бы еще чего не случилось? То есть говоришь о мастере как о пострадавшем в катастрофе, но абсолютно живом человеке.

– Не мели чепухи, – обиделась Снежина. Ей сейчас не хотелось философствовать. – Конечно, капитан будет жить.

Кудараускас включил экран лаборатории и, пока члены экипажа рассаживались, спросил:

– А где Ранмакан?

– Кто знает? – сказал Бауэр.

– Надо будет догнать его. Он погибнет.

– Я бы его снова не оживляла. Должно же быть наказание, – сказала Снежина.

– Постарайтесь понять, – возразил Павлыш. – Он просто нам не поверил. Решил: мы враги.

– А вдруг он сумасшедший? – спросил Кудараускас. – Не в нашем смысле, а сумасшедший, как и все другие жители планеты. Охваченный стремлением убивать.

– Мы привезли еще одного человека, – вспомнил Бауэр. – С дальнего острова. Завтра-послезавтра увидишь, что и здесь люди бывают разные.

– Ты уже уверен?

– Я давно уверен.

Биологи включили аппаратуру. С мостика экран показывал их сверху, как показывают операции в хирургическом театре для студентов. Все замолчали.

Открылась дверь, и тихонько вошла тетя Миля.

– Я с вами посижу, – шепотом сказала она. – Одной нехорошо.

– Садитесь, конечно. – Зенонас подвинул ей кресло.

По внутренней связи раздался голос Лещука из двигательного отсека.

– Зенонас, подключи нас к лаборатории. Ничего не слышим.

– Там пока слышать нечего, все идет как надо, – заметил Зенонас. – Включаю.

Еще через десять минут Вас склонился над колпаком операционного стола и сказал Павлышу:

– Кожные покровы начинают восстанавливаться.

– Ну вот, – сказал Бауэр.

– Сердце, – проговорил Аро. – Пульс семьдесят, наполнение нормальное.

– Будет жить, – произнес Павлыш громче, чем следовало говорить в операционной.

– Подождите, – остановил его Вас. – Не надо шуметь раньше времени. Я полагаю, что экран можно отключить. Через несколько минут операция будет закончена, и еще через два часа мы разбудим капитана Загребина в госпитале. Вы сможете его навестить.

Корона Вас отключил экран.

... Через два часа капитан, смущенно улыбаясь, лежал в госпитале на той самой койке, которую так недавно занимал его убийца, и принимал импровизированный парад экипажа. У изголовья его стоял корона Вас и похлопывал от удовольствия губами широкого рта. Он радовался не только тому, что капитан жив, здоров и ничем не отличается от прежнего Загребина, но и тому, что пришедшая одной из первых тетя Миля пожалала короне руку.

– Спасибо вам, доктор. Без вас мы бы осиротели.

Малыш, когда подошла его очередь, приблизился к Вас и спросил у него шепотом, придерживая карман:

– Курить мастеру можно?

– Конечно. Если Павлыш разрешит. Он же здесь хозяин.

Павлыш благодушно кивнул головой. Малыш вытащил из кармана любимую пепельницу мастера и пачку сигарет.

– Вам можно, – поставил он пепельницу на тумбочку у кровати.

Загребин посмотрел на сигареты, вспоминая, зачем они могли ему понадобиться, потом вспомнил и ответил:

– Спасибо, как-то не хочется.

Малыш даже вздрогнул. Такого с капитаном «Сегежи» просто быть не могло. Малыш подозрительно посмотрел на обоих биологов. Во взгляде его ясно читалось «Что вы сделали с мастером?»

– Когда восстанавливали легкие, очистили их от никотина, – объяснил корона Вас. – Возможно, поэтому.

Но Малыш продолжал смотреть на Вас в упор, и тогда тот, догадавшись, добавил:

– Нет, больше никаких расхождений со старым Загребинным не будет. Не должно быть.

– Может, все-таки закурить? – спросил Загребин. – Нет, не хочется.

Корона Вас был прав. Во всем остальном капитан остался таким же, как прежде. Только бросил курить. И Снежине, которая вечно забывала сигареты, не у кого было их просить на мостике в вахту Загребина.

Павлыш потом как-то говорил Снежине, что он не заметил, чтобы Вас специально очищал легкие капитана от никотина. Тем более если учесть, что курение – наркотическая привычка и закрепляется она в мозгу, а не в легких. Просто-напросто корона Вас не выносит табачного дыма, уверял Павлыш, и при этом он очень деликатное создание и никогда вслух своих претензий не высказывает. Вот и отключил потихоньку клетки, ведающие у капитана страстью к курению.

2

На поиски Ранмакана «Еж» вышел на следующее утро. Кудараускас уговаривал Бауэра взять с собой оружие, но тот отказался. Кудараускас даже поспорил с ним.

– Ты пойми, – говорил он. – Пойми меня правильно. В крайнем, самом крайнем случае, если ты убьешь его – мы оживим снова. А так ты рискуешь и своей жизнью, и жизнью Малыша, который едет с тобой.

– Антипин соорудит силовое поле на вездеходе. Это первое. А второе – тебе приходилось умирать? Хоть полпраза, хоть четверть раза? Ты думаешь, это просто: умер, и все? А впрочем, не веришь мне, поговори с Загребиним.

Кудараускас представил лицо капитана и ответил:

– Я не спорю. Если силовое поле будет, пожалуйста...

Отъезд «Ежа» задерживался. Антипин с роботами мастерил установку. Бауэр углубился в карты, чтобы выяснить возможный маршрут Ранмакана. Решили сначала осмотреть порт и склады – родные места Ранмакана. Если там его не найдут, придется перенести поиски на холмы.

– Меня что волнует... – говорил Малыш Бауэру, когда они спускались к машине. – Ведь он же должен есть и пить. Никаких запасов такого рода в скафандре нет. Значит, он, чтобы съесть что-нибудь, снимет шлем и получит смертельную дозу.

– Надеюсь, он не найдет ничего съестного на этой чертовой планете, – ответил Бауэр.

Ему совсем не хотелось ехать на поиски убийцы, но он сам вызвался в них участвовать, потому что считал себя (как, впрочем, и большинство членов экипажа) виноватым в случившемся. Бауэру намного интереснее было бы присутствовать при оживлении «отшельника».

Больше всего надежд возлагалось на пластилиновый детектор. Он мог за несколько сот метров обнаружить следы вещества, из которого был сделан скафандр.

Баков стоял у экрана, смотрел, как растворяется в струях дождя машина, и, когда она скрылась за домами, сказал:

– Осторожнее. Может, включите поле сейчас же? Он ведь может подстергать вас.

– Мы его раньше учуем, – ответил Бауэр. – Работает детектор.

Баков включил второй экран. В лаборатории проходило новое оживление. Баков думал, что это чудо становится уже будничным делом.

Баков вызвал госпиталь и спросил у тети Мили, как себя чувствует Загребин.

Тот услышал вопрос и ответил сам:

– Даю врачам еще час – самое большее, пусть тогда выпускают, а то сам сбегу.

Баков сдержанно улыбнулся и пригладил усы. В том, что капитан так хорошо себя чувствует, он признавал и свою скромную заслугу. Во время вынужденного отсутствия главы корабля все хозяйство работало нормально. Так что он обеспечил капитану покой.

– Отдыхайте, Геннадий Сергеевич: Бауэр и Цыганков выехали на поиски Ранмакана. В лаборатории успешно идет оживление привезенного Павлышом человека.

– Пора подумать, Алексей Иванович, о том, чтобы построить купол над частью города. Будем переносить работу наружу. Нас, оживленных, с каждым днем будет все больше.

– Ну, вы не в счет, – ответил Баков. – Насчет купола я скажу Антипину. Он у нас главный конструктор.

– Хорошо, я отключаюсь, – решил Загребин, – и сейчас начну уговаривать Эмилию Кареновну, чтобы она помогла мне добраться до моей каюты. А вы об этом никому ни слова. Ясно? Это приказ.

– Слушаюсь. – Баков улыбнулся.

Капитан выздоравливал от смерти.

3

Когда «отшельник» открыл глаза, Павлыш сидел у его кровати и силился одолеть первую страницу романа, найденного в хижине на острове. Из этого следует, что Павлыш делал уже некоторые успехи в освоении языка, которым пользовался «отшельник» (тот же язык был и в городе Манве). Последние полчаса Павлыш провел в секторе Мозга, впитывая под гипнозом сложнейшие окончания двадцати трех падежей.

«Отшельник» лежал не двигаясь, не говоря ни слова. Глаза его были больше и светлее, чем у Ранмакана.

Павлыш медленно отложил книгу так, чтобы «отшельник» увидел ее название, и включил лингвиста.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Спасибо, – ответил «отшельник». – Я долго был без сознания?

– Да, – сказал Павлыш.

Человек наморщил лоб, стараясь вспомнить что-то. Потом провел рукой по черным волосам.

– Они у меня перед смертью выпали, – произнес он.

– Да, – согласился Павлыш, не зная, как объяснить это человеку.

Он опасался враждебной реакции, шока. Он понял, что надо быть предельно осторожным. Павлыш покосился на пульт. Пульт «отшельника» был нормальным.

– Я умирал от лучевой болезни, – сказал «отшельник». – От острой формы. До нас не дошел газ.

– Газ? – спросил Павлыш.

– Да. Вы не знаете? Пьи пустили газ, который убил на материке тех, кто мог спастись от радиации. Так погибли люди в бомбоубежищах. А я умирал от лучевой болезни. Кто вы такие?

– Мы ваши друзья, – ответил Павлыш. – Уверю вас, мы ваши друзья.

– Мне хотелось бы верить вам, – проговорил «отшельник». – Друзей осталось мало. Как вам удалось спастись? Последняя подземная радиостанция кончила работать за неделю до того, как я... Я потерял сознание?

– Да.

– Вы не договариваете. Вы принадлежите к расе, которую мне не приходилось встречать.

– Почему вы так думаете?

Павлыш был в варежках.

– Это можно сказать и по разрезу глаз, и по... Вы пользуетесь механическим переводческим устройством? – «Отшельник» показал на черную коробочку лингвиста.

– Вы же видите, я читаю ваши книги.

– С трудом. Книга была открыта на первой странице. Я подумал даже, что вы вообще не можете читать, а этот шаг предприняли, чтобы успокоить меня. Неприятно очутиться в незнакомой обстановке. Меня зовут Девкали из Лигона.

– Доктор Павлыш, – представился Слава. – Лигона мы еще не знаем. Это где?

– Вы выдали себя, – сказал спокойно «отшельник». – Вы плохой конспиратор. Я бы вам дал сто очков вперед. Лигон – столица нашей империи. Вы не с Муны. Вы пришли из космоса. А может, вышли из-под земли. Были и такие легенды о государстве, ушедшем под землю.

– Вы правы, мы пришли из космоса.

– И опоздали?

– И опоздали.

Павлыш чувствовал растущую симпатию к этому человеку. Объяснить ему все?

– Вы хотите сказать... – начал человек. И замолчал. Приборы отметили усиление нервного напряжения в организме. – Вы хотите...

– Да, – сказал Павлыш. – Планета убила себя.

– Все?

– Все погибли.

Павлыш почувствовал себя виноватым. Это было нелепое чувство. Его испытывает человек, который должен прийти и сказать чьей-то матери, что сын ее попал в катастрофу. Такое испытывает почтальон, приносящий похоронную с войны...

– Тогда еще один вопрос, – произнес человек медленно. – Когда это произошло?

– Немногим более года назад.

– Более года назад? И я был мертв более года?

– Да.

– Ваша цивилизация может побороть смерть...

– Вопрос несколько сложнее. Существует Галактический центр. Наша планета вошла в контакт с Галактическим центром недавно, всего несколько лет назад. Прибор, который возвратил вас к жизни, изобретен на одной из планет Галактического центра. И изобретатели его, совсем не похожие на людей, находятся на нашем земном корабле.

– Расскажите все по порядку, – попросил Девкали. – Не беспокойтесь, я себя хорошо чувствую.

– Может быть, вы хотите подкрепиться?

– Потом, – сказал Девкали.

4

– Мне очень трудно поверить в то, что вы рассказываете, – проговорил наконец Девкали.

– Ранмакан не поверил.

– Это неудивительно. Я просто более подготовлен к этой встрече. Он погибнет?

– За Ранмаканом пошел наш вездеход. Часа два назад. Я не знаю, нашли ли они его. Я был занят с вами. Вы с ним поговорите, когда он вернется.

– Если не считать Ранмакана, я единственный человек на планете?

– Да. Но мы уверены: придут другие.

– Откуда в вас такая уверенность? Ведь в городе вы вряд ли найдете достаточно сохранившиеся тела, чтобы их можно было вернуть к жизни.

– Есть много других городов.

– Спасибо за такую уверенность. Я хочу задать еще один вопрос. Личного характера.

– Вы можете спрашивать, что захочется и сколько захочется. И не только у меня – у всех членов экипажа.

– Почему вы привезли с острова именно меня? Почему не взяли других моих товарищей? И еще: когда вы их привезете?

– К сожалению, мы этого сделать не сможем. После вашей смерти лавина накрыла остальные дома. Это случилось в промежуток времени между прилетом разведдиска и нашей экспедицией. Масса льда и камней раздавила остальные дома и, возможно, даже снесла их в океан. Ваш дом единственный, который, хоть и был засыпан снегом, но сохранился.

– Вы хотите сказать, что от всего поселка...

– Да.

– Оставьте меня, пожалуйста, – прошептал Девкали.

– Я уйду. Но почему мой ответ вас так взволновал? Там были близкие вам люди?

– Когда-то, года четыре назад, на этот остров попало, правда, не по своей воле, пятнадцать близких мне людей. Перед войной их оставалось четверо. В том числе моя жена, Пирра. Пирра была для меня все, без нее я вряд ли прожил бы эти годы на острове. Тех, кто умирал, мы вывозили на санях к проруби и хоронили их в океане. Мы голодали и болели снежной лихорадкой. Я не умер потому, что рядом со мной была Пирра. Я не мог умереть потому, что она должна была жить. Вы меня понимаете? Может быть, то, что я говорю, для вас пустой звук? Может быть, в вашей совершенной цивилизации, – Девкали усмехнулся, – подобные чувства уже устарели?

– Нет, – ответил Павлыш. – Не устарели.

– После взрывов и радиоактивных облаков мы заболели. Мы знали, что это, но мы надеялись тогда: вдруг кто-то остался жив на планете и мы, в стороне от путей и больших материков, переболев, останемся в живых. И вернемся. Пирра лежала в хижине, под самой скалой. Я еще мог передвигаться. Было холодно. Мы топили печь кусками опустевших домов, но с каждым днем все труднее было нарубить дров. Одного из оставшихся четверых я смог похоронить в море, другой остался лежать в своей хижине. Я знал, что если останусь жив, то останусь жить вместе с Пиррой и благодаря ей. Она ни разу не пожаловалась... Простите.

– Говорите дальше. Может, вам станет легче.

– Это сейчас уже не играет роли. Я пошел, вернее, я пополз в ту хижину, около которой вы меня нашли. Там еще оставалась каша. И я должен был накормить Пирру. Тогда я почему-то решил, что, если это сделать, мы останемся живы. Я знаю, что такое лучевая болезнь, и все-таки тогда, на острове, я должен был принести ей эту миску... И я ее не принес.

– Наверно, слова покажутся банальными, – заметил Павлыш. – Но ваше горе – только часть горя вашей планеты. И ваш долг вместе с нами вернуть ее к жизни.

– Вы правы. Конечно, вы правы...

– Вам надо отдохнуть. В случае чего нажмите эту кнопку. Спите.

Павлыш вышел в коридор. Там стояла Снежина.

– Я слышала разговор, – сказала она. – Я все слышала. Я больше не могу. Я хочу тихо водить ракеты на Титан и возвращаться домой. Я не могу...

– Прекрати истерику, Снежка, – остановил ее Павлыш, – это нервы. Впрочем, знаешь что, отнеси ему бульон. Может, отвлечется – новое лицо...

Снежина взяла поднос у дежурившего у двери робота. Через две минуты она вышла.

– Я поставила бульон около постели. Он ничего не хочет.

– Он еще что-нибудь сказал?

– Он сказал, что у нее были такие же волосы! – Снежина, ссутулясь, быстро пошла к своей каюте.

– Ну вот, – пробурчал Павлыш себе под нос и отправился к капитану.

С капитаном состоялся очень короткий разговор.

– Попытка – не пытка, – решил Загребин.

Потом капитан соединился с Баковым, и тот, выслушав его, отдал приказание автоматам готовить к пуску «Аиста». Он вызвал Антипина, чтоб тот повел катер. Антипин погрузил в катер взрывчатку, смонтировал мощный лазер.

Перед отлетом Павлыш заглянул на минутку в госпиталь. Девкали лежал, отвернувшись к стене. Приборы показывали, что он не спит.

Павлыш прошел в тамбур. Через пять минут «Аист» отделился от корабля и взял курс на остров. У Павлыша был один шанс из тысячи, но он хотел его использовать.

Примерно через час Девкали нажал кнопку звонка и попросил дать возможность кое-что записать. Снежина принесла ему бумагу и ручку и не стала задавать вопросов. Еще через час Девкали попросил выключить свет, и корона Вас, препоручив наблюдение за его здоровьем автоматам, вышел из лаборатории, чтобы встретить Бауэра и Малыша, измученных бесплодными поисками Ранмакана. Вас принес им прямо к тамбуру свои стимуляторы.

Когда он вернулся в лабораторию, приборы перемигивались тревожными огоньками. Сердце Девкали перестало биться. Он был мертв.

В госпитале, включив свет, Вас увидел, что Девкали повесился. Рядом лежала записка. Пока корона Вас обследовал Девкали, Мозг перевел записку:

«Простите за все. За неоправданные надежды, за предательство, которое я совершаю по отношению к собственной планете. Но бывает, когда один человек становится тебе дороже многих. Очень давно я обещал Пирре, что не буду жить без нее. Она улыбнулась: тогда мы не думали, что когда-нибудь умрем. Еще раз простите. И, надеюсь, вы выполните мою последнюю просьбу – не оживлять меня снова. Я не хочу жить. Я верю, что вы еще найдете многих людей, которых сможете оживить. И моя планета будет вам благодарна. Я же заранее говорю спасибо за то, что вы дали мне умереть.

Девкали из Лигона».

– Корона Вас, – произнес Загребин, прочитав записку, – у меня к вам просьба. Вы уже собираетесь готовить лабораторию?

– Да, – кивнул Вас, прочтя записку. – Это ужасно. Разрешите я уйду к себе. Разумеется, я не буду...

Кудараускас, стоявший рядом, ничего не сказал. Загребин посмотрел на него, ожидая фразу о том, что цивилизация... Но Кудараускас не думал об этом. Он только вспомнил, как на космодром приехала жена Антипина. Маленькая робкая женщина с пепельными гладкими волосами. Она сказала: «Я тебя буду ждать. Хоть всю жизнь. Я не могу жить без тебя».

Антипин тогда смущенно хмыкнул: «Ну что может со мной случиться? В космосе безопасней, чем на людной улице».

5

Шансов было мало. Так мало, что Павлыш и не очень рассчитывал на успех. И все-таки оставалась возможность, что домик, в котором лежала Пирра, не был свален в море лавиной.

Павлыш не стал говорить о своем полете Девкали, чтобы не возбуждать ложную надежду и затем загубить ее через несколько часов.

Остров был таким же, точно таким же, как и три дня назад. Так же торчали из снега черные пальцы скал, и ровный снежный покров долинки у моря уходил вверх откосом лавины. Катер утоптал площадку в стороне от хода лавины, затем Антипин с Павлышом выгрузили тепловое оборудование и очистили от снега долину с хижинкой, у которой нашли Девкали.

Широкий ручей пробил себе дорогу к океану и разливался по льду, снег с которого сдуло ураганом. Было не очень холодно. Вода замерзала не сразу и покрывала лед у берега блестящей пленкой. Выглянувшее желтое солнце отразилось в пленке воды, и та засверкала вечерними красками горного озера.

Потом началась самая трудная часть работы. Слежавшаяся гора снега, льда и обломков скал была крепче камня. Павлыш с Антипиным попытались выяснить положение засыпанных хижин, пользуясь мелкой и плохо различимой съемкой разведдиск, – всю гору растапливать и резать было бессмысленно. Для этого требовался ядерный взрыв. Но Антипин рассудил, что лавина, прошедшая совсем рядом с уцелевшей хижинкой, сдернула остальные дома ближе к морю, у которого язык лавины заканчивался невысоким обрывом. Именно у океана, со стороны лавины, обращенной к долинке, Антипин и начал бурение.

Бур ломался. Он ломался раз шесть за четыре часа, и Павлыш несколько раз предлагал: – Давай, Иван, положим заряд, взорвем этот край.

Антипин отмалчивался.

Наконец они добрались до бревна. Такого же, как и те, из которых была сложена хижина. Бревно было ободрано льдом.

– Хороший знак, – сказал Павлыш. Он устал, приходилось работать обычной киркой и даже оттаскивать глыбы руками, как в каменном веке.

– Перекусим, – предложил Антипин и полез обратно в ракету. – После обеда работается веселей.

Пока обед грелся, Антипин связался с «Сегежей». Загребин – он уже вышел на вахту – спросил их, как успехи. Павлыш поведал про бревно и про то, что часа два-три они еще поработали бы. Хоть надежды немного.

Загребин сказал:

– Вот что, Павлыш. Вы уж лучше не спешите. Переночуйте и с утра еще покопайтесь в этой горе. Ваше присутствие на корабле пока не требуется. Понятно?

– Понятно-то понятно, – ответил Павлыш. – Но если часа через три ничего не появится, отправимся обратно.

– Не спешите, – повторил Загребин. – Было бы неплохо, если бы нашли. Да, если что надо – еду ли, энергию, – пришлю резервный диск. Если людей нужно, тоже пришлю.

– Что-нибудь случилось с Девкали? – спросил Павлыш, почуяв неладное. Резервный диск не должен покидать корабль, за исключением случаев чрезвычайных.

– Ищите, – велел капитан. – Это очень важно.

– Ну, и что скажешь? – спросил Павлыш Антипина.

– Ясное дело, случилось что-то, – решил Антипин. – Сворачивай обед, пошли в тамбур.

Где твой шлем?

– Может, мне выйти на связь еще раз?

– Ага, вот твой шлем. – Больше механик ничего не добавил: он вообще был не очень разговорчив.

В темноте работали при помощи прожекторов «Аиста». Спать не хотелось. Нашли еще несколько разбитых и растрепанных бревен, кастрюлю, расплюснутую в лепешку, какие-то тряпки. Каждая находка была как птица, как плывущий по волнам кокосовый орех или пальмовый лист, указывающие, что берег где-то неподалеку. Но где?

Потом эти знаки исчезли. С час работали, не находя ничего. Громадная полость образовалась в теле лавины.

К утру вернулись в ракету и снова вышли на связь. Загребин не спал. Павлыш доложил:

– Мы, Геннадий Сергеевич, сделали дырку до центра планеты. И ничего нет. Будем возвращаться. Не возражаете?

– Возвращайтесь. – Загребин помолчал немного и добавил: – Вот что, я все понимаю, наверно, вам надо вернуться. Девкали умер. Повесился. И вот такую записку оставил... – Капитан прочел записку Девкали. – Я на прошлой связи не хотел вам говорить. Тогда вы только начинали работу. Теперь, судя по вашему сообщению, надежды не осталось. Возвращайтесь, что делать...

– До связи, – ответил Павлыш и посмотрел на сумрачного, заросшего суточной щетиной Антипина.

Антипин кивнул:

– Мы еще поработаем.

Солнце выползло на край горизонта и снова пропало за облаками, когда за бревнами они нашли изломанное лавиной тело женщины.

И тогда они, перетащив его на катер, улеглись спать, с трудом заставив себя задрать двери и потратить пять минут на дезактивацию. Они спали до вечера и не отвечали на запросы «Сегежи».

– Павлыш, Антипин! Павлыш, Антипин! Что с вами? Высылаем спасательный диск, – повторял Баков.

– Верните свой диск спать, – пробурчал Павлыш, не открывая глаз. – Хочется спать. Всем хочется спать.

6

Снова было пробуждение. Еще борясь с черной водой смерти, Девкали почувствовал его приближение. Организм боролся за жизнь, но сознание упорно цеплялось за спокойствие, за сон, за ровную бесконечность. Уже почти очнувшись, он услышал голос Пирры, которая звала его обратно к жизни, но он сопротивлялся и этому голосу, понимая, что голос – только иллюзия.

– Девкали, очнись, я здесь, – слышал он голос Пирры.

Потом слова Павлыша:

– Это труднее, чем в прошлый раз. Он не хочет жить. – Павлыш говорил на лигонском языке.

– Девкали, – снова позвала Пирра.

Голос ее был очень похож на настоящий голос Пирры.

Потом откуда-то издали прозвучал механический голос:

– Введите стимулятор. Я оставил его на пульте, слева.

Девкали почувствовал укол и почти немедленно понял, что совершенно жив и здоров и может открыть глаза. Не поднимая век, он произнес:

– Я все равно уйду. Сколько раз...

– Девкали, – произнесла Пирра. – Не будь ребенком.

Это могла сказать только сама Пирра. И Девкали, не смея поверить голосу, открыл глаза.

Пирра смотрела на него золотыми влажными глазами, улыбалась и сердилась одновременно. Так с ней было, когда у них делали последний обыск и сыщик достал из-под шкафа много месяцев назад забытый там мяч для игры в продо и приложил его к уху – проверить, не бомба ли это замедленного действия. «Бомба, – согласилась тогда Пирра, – сейчас взорвется».

– Ну вот, – сказал Павлыш. – Я пойду, у меня дела в лаборатории. Срочные дела.

7

Тело Ранмакана нашли на восьмой день после убийства капитана. В тридцати с лишним километрах от «Сегежи», среди холмов. По следам удалось узнать, что в последние два дня он брел обратно к кораблю, но заблудился, потерял силы.

Ранмакан был без скафандра и без пистолета. И то и другое он, видно, выбросил в пути. Также он потерял и коробочку лингвиста. Правда, сам Ранмакан этого не помнил.

Когда его во второй раз вернули к жизни и он стал вторым в Галактике дважды воскресшим человеком, он уверил Бакова, что ни с пистолетом, ни со скафандром не расставался.

За вторичным оживлением Ранмакана никто не наблюдал, никто не волновался, удастся ли опыт с ним. И, увидев его на следующий день опасно бредущим по коридору, Кирочка Ткаченко громко сказала Глебу Бауэру:

– Будь моя воля...

– Понял, дуся, – ответил Глеб. – Сегодня он треть населения планеты. Правда, худшая треть. Может, его еще удастся сделать человеком.

Глава пятая. Купол на окраине Манве

1

Капитан Загребин не любил сумерек. Длинных весенних сумерек, полных глубоких синих теней и особенно напряженной тишины. Он не любил их даже на Земле. Здесь же, на Муне, лишенной птичьего гомона и шелеста листьев, сумерки казались ему особенно удручающими. В последние дни ему снова хотелось курить, и в сумерках он часто подходил к прикрепленной под экраном пепельнице и рассеянно постукивал по ней ногтем указательного пальца. Кудараускас, который поспорил с Павлышом, что капитан вернется к старой привычке, незаметно улыбался, слыша этот стук.

Чтобы разогнать сумеречное настроение, капитан отходил от экрана, поворачивался – руки в карманах – к главному пульту и, глядя в затылок трудолюбивому Кудараускасу, начинал:

– Зенонас, кстати, я вам не рассказывал, как у нас на третьем курсе?..

Если даже Кудараускас и слышал уже эту историю, он не говорил об этом, предпочитая ее выслушивать снова. Он считал рассказы мастера простительной слабостью, лишась которой, тот придумал бы себе другую, может быть, опаснее для окружающих. Например, начал бы собирать камни, как Фукс с «Нептуна». Потом в одном оказались бактерии, которые слопали весь урожай мандаринов на Земле и обошлись в год работы несколькими сотням биологов, а капитану Фуку это стоило диплома капитана дальнего плавания. Капитан отвечает за груз своего корабля.

Корона Аро любил сумерки: сумерки напоминали его планету, далекую от звезд, спрятавшуюся, чтобы не замерзнуть, под толстым слоем облаков. Аро приходил на мостик, спрашивал разрешения капитана и садился на пол у локатора, обернув хвост вокруг себя. Аро смотрел на серое небо большого экрана с искренним удовольствием и слушал истории, происходившие с капитаном в богатом событиями космическом училище. Корона Аро был неразговорчив, но неразговорчивость эта проистекала от скромности. Он стеснялся своей громоздкости, стеснялся того, что приходится пользоваться лингвистом, отчего он упускал «душу» рассказа. Аро предпочитал слушать.

На пустыре за городом машины расплавили почву на круге диаметром в полкилометра и над гладким непроницаемым полом возвели прозрачный купол. Девкали с Малышом ездили несколько раз на «Еже» в город и привезли множество необходимых для жизни предметов. Предметы росли горой у купола и ждали очереди на дезактивацию.

Строительством первого дома ведали два пьи. Пьи уступали жителям Манве в росте, и кожа их при свете фонарей казалась чуть зеленоватой. Оба пьи были охотниками. Война застала их высоко в горах, и они укрылись от взрывов в пещере, где и умерли от лучевой болезни. Пещеру случайно нашел Антипин во время разведочного полета к столице пьи, за четыре тысячи километров от Манве. У членов экспедиции появилась уже привычка, условный рефлекс – заглядывать на всякий случай в самые невероятные места: каждый новый житель планеты Муна доставался после долгих трудов, поисков и неудач. Иногда казалось, уже не найти больше никого, и все-таки обязательно наступал день, когда, возвращаясь из очередного полета, разведчики радиовали:

– Передайте Вас, пусть готовит аппаратуру.

И наступал праздник.

Уже шел третий месяц, как «Сегежа» приземлилась у Манве, но праздничных дней было всего шесть.

О том, чтобы очистить планету от радиации, не приходилось пока думать. Эта задача не под силу «Сегеже» и даже самой природе – пройдет еще много лет, прежде чем люди смогут снова ходить куда хотят и когда хотят по улицам и холмам планеты Муна.

– Мы наблюдаем с вами рождение совершенно новой цивилизации, – сказал корона Аро. – Был Адам, но неудачный, потом появились еще двое – они-то уже были больше похожи на настоящих Адама с Евой – теперь люди будут плодиться и умножаться. Я правильно цитирую Библию?

– Я сначала опасался, что могут быть какие-нибудь раздоры между лигонцами и пьи. Все-таки враждующие народы, – произнес капитан.

– Они уже не враждующие народы, – ответил Аро. – Они не народы.

– Они должны стать одним народом.

– Ранмакан откуда-то достал жвачку, – уронил Кудараускас, который теперь с особым вниманием следил за жизнью Адама планеты.

Ранмакан отталкивал его чем-то, и в то же время характер его гипнотизировал Зенонаса. Зенонас обязательно должен был знать, где тот находится и что делает.

– Это ему Девкали привез из города, – сказал Аро.

– Она не вредна? – спросил Кудараускас.

– Не вреднее курения. Легкое наркотическое средство.

– И все-таки, может, не стоило завозить ее в купол? – спросил Загребин. – Поговорить с Девкали? Курение – очень вредная привычка.

– Не надо, – возразил Аро. Он поднялся и подошел поближе к экрану. Хвост вяло волочился за ним по полу. – Это не наше дело.

– Не наше? – спросит несколько агрессивно Кудараускас. – Неужели мы дадим им вернуться к прежнему?

– Пока нет ничего, что указывало бы на такую опасность. – Аро глядел, как на экране маленькие фигуры людей суетились вокруг роботов, втаскивавших балки перекрытий на строящийся дом.

– Сначала жвачка, старая привычная жвачка, потом другие не менее привычные наркотики и поступки. Потом нас попросят удалиться потому, что мы уже сделали свое дело. И все начнется снова.

– Вы удобный оппонент, Зенонас, – произнес Аро. – На вас можно проверять сомнения. Вы неправы хотя бы потому, что на ближайшие годы люди планеты зависят от нашей помощи. Они не смогут покинуть купол.

– Я не говорю о завтрашнем дне, – ответил Кудараускас. – Я стараюсь смотреть в будущее.

– Мы туда заглянуть не сможем. Пока, – сказал Зенонас. – Но, по-моему, нет оснований для пессимизма. Самое трудное позади. Самое трудное было вернуть к жизни первых людей. Теперь они сами заботятся о себе и, насколько понимаю, не собираются быть нашими нахлебниками. Поговорите с Девкали.

– Девкали – особый случай. Он и до войны был исключением, – напомнил Кудараускас.

– Ну, не таким уж исключением...

– И все-таки таких, как он, которых боялись настолько, что ссылали на далекий остров, – таких было немного.

Вошел Малыш:

– Через пять минут отправляем капсулу по галактическому каналу связи. Дополнений не будет?

– Совсем забыл, – спохватился Аро. – В аппарате выгорели кристаллы настройки. Если их не пришлют на грузовом корабле в ближайший месяц, мы пропали.

2

Пирра кормила пса. Это был пес охотников-пьи: его Малыш нашел в той же пещере. Пса переселили под купол первым, раньше людей. Псу под куполом не нравилось – было скучно и ничем не пахло. Он подбегал к стене, чуть матовой у основания, и вглядывался в дождливый мир снаружи. Псы на Манве, длиннохвостые, длинноногие (кстати, не хищники, а грызуны), не лают. Пес попискивал и царапал лапой стенку купола. Когда утром в купол приходили на работу люди, пес встречал их у тамбура, катаясь от радости по гладкому стекловидному полу. Пирра приносила ему из кухни объедки, и пес подолгу копался в них, отыскивая для себя экзотические и соблазнительные кушанья.

– Ешь, пес, – говорила Пирра. – Малыш найдет тебе компанию. Малыш обещал.

Пес не знал, что такое компания, но все равно вежливо мотал головой, продолжая копаться в объедках.

– Здравствуй, Пирра, – сказала Кирочка Ткаченко, незаметно подойдя сзади.

В руках у Кирочки был пакет с удобрениями, а сзади стоял понурый робот, переданный для огородных работ. Может быть, робот и не был понурым, но это сказал о нем корона Вас, и все поверили и с тех пор говорили, будто робот опечален, потому что ему не хочется копаться в маленькой грядке, насыпанной в дальней стороне купола.

За огород отвечала Пирра. Когда-то, до ареста, Пирра была агрономом. Теперь она сама нашла и принесла на «Сегежу» семена и ветви растений. Вас оживил их.

Девкали и Пирра уже были знакомы с коронами. Они сами попросили об этом. Корона Аро, менее занятый в лаборатории, нередко разговаривал с Девкали, хотя все равно лучшим другом того оставался Слава Павлыш. У них вообще были отношения особого рода. Девкали считал Павлыша своим дважды спасителем. А Павлыш втайне гордился тем, что они с Антипиным не вернулись на «Сегежу», когда уже не осталось никаких надежд...

Кирочка с Пиррой подошли к огороду, окруженному невысоким забором, чтобы пес не забрался на плантации. Пес бежал за ними и делал вид, что его плантации совершенно не интересуют. Это была явная неправда, и потому женщины захлопнули дверь перед его носом. Пес раза два пискнул и тут же, забыв о Пирре, побежал к строителям.

Первый дом был уже почти готов. Дом был одноэтажный, длинный, с покатой крышей. Он был разделен на две половины: на одной жили Девкали с Пиррой, на другой было несколько комнат, которые занимали пьи, Ранмакан и сутулая пожилая прачка из пригорода Манве. Прачка тосковала по своей большой семье, погибшей в один миг во время взрыва, и по ночам стонала во сне, несмотря на лекарства, которые ей давал Павлыш.

Девкали с одним из охотников-пьи красил дом. Стремянку держал Малыш. Он ждал очереди покрасить. Окраска домов и заборов, как известно, еще со времен Марка Твена вызывает в наблюдателях желание включиться в этот процесс. Малыш от таких наблюдателей ничем не отличался. Он пришел под купол с полчаса назад, чтобы проследить, как роботы монтируют связь, но, на его счастье, робот сломался, и Антипин, углубившись в машинное чрево, уверял, что раньше, чем к обеду, связиста в строй не вернет.

Второй охотник-пьи – настолько маленький, что ростом уступал Малышу, – сколачивал разобранный при перевозке стол. Работа охотнику нравилась. Он мурлыкал какую-то заунывную песню, набрав, совсем как плотник на Земле, полный рот гвоздей с треугольными шляпками.

Только Ранмакан не участвовал в строительных работах. И тому были причины. Ранмакан широкими шагами мерил соединительный туннель между «Сегежей» и куполом и думал. Кудараускас неосторожно намекнул ему, что каждое слово, написанное первым восставшим из мертвых жителем Муны, представляет неоспоримый интерес для Галактики. И Ранма-

кан обдумывал свои мемуары. Лучшим местом для этого оказался длинный соединительный туннель. Туннель был прозрачным, и Ранмакану представлялось, что он гуляет по открытому полю. Кроме того, в туннеле лучше слышался стук дождевых капель, и это организовывало мысли. Для творческого процесса полезно было смотреть на дальние холмы, хотя с ними у Ранмакана связаны очень тяжелые воспоминания – именно там он бродил, разуверившись, что может встретить хоть кого-нибудь. Однажды ему почудилось, что он увидел человека в скафандре; он бросился к нему по осыпи, сбрасывая вниз камни, но человек оказался бредовым видением. Когда Ранмакан добежал до скалы, там уже никого не было...

3

Ранмакан принес первую часть своих мемуаров в каюту к Кудараускасу. Мемуары были написаны от руки, ровным канцелярским почерком, и, когда Ранмакан ушел, Зенонас прошел в сектор Мозга и уговорил вахтенного механика Кирочку Ткаченко отдать ему ровно пять минут времени Мозга, чтобы тот перевел мемуары. За это Зенонас пообещал дать их почитать Кире, конечно, с разрешения автора. Ранмакан уже намекнул, что собирается писать продолжение и, может быть, даже роман о последних днях жизни планеты Муна.

Машина расшифровывала текст минут десять. Текст был не длинным, но Мозг еще плохо разбирался в индивидуальных почерках. Кирочка поглядывала на часы, а Кудараускас делал вид, что ничего не замечает, и рассказывал, как он завоевал первенство Вильнюса по эспадрону.

Вернувшись к себе в каюту, Кудараускас восемь раз выжал шестидесятикилограммовую штангу, потом позанимался десять минут с гантелями. Ему очень хотелось немедленно усесться за рукопись, но именно поэтому он не пропустил ни одного упражнения. Затем возникло желание лечь с мемуарами на диван. Это тоже было слабостью. Кудараускас сел на жесткий стул, включил настольную лампу и начал читать:

«Мемуары-воспоминания Ранмакана из Манве, бывшего таможенного чиновника, а ныне первого человека, возрожденного к жизни с благородной и бескорыстной помощью пришельцев, представителей Галактического центра, а также планет Земля и Корона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МОЕЙ ПЕРВОЙ ЖИЗНИ.

Я родился тридцать лет назад в городе Манве, в семье таможенного чиновника и имел трех братьев, с которыми потерял связь, потому что один ушел в армию, второй умер от весенней горячки, а третий уехал искать работу в Лигон. Мои отец и мать тоже умерли в положенное им время. Их участь была счастлива, потому что им не пришлось уйти в дом стариков.

Я кончил обязательные три класса, положенные для детей чиновников восьмого разряда, и был определен на таможду в ученики писаря. Я не участвовал в волнениях и не был замечен в связях с врагами нашего государства.

Я все время жил в Манве и только один раз ездил в город Лигон, где расположена столица нашего государства и где живет наше правительство Разумных. Там я видел много интересного, а также наблюдал, как Разумные выходят из сенатского дома при звуках оркестра. Теперь я должен рассказать об удивительном приключении, имевшем место во время моего пребывания в Лигоне.

Однажды, когда я возвращался ночью в гостиницу и был в хорошем расположении духа, на меня напал грабитель и отнял у меня пальто и витой браслет. Я заявил об этом в полицию, но, к сожалению, вещи не были возвращены, а я был вынужден заплатить за переписку жалобы по форме на гербовой бумаге.

После окончания этого приключения я вернулся в Манве, наш мирный город, лежащий на берегу моря. Мне приходилось видеть во время моей работы различных людей, особенно моряков, которые приезжали в наш город. Я записывал вещи, отобранные у них при осмотре старшими таможенными чиновниками. Так я впервые увидел настоящих пьи, которые в то время еще не были нашими смертельными врагами, а были союзниками в борьбе против колмаев. Однако уже тогда мне не понравились пьи за их небольшой рост, цвет кожи и ограниченность.

Вечером я ходил в визор, смотрел картины, особенно если там были шпионы пьи или колмаи и их били и побеждали наши во имя Свободы и Разумности.

Среди моих друзей были состоятельные люди и даже сын стражника. Его звали Бессмертным, потому что отец давал ему в детстве пить настойку белого корня. Бессмертный входил в Отряд и имел форму с кантами. Если бы я не был сыном таможенного чиновника, я бы тоже входил в Отряд. Когда били бунтарей на площади у замка, я ходил смотреть и тоже кидал в них камнями...»

На этом месте Кудараускас прервал чтение. Он аккуратно подчеркнул строку, в которой говорилось о белом корне – надо узнать подробнее. Потом подчеркнул и фразу о бунтарях.

Кудараускас знал по справочнику, сделанному Мозгом на основе прессы, книг и респросов людей, что Лигонское государство управлялось по сложным и древним законам. В республике сохранялось множество наследственных каст. Кастовая система была подточена развитием общества, все более отвергавшего привилегии патрициев. Идеи равенства по рождению постепенно распространялись в стране, и тогда, чтобы спасти косную систему, патриции передали власть генералам. С каким удовольствием получившие власть генералы запретили не только свободы и споры, но и превратили Лигон в большую, славно организованную казарму!

Нельзя сказать, что никто не сопротивлялся генералам – оппозиция исходила из школ и научных центров, фабрик и книжных собраний. Неуправляемых сопротивленцев наказывали, убивали, сдавали в армию. Девкали и Пирру давно бы казнили, если бы не патрицианское их происхождение. Патриция казнить нельзя, но можно послать на бесплодный ледяной остров, чтобы он там умер от голода.

Но ссылки и процессы в конечном счете спасти генералов не могли. И тогда оставалось главное и самое надежное средство – война. А когда страна готовится к войне, то оппозицию можно уничтожить раньше, чем она откроет рот.

«Я вспоминаю, – продолжал свои мемуары Ранмакан, – как однажды ко мне пришел Бессмертный и сказал, что я хороший чиновник и, когда я проработаю еще несколько лет, мне разрешат жениться на девушке из седьмого чиновничьего разряда и наши дети тоже перейдут в седьмой разряд. Я был очень благодарен, а Бессмертный сказал, что мои услуги нужны стране, которой угрожают новые заговорщики. Он мне велел пойти к учителю Паону и сказать, что я люблю читать книги, и потом брать их и читать. А если учитель скажет, что я могу быть полезным, то вопросов лишних не задавать, а сказать при случае, что я доволен правительством и моим заработком. Я очень испугался и сказал, что я всем доволен. Бессмертный сказал, что я дурак – это метод борьбы с врагами. И я согласился, но, когда я возвратил учителю первую книгу, он спросил меня, о чем она, и я сказал, что против правительства, я ведь ее не читал. А учитель засмеялся, потому что это была хрестоматия для отрядов Охраны. И он добавил, что из меня никогда не получится провокатор. Потом я рас-

сказал об этом Бессмертному, и тот на меня разозлился и ответил, что таким, как я, не место в седьмом разряде чиновников. А учителя все равно потом арестовали и сделали ему операцию. И он, конечно, пропал.

Потом начались угрозы со стороны пьи. Они наши враги. Я их встречал и видел в порту. Они производят неприятное впечатление. Они молятся живому богу, что является гнусным суеверием, и еще они приносят в жертву живому огню пленных и детей. У них нет атомных бомб, а те, которые есть, не взо рвутся. Я слышал, как говорили на улице, что пора всех зеленых варваров прижать к ногтю. И я тоже согласился, и мы пошли жечь их Дом послов. Мы сожгли Дом, и в газетах писали про то, что мы – благородные патриоты.

Перед войной были еще неприятели на военном заводе в нашем Манве из-за того, что рабочих перестали выпускать домой. Тогда нескольких рабочих сожгли на нефтяных кострах, а еще нескольких отправили в отряды смертников. Но и оставшиеся все равно не хотели работать. Тогда их куда-то увезли, наверно, на урановые рудники, а вместо них привезли крестьян с гор. Крестьяне работали плохо, и меня и еще других чиновников восьмого и седьмого разрядов мобилизовали работать на заводе после окончания рабочего дня. Мы очень уставали и тоже работали плохо. Мы боялись, когда объявляли тревогу, но убежище было далеко от нашего цеха, и мы редко бегали туда. Потом говорили, что пьи изобрели смертельный газ, которого достаточно, чтобы уничтожить все живое, но у нас были такие бомбы, что мы тоже могли уничтожить все живое. Затем началась война, начались настоящие тревоги. Однажды, когда загудели ревуны, я побежал в склад, где меня спустя долгое время нашли благородные пришельцы.

Во второй части я расскажу о том, как попал на корабль пришельцев и стал самым первым человеком на нашей планете».

Кудараускас отложил рукопись и лег спать. Вахта начнется в шесть, и надо успеть хорошо выспаться.

Во сне Кудараускас видел, как Ранмакан забрасывает камнями бунтарей на площади и среди бунтарей почему-то оказался он, Кудараускас.

4

– А я знаю этого Бессмертного, то есть знал, – сказал Девкали. – Тогда он был еще совсем молоденьким негодяем. Лет двадцати. Нас привезли в Управление секретной полиции. И пытали.

– Разве вас можно было пытать? – удивился Павлыш. – Ведь тело патриция неприкосновенно.

– Вы не дали договорить, Слава. Пытали Торпа, учителя Свемаи, то есть тех, кто из низших каст. Но пытали их в нашем присутствии. Представьте подвал, надвое разгороженный решеткой. По одну сторону мы – четырнадцать отделенцев, предателей своей касты, по другую – негодные бунтари, простолюдины. Их пытали. Мы смотрели. Знаете, порой лучше, когда пытаются тебя самого. Еще три дня назад ты сидел с ними – я имею в виду учителя Свемаи, – и отчаянно спорил: выпускать заложников или нет? Я настоял. Заложников выпустили. Заложники потом провели солдат через тайный перевал. Так вот, три дня назад это был Свемаи, и ты никогда не думал, что он может так кричать... Бессмертный был одним из добровольцев-палачей. Я запомнил его имя. Я думал, что когда-нибудь с ним встречусь.

– Вы знали, что будет война? – спросила Снежина.

Она вела «Великана». Рядом с ней сидела Пирра, остриженная и изящная в пришедшемся ей в пору скафандре Малыша.

– Мы надеялись, что ее все-таки не будет. Не будет большой войны. Страх окажется сильнее жажды разрушать. Но в мире накопилось столько оружия, что началась цепная реакция бешенства. На наш остров не заходили суда – он был помечен на картах как запретная зона. Зона испытаний ядерного оружия. Хорошо еще, что ни одна ракета не приземлилась нам на голову. Но у нас был приемник. Мы нашли его сломанным в хижине: раньше здесь жили промышленники, охотники за морскими драконами. Среди нас был один инженер. Он умер дня за три до войны. Он починил кое-как приемник. Приемник иногда...

– ...если ему хотелось, – встала Пирра.

– ...если у него было хорошее настроение, доносил до нас отрывки последних известий или музыкальные передачи. В последнее время передавали в основном боевые марши. Мы по тону передач понимали, что в любой момент может начаться война – в эфире копилась умело разжигаемая ненависть. Мы не могли даже рассчитывать на то, что сами доплывем до земли.

Вездеход дрожал, карабкаясь по каменной россыпи к седловине. «Сегежа» осталась далеко позади, и вокруг теснились холмы, кое-где покрытые плесенью, мхом и мертвыми стволами деревьев.

– Деревья погибли от газа, – объяснила Пирра. – Пьи прибегли к нему, когда поняли, что терпят поражение.

«На Земле Пирру приняли бы за учительницу алгебры – она суховата, размеренна и как-то подчеркнута интеллектуальна. Ей бы пошли очки в тонкой оправе, – думал Павлыш. – И рядом Снежина – вся преувеличенная: слишком пышные волосы, слишком мягкие губы, слишком большие глаза и вообще слишком красивая...»

– Вчера Лещук еще одно бомбоубежище нашел. На окраине, за портом, – сказала Снежина.

– Наверно, построили перед самой войной. Раньше в том районе был ипподром, – собачьи бега, – произнес Девкали.

– Да, перед самой войной. Ранмакан с Лещуком ездил на «Еже» и показал место.

– Ну и что?

– Там устроили подземную площадку для ракет. Ракеты были выпущены. А под базой, на глубине метров сорока, находился бункер со всем необходимым для жизни и даже запасами жидкого воздуха.

– Не может быть! Неужели все-таки нашли их? – Пирра прижала ко рту сухой кулачок. – И они погибли?

– Они умерли не сразу – бомбоубежище не пропустило газ и защитило их от взрывов. Они умерли позже. Радиация снаружи не спадала, воздух истощался. Им, наверное, стало страшно. Они дрались между собой. Там была жуткая битва. Несколько человек пережили ее – они умерли позже, когда радиация все-таки проникла в бункер. А может, когда кончился воздух. Еды у них было достаточно... Представляете... – проговорила Снежина, не оборачиваясь: вездеход осторожно крался по краю обрыва. – Уже всех на планете убили, а сами живут.

– И вы будете их оживлять? – спросил Девкали. В голосе его звучало сомнение в необходимости такого шага.

– Там были крысы, – отозвался Павлыш. – Очень много крыс. Ведь продовольственный склад.

– Я, конечно, не могу указывать вам, кого возвращать к жизни, кого нет, – сказал Девкали. – Тем более что нас очень мало. Но мне хотелось бы, чтобы наша планета жила в будущем хорошо. Вы меня понимаете?

Пирра протянула руку, и Девкали накрыл ее ладонью.

– Я согласен, – ответил Павлыш. – И наверно, если бы дело дошло до оживления, капитан бы поговорил с вами.

– А я не согласна, – возразила Снежина. – Я думаю, что на всей планете наберется едва ли сотни три-четыре людей, которые не имеют права жить. Другие хоть и были преступниками, убийцами – когда родятся вновь, волей-неволей станут другими людьми. Ведь раньше вся их жизнь, все воспитание толкало к таким поступкам.

Никто не ответил. И непонятно было, соглашаются с ней или нет.

– Долго еще? – поинтересовалась Снежина, чтобы нарушить молчание.

– Нет, километров пять осталось, – ответила Пирра. – Жалко, дорога так разрушена, мы бы уже были там.

– Ранмакан сказал мне как-то, – заговорил снова Павлыш, – что не знает, можно ли ему жить с вами в одном доме. Все-таки разница в кастах.

– И вы рассмеялись?

– Улыбнулся, а что?

– А ведь он до сих пор свои вещи – правда, их пока немного – не перенес с корабля. Для него жить в одном доме с патрициями – второе крушение мира, причем он должен принять в этом крушении активное участие. Войну за него придумали. Переехать в один дом с патрициями он должен сам, своими руками совершить тяжкий грех. А вдруг вернется старая власть? Что тогда?

– Ну, не так уж он глуп, чтобы не понимать, что старая власть не вернется. Тем более после визита в бункер.

Вездеход снова въехал на прилично сохранившийся отрезок дороги и мягко побежал по брусчатке.

– Сейчас будет поворот. За ним ворота, – сказала Пирра. – Когда-то эти холмы были очень красивы. Зеленые, веселые, птицы поют.

– Ну, у вас в саду под куполом тоже птицы есть.

– Только одна птица. Корона Вас восстанавливал ее по скелету и перьям, и она не умеет петь.

За поворотом дороги обнаружилась ветхая, серая от дождей и ветров арка. На ней надпись на лигонском языке. Павлыш и Снежина уже могли прочесть ее:

«Горный ботанический сад»

5

Поездка в Горный ботанический сад была нужна всем обитателям купола. Очистка воздуха требовала много энергии, которая необходима и для других дел. А кроме того, «Сегеже» не вечно сидеть на планете. Она улетит. Люди останутся жить. Значит, нужно, чтобы купол сам себя снабжал чистым, незараженным воздухом, по крайней мере до тех пор, пока сюда не придут стационарные дезактиваторы.

На совещании у капитана, посвященном этой проблеме, Пирра вспомнила, что когда-то проходила практику в Горном ботаническом саду. И там работал старик биолог: выращивал кустарник с повышенной активностью жизненного цикла; кустарник активно поглощал углекислоту и вырабатывал кислород. Старик предполагал использовать его в шахтах и в цехах с плохой вентиляцией – выделение кислорода растением прекращалось только в полной темноте. Достаточно было слабого источника света, и маленькая кислородная фабрика начинала работу. Тогда, до войны, растение ученого никому не понадобилось – в шахтах трудились и умирали рабочие самых низших каст, а их в Лигонской республике было много. Пирра сказала, что помнит дорогу к Горному ботаническому саду, помнит, где должны нахо-

дяться делянки с тем кустарником. Если их, конечно, не выкорчевали за годы, что прошли с ее ареста.

Выехали затемно и до ботанического сада добрались к одиннадцати часам – дорога была плохая, да и сад находился сравнительно далеко от города. Он располагался в глубокой, защищенной от ветров долине, в которой, по словам Пирры, сохранилось несколько реликтовых видов растений. Это и определило выбор такого отдаленного места для ботанического сада.

– Здесь жили энтузиасты, – проговорила Пирра, когда вездеход остановился у небольшого белого дома с выбитыми стеклами. – Тут было интересно.

За домом начинался густой зимний лес. Вернее, это был мертвый лес, но Снежине он показался зимним, только сбросившим листья и готовым снова распусться, как только пройдут холода. На некоторых деревьях еще сохранились привязанные проволокой таблички с их названиями, и забытая лесенка у одного из них как бы напоминала: хозяева здесь люди и они должны вернуться.

– Я сначала загляну в дом, – сказала Пирра.

– Я с тобой, – добавила Снежина.

Женщины вошли в дом. Снежина уже привыкла к тишине и гулкой пустоте домов планеты. Но этот дом показался ей не таким мертвым, как дома в городе. В одной из комнат у стены стояло два длинных стола, уставленных пробирками и банками с семенами. На стене висели застекленные рамы с гербарными листьями; срезы стволов в углу были еще свежими, но посеревшими от времени.

Пирра подняла с полу толстую тетрадь, развернула ее.

– Тетрадь наблюдений, – прочитала она. – Это его тетрадь, того старика. Как же его звали? Вот удивительная вещь – почерк его запомнила, а имени не помню. Последняя запись... – Пирра перелистывала тетрадь. – Последняя запись... Она уже сделана не им. И последние страницы заполнены другим почерком. Наверно, с ним что-то случилось еще до войны. Может быть, он умер. Или уехал. Хотя это все равно. Тетрадь нам пригодится. По крайней мере, мы теперь знаем, что они работали над этим кустарником до последнего дня. Старика здесь любили. Вздорный был старик, но очень добрый и мудрый.

– Что нового? – спросил, подходя к узкой дыре окна, Павлыш.

– Сейчас идем, – ответила Пирра. Она раскрыла гербарную папку. – Так и думала. Вот этот лист – видишь, узкие, раздвоенные на концах листочки – то, что нам нужно. Даже если мы не найдем самой делянки, корона Вас сможет восстановить растение?

– Сможет, – заверила Снежина. – Корона Вас – волшебник. И умница.

– Только очень страшный, – созналась Пирра. – Я сначала его боялась.

Они шли по узкой аллее. Иногда Пирра останавливалась и надламывала сучок; сучки были сухие и с треском поддавались пальцам. Пирра бросала сучки на землю.

Над аллеей массой ветвей навис лесной великан; вокруг него земля на несколько сантиметров была покрыта длинными сухими иглами. Пирра подобрала несколько шишек и проверила, сохранились ли в них семена. Положила шишки в карман скафандра и потом сказала Девкали:

– Напомни на обратном пути взять банки с семенами из лаборатории.

– Хорошо вам, ботаникам, – проговорил Павлыш. – Раньше сажай зернышко в землю и жди неделями, пока оно вырастет, если прорастет. А с помощью корон, сдал семена в лабораторию – через полчаса заходи за саженцами.

– Как раз у нас основная работа все равно останется неизменной, – возразила Пирра. – Саженец мы получим, а остальное – наше дело. Пока из него вырастишь дерево, все равно годы пройдут. Да и одним деревом не обойдешься – у нас впереди знаешь сколько работы. Это вам, врачам, теперь делать будет нечего.

Деревья расступились. Впереди, поделенное на ровные четырехугольники, лежало большое поле, ограниченное крутыми склонами долины. Некоторые из делянок щетинились сучьями кустов, другие стояли голыми или чуть прикрытыми сухой травой.

– Ой! – раздался сзади голос Снежины. Она отстала и еще не вышла из тени деревьев. Павлыш резко обернулся.

Снежина сидела на корточках у большого ствола и махала рукой остальным, чтобы спешили к ней.

Спрятавшись между толстых корней мертвого дерева, из сухого песка долины тянулся тонкий стебелек с белой головкой цветка.

– Живой, – прошептала Пирра.

– Совершенно и абсолютно живой, – засмеялась Снежина. – Я подула на него, и он на секунду сложил лепестки.

– Лесной висан, – сказала тихо Пирра. – Я сейчас заплачу. Не срывай его. Пусть растет.

– Конечно, пусть растет. Я только подула на него. Он сложил лепестки, а потом опять расправил, будто поздоровался со мной.

– А планета хочет помочь нам, – произнес Девкали. – Она не совсем мертва. Помнишь, Пирра, как я первый раз принес тебе букет лесных висанов?

– Летом будет больше цветов, – добавил Павлыш.

6

С делянки возвращались не спеша. Может, оттого, что видели живой цветок, оттого, что так легко и быстро нашли нужный кустарник, настроение у всех было хорошее. Девкали тащил ворох сухих сучьев и корней и допрашивал Павлыша, пишут ли на Земле стихи, а если пишут, то пользуются ли рифмой. Пирра тихонько напевала что-то, и Снежина подумала, что еще не видела Пирру смеющейся, а наверно, когда она засмеется, то станет очень красивой. Хотела было сказать об этом Пирре, но та вдруг остановилась и сказала:

– Если пойти по этой аллее, мы придем на кладбище. Здесь было маленькое кладбище. Ботаники предпочитали и жить и умирать здесь. Здесь не было крематориев, как в городах. Подождете меня секунду? Я загляну, не похоронен ли здесь старик. Я никак не могу вспомнить, как его звали. А это очень нужно. Правда?

Пирра повернула в боковую аллею. Остальные последовали за ней. Кладбище открылось через сто шагов – это небольшая поляна, окруженная высокими деревьями. На поляне несколько могильных холмиков, над каждым камень или диск с лучами. Пирра прошла мимо ряда холмиков. Остановилась у крайнего.

– Конечно, – вспомнила она. – Его звали Кори, учитель Кори из Лигона. Он умер перед самой войной.

– Это хорошо, – заметил Девкали, – что он не дожил до нее.

До лаборатории было уже недалеко. Пирра провела к ней по узкой тропинке, мимо хозяйственных построек.

– Здесь песок? – спросил вдруг Павлыш.

– Да, песчаные почвы. Не все растения могли здесь жить. Приходилось ходить в соседнюю долину за перегноем. Очень тяжелые корзины были, как сейчас помню.

Павлыш отстал и отошел немного в сторону. Разгреб листья под деревом и посмотрел, сухой ли там песок. Под листьями был перегной сантиметра три, потом песок.

Женщины и Девкали ушли вперед. Павлыш распрямился, отряхнул ладони и хотел идти дальше, но неожиданно увидел человеческие следы.

Первой его мыслью было удивление – как они могли сохраниться больше года? В тех местах, где землю покрывали листья, следы можно различить с трудом. Но чуть дальше на прогалине след отпечатался четко и глубоко. Это был свежий след.

Павлыш осторожно огляделся. Все тихо. Только уже довольно далеко, у здания лаборатории, слышны голоса женщин.

Недавно здесь был человек: ведь ночью шел дождь. Может быть, он даже видел их. Нет, это невероятно. Совершенно невероятно. Павлыш хотел позвать Девкали, но вдруг почувствовал, что ему страшно. Страшно крикнуть, потому что Он может услышать; страшно за своих товарищей: ведь они не знают, что кто-то, не боящийся смертельной радиации, ходит по мертвой планете. Кто это? Друг? Может, какие-то люди смогли приспособиться к радиации, обладают иммунитетом к ней? Нет, этого случиться не может. И потом... потом, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: человек был здесь совсем недавно. Возможно, видел людей и не подошел.

Павлыш решил никому не говорить о своем страшном открытии. Лучше быстро уехать отсюда, не рисковать – они не вооружены, с ними две женщины. Сначала надо посоветоваться с капитаном.

Павлыш еще раз оглянулся и быстро пошел по тропинке к лаборатории.

Его уже ждали. Пирра укладывала в вездеход банки с семенами и листья гербария. Снежина подавала ей их из окна лаборатории.

– Куда ты запропастился? – спросила она, увидев Павлыша. – Мы уж думали, ты попал в лапы к духу леса. Есть, оказывается, легенда, Пирра рассказала, что здесь живет привидение.

«Ну вот, еще не хватало», – подумал Павлыш.

– Кстати, Слава, ты почему спрашивал про песок?

– А, ты об этом, – ответил Павлыш, довольный, что разговор отошел от опасной темы. – Я думал, что песок хорошо сохраняет ткани. Мумифицирует их. Значит, если старик умер всего год назад, была надежда его вернуть к жизни. Ну ладно, поехали.

– Постой, постой, ты ведешь себя уж так нелогично, дальше некуда! – возмутилась Снежина. – Так это же светлая мысль, надо немедленно проверить. Девкали, знаешь, где лежат носилки? В нижнем багажнике. Достань.

– Нет, нет, – остановил их Павлыш. – Надо возвращаться. Уже поздно.

– Почему? Только первый час. Мы вполне успеем до темноты вернуться. Нашел, Девкали?

– Да, – сказал тот, выбрасывая из вездехода носилки.

И Павлыш понял, что он не в состоянии придумать никакой причины, которая бы оправдала немедленный отъезд. Открыть правду? Но что-то удержало его от этого. Может быть, то, что ему не поверят, не примут всерьез. Может, потому, что тогда Снежина – а с нее станет – решит немедленно пойти туда и исследовать следы.

Когда раскапывали могилу, Павлыш старался не становиться спиной к лесу, и волнение его было столь очевидно, что Снежина даже спросила:

– Что, жутковато стало?

– Нет, – ответил Павлыш. – Просто я думаю, что песок может быть влажным.

– Сейчас все узнаем.

Догадка Павлыша была правильной. От этого ему стало еще хуже. Носилки с маленьким высохшим телом старика нес он с Девкали, а женщины, несмотря на уговоры Павлыша, все время отставали. И руки были заняты. Павлыш все оборачивался, и Снежина, смеясь, говорила:

– Не бойся, не потеряемся.

– Кстати, крупных хищников на планете сейчас нет, – добавила Пирра. – Хотя мы их разведем снова.

Ничего не случилось. Так же в тишине вернулись в вездеход. И без приключений добрались до «Сегежи».

Павлыш шутил, слушал, как Снежина рассуждает о том, будут ли на обед взбитые сливки, а сам, чуть отвлекаясь на секунду, снова видел глубоко отпечатанный в почве след, такой свежий, что края его не оплыли и виден каждый рубец подошвы.

7

– А теперь, Павлыш, успокойся и подумай. Первое: не показалось ли тебе все это?

– Нет, Геннадий Сергеевич, не показалось.

– Вторая возможность, – продолжал Загребин. – Например, эти следы были оставлены в прошлом году, а над ними нависают ветви?

– Нет. И вообще не стоит тратить время на придумывание причин, почему этих следов не было. Я знаю, что они были. Свежие следы.

– Вы неправы, Павлыш, – возразил Баков. – Мы обязаны рассмотреть все варианты. Абсолютно все. То, что вы рассказали нам сейчас, очень странно.

– Я знаю, что странно. – Павлыш прошелся по каюте, остановился около модели каравеллы над письменным столом и провел пальцем по бушприту. – Я отлично понимаю, что на вашем месте я бы также старался перебрать все варианты. Но поймите, я их уже перебрал.

– Хорошо, Слава, – сказал Загребин. – Мы вам верим. Что из этого следует? Честно говоря, не знаю. Объяснить этого пока не могу.

– Объяснить можно, – вмешался корона Аро. – И вы это объяснение знаете не хуже меня, капитан. На планете, которую мы считаем мертвой, есть люди, которые пережили конфликт. Вопрос не в этом – важнее узнать, кто они, войти с ними в контакт.

– А почему они не хотят вступить с нами в контакт? – спросил Баков.

– Ну, этому найдется множество объяснений. Они могут, во-первых, и не подозревать о нашем присутствии. Горный сад находится в ста километрах от Манве. Во-вторых, они могут бояться нас. Кто мы такие? Пришельцы из космоса? Враги, пьи, выжившие в войне и пытающиеся оккупировать их страну? Или какие-нибудь другие загадочные существа, опять же, вероятнее всего, враги?

– Значит, – развил мысль капитан, – из этого следует, что, считая нас врагами, они могут предпринять враждебные действия?

– Могут, – ответил корона Аро.

В каюте было тихо. Только Павлыш быстро шагал по каюте из угла в угол по одной и той же прямой, и пластик чуть поскрипывал под каблуками. Из-за полуоткрытой двери доносились далекие голоса. Загребин, который знал обо всем, что происходит на борту, легко распутывал клубок голосов и шумов корабля: высокий гортанный голос принадлежит Ранмакану – он научился играть в нарды и опять спорит с Малышом, своим постоянным партнером. Вот вспыхнула скороговорка тети Мили – она отчитывает робота. Бухнула штанга – Кудараускас закончил серию физических упражнений...

– Значит, так, – сказал Загребин. – Вы, Алексей Иванович, с Антипиным посмотрите, что можно сделать для обеспечения полной безопасности корабля и купола. На гравитационное поле энергии не хватит?

– Нет, мы не можем включить главный двигатель.

– Ну, подумайте. Рисковать нельзя. А после ужина соберем экипаж и, я полагаю, жителей планеты. И поговорим. А пока я считаю разговор законченным.

Павлыш попрощался и сразу ушел. Он считал, что капитан слишком спокойно отнесся к новости. Даже не приказал немедленно снарядить разведдиск, который попробует выяснить, куда же ведут следы.

Корона Аро поинтересовался:

– А тот кустарник, о котором говорила Пирра, привезли?

– Да, привезли. И еще привезли его автора. Совсем забыл вам сказать: корона Вас ждет в лаборатории.

Корона Аро закинул хвост на плечо и молча последовал за Павлышом.

– Ну и как? – спросил Баков, оставшись вдвоем с капитаном. – Может быть, послать диск в ботанический сад?

– Я уже думал, – сказал Загребин. – У вас нет сигареты?

– Я не курю.

– Да, забыл, извините. Я уже думал, но сейчас пятый час. Через час стемнеет. Не хочется начинать поиски в темноте.

– Хорошо, пойду поговорю с Антипиным.

И Баков покинул каюту. Капитан Загребин постоял посреди комнаты, размышляя, не могла бы завалиться пачка сигарет где-нибудь в нижнем ящике письменного стола. Но потом вспомнил, что сам приказал роботу выбросить все, что может напомнить табак. И робот проделал эту операцию очень тщательно. Капитан вздохнул и пошел все-таки к Снежине, надеясь, что ее нет в каюте. Он знал, что сигареты лежат у нее под зеркалом, похожим на Луи-Филиппа. Лучше взять сигаретку потихоньку. Может быть, желание курить пройдет и насмешникам не будет повода злословить над слабой волей капитана Загребина.

8

После ужина в кают-компании собрались члены экипажа и жители купола.

Наверно, в последний раз они смогли все уместиться в этой небольшой комнате. «Пройдет еще сколько-то времени, и не только кают-компания, но и всей «Сегеже» не вместить жителей этой планеты, – подумал Загребин. – А может быть, уже и сейчас где-то под землей или под водой живут тысячи людей, которые не хотят никакой помощи извне?»

Неожиданное собрание нарушило привычную жизнь экипажа. Беспокойство усилилось еще и потому, что все видели, как Антипин с Баковым объехали на вездеходе купол, о чем-то посоветовались, и потом наружу вылезли роботы, которые установили на некотором расстоянии от купола сигнальные башенки, зажигающиеся, как только что-нибудь или кто-нибудь приближался к кругу, образуемому ими. Внутри круга уместились купол и «Сегежа».

– Сегодня, как вы знаете, – начал Загребин, когда все уселись, – наши товарищи ездили в Горный сад...

Загребин поведал о том, что видел Павлыш, потом сказал о мерах безопасности, принятых им. После него говорил Павлыш. Он повторил рассказ о следах и предложил послать к Горному саду разведдиск.

Бауэр не поверил Павлышу: все-таки следы могли сохраниться с прошлого года; Кудараускас предположил, что эти следы оставлены роботом: какой-нибудь из роботов-разведчиков побывал уже в саду. Кудараускаса подняли на смех: следы роботов не были похожи на человеческие. Павлыш их спутать не мог.

Пирра сказала, что если следы – реальность, то они принадлежат военным. Только у них были тайные бомбоубежища, где можно спрятаться от радиации. При словах Пирры Ранмакан побледнел. Он ничего не сказал, но подумал, что все-таки к власти снова могут прийти настоящие хозяева Лигона. Нельзя сказать, что он хотел этого возвращения. При новой власти, которую для него олицетворяли капитан Загребин и Девкали, жилось лучше

и никто не напоминал Ранмакану, что он низшая каста и должен не делать того-то и того-то, но уважение и почтение к военной машине было в Ранмакане настолько глубоким, что он всерьез испугался, как бы его не наказали настоящие хозяева, когда вернутся к власти. Бывшая прачка огорчилась: она не любила военных, и если бы ей один из них попался в руки, она бы его, наверно, задушила. Она не могла простить им смерти своих близких. И прачка беззвучно молилась Солнцу, чтобы молодому доктору изменило зрение и чтобы это были вовсе не следы, а случайные ямки. Охотники-пьи мало разбирались в политике и не хотели в ней разбираться. Они ждали того дня, когда воздух снова станет чистым. Снежина вспо мнила, как было в том саду, и в душе поблагодарила Славу за то, что он тогда ничего не сказал.

Наутро диск слетал в сад, но следов не нашел. Ночью в горах прошел дождь.

В ближайшие две недели ничего не произошло, и все, кроме Павлыша, стали понемногу забывать о следах в Горном саду. Но Павлыш видел их, стоило ему закрыть глаза. Он знал, что они были.

Глава шестая. Похищение

1

Профессор Кори из Лигона оказался сухим ехидным стариком с длинным носом и белым венчиком вокруг желтой лысины. Профессор за два дня вошел в курс дела, с удовлетворением отметил присутствие на корабле своей ученицы, поблагодарил ее за спасение кустарника, что он оценивал куда выше, чем спасение своей персоны, и взял в собственные руки озеленение купола.

Знание того, что он полтора года провел в могиле, нисколько не обескуражило профессора.

– Я деловой человек, – говорил он. – Я столкнулся с двумя фактами: первый – весьма прискорбный – эти идиоты все-таки добились своего и устроили бойню. Я всегда думал, что наши петиции их не удержат. Они устроили бойню и уничтожили все, что другие люди строили пять тысяч лет. Другой факт, с которым я столкнулся, – отраднейший. А именно: к счастью, нас заметили раньше, чем пропали всякие следы нашей работы. Заметили и пришли нам на помощь. Мое воскрешение – частность, хотя приятная. Мне обидно было умирать, не окончив опытов со своими детишками. Кстати, если бы наши идиоты не загубили планету, никто не стал бы возиться с моим оживлением. Сколько мне осталось жить?

– Не знаю, – отвечал корона Вас. – Наверное, с нашей помощью вы проживете еще лет сорок. Мы в состоянии спасти человека, но не можем подарить ему бессмертие.

– Замечательно, коллега, на бессмертие я не претендую. Дорогой мой, вы не откажетесь помочь мне пересадить рассаду на клумбу? Я этого не могу доверить вашим железным роботам.

Корона Вас с удовольствием шел возиться с рассадой. Его пребывание под куполом было узаконено. Как-то Девкали собрал всех своих единомышленников и рассказал им о том, что на корабле живут не только люди, но и существа, на людей не похожие. Девкали опасался отрицательной реакции со стороны охотников или прачки. Но те восприняли новость спокойно. За последние недели с ними случилось столько невероятных вещей, что новостью больше или меньше уже не играло решающей роли. Первое время короны старались поменьше встречаться с жителями Муны, потом, когда обе стороны друг к другу привыкли, Вас, более общительный, почти совсем переселился под купол, отлучаясь только поговорить о жизни с тетей Милей и вырастить новую порцию рассады для опытов Кори.

Но эта спокойная и почти идиллическая жизнь продолжалась всего несколько дней, видимое однообразие которых было нарушено прилетом грузовой ракеты из Галактического центра, она доставила запасные части к аппаратам, почту и первую очистительную установку для воздуха. Кроме того, с ракеты сгрузили материал для второго, большого купола, сооружение которого должно было начаться, как только появится достаточное количество людей. Ракета улетела. И дня через два после ее отлета экспедиция, работавшая в развалинах Лигона, обнаружила заваленное наглухо бомбоубежище, в которое крысы не нашли доступа.

2

Снежина проснулась оттого, что услышала детский смех. Какой-то мальчишка кричал по-лигонски:

– Отдай мой мяч или я проткну тебя мечом!

Потом он, видно, все-таки проткнул кого-то мечом, потому что жертва его страшным басом начала молить о пощаде. Мальчишка заливался смехом и топал ногами, потом голос его утонул в суетливом шуме людей, которые, если Снежина правильно поняла, давали советы плотникам, как вставлять раму.

Снежина лежала некоторое время, прислушиваясь к голосам, стараясь угадать за ними знакомые лица. Открывать глаза не хотелось. Как только откроешь их – значит, проснулась, значит, пора вставать, а Снежина считала, что каждый человек имеет право на десять минут между сном и явью, когда можно не спеша досмотреть сны и закончить их, как хотелось бы. Откуда могли идти голоса? Ну, конечно, из динамика внутренней связи. Кто сейчас на вахте? Кажется, Кудараускас. Значит, он включил шум купола вместо будильника.

Десять минут еще не истекли. Снежина подумала о том, что еще две недели назад Кудараускас, включив купол, донес бы до корабля только шаги роботов и тихий голос Ранмакана. Снежине тогда жители планеты Муны чем-то напоминали бронтозавров – живых, но в то же время чужих на своей планете. Уж очень они сегодня одиноки среди бесконечности разрушенных городов, пустых полей и тоскливости радиоактивных дождей. Кучка людей, спасенных за недели поисков, ошибок, разочарований, была ничтожно мала. И вдруг – сразу шестьдесят человек!

Старики и старухи; шестеро детей – скоро надо будет школу открывать; два молоденьких солдата – бывшие охранники бомбоубежища; патриций, случайно погибший в компании простолюдинов; два брата-старика. Эти люди проходили в момент оживления трагедию знакомства с собственным, уже чужим миром, пытались понять, что же делать дальше, как приспособиться к этой жизни.

Правда, теперь это шло проще и спокойней, чем вначале. С одной стороны, в бомбоубежище люди прятались семьями, семьями они и вернулись к жизни, с другой, их встречали Пирра и Девкали, Ранмакан и Кори – соотечественники, уже прошедшие через все, что ждало «новеньких», и готовые помочь.

И все-таки... Снежина вспомнила «голодный бунт».

3

Этот бунт произошел на второй или третий день после начала оживления людей из Лигона. Тогда под куполом набралось человек двадцать новичков, встретившихся как после долгой разлуки, еще не осознавших целиком, что же случилось, но вместе с тем полных недоверия ко всему миру, включая друг друга. К тому же эти люди были давно и привычно голодны.

Если до этого обед готовили Ранмакан с Пиррой – они справлялись (с помощью тети Мили и кухонного робота), не тратя много времени, – то на этот раз, пока кухня под куполом не была оборудована, обед, приготовленный на корабле в двух больших котлах, выкатили роботы. Образовалась нестройная очередь военных времен, заранее уверенная, что последним пищи может не хватить и, вернее всего, не хватит. Здоровый черный парень, бывший солдат, первым пробился к столу, схватил полную тарелку, присев за край длинного временного стола, в несколько глотков уничтожил суп и бросился снова к котлу, где произошла какая-то заминка. Нервная очередь сбилась в кучу вокруг робота, и Пирра тщетно пыталась успокоить растрепанную женщину с двухлетним малышом на руках. Малыш плакал, женщина кричала, вокруг раздавались несмелые, злые возгласы. И в этот момент солдат с пустой тарелкой врезался в толпу, как таран.

Супа было больше чем достаточно, но парень нарушил закон голодной очереди, и очередь моментально сплотилась против него. Пирра, отброшенная от бака, спряталась за спину робота – люди дрались за котлом, который покачивался, грозя вылить горячую жидкость.

Патриций, не желавший драться, но тоже решивший, что супа не хватит, схватил со столика охапку ломтей хлеба и бросился бежать к дому. За ним погнался другой мужчина...

Бауэр, увидевший эту сцену с мостика, растерялся. Он никогда еще не видел, как люди дерутся из-за пищи. Он испугался, что кто-нибудь задавит ребенка. Глеб метнулся от экрана к пульту, но спокойные ряды кнопок не подсказали ему никакого решения. Тогда он нажал сигнал тревоги и подключился к каюте спящего Загребина.

Капитан вскочил с постели, как подброшенный батут, и сонными глазами уставился на Бауэра. Глаза постепенно наполнялись мыслью, капитан хрипло спросил:

– Что?

И пока Бауэр, торопясь, объяснял в чем дело, Загребин уже совсем пришел в себя и, не дав штурману закончить, оборвал:

– Дай сирену.

Повернулся на другой бок и заснул. Капитан не спал всю ночь – перед этим была его вахта, и как раз монтировали очиститель воздуха.

«Странно, – подумал Бауэр, – мастер никогда не сталкивался с голодными бунтами. Не больше меня знает о них. И все-таки совершенно спокойно и быстро нашел единственное решение. И, главное, заснул снова».

Бауэр включил ревун.

Низкий гул заполнил купол, повис над городом – страшный крик громадного зверя, крик войны и приближающейся воздушной смерти. И в тот же момент застыли люди у котла и инстинктивно подняли головы. Только суп, льющийся из наклоненной тарелки, отбивал струйкой зигзаги на земле да с легким мягким стуком рассыпались по земле оброненные патрицием ломти хлеба.

Бауэр опустил ручку сирены. Все в порядке.

Бунт не повторился. Но на следующий день, когда людей стало еще на восемь человек больше, случилась новая беда. Очередь, пришедшую за обедом, охватил другой вид массового психоза, причина которому была та же – страх. Кто-то взял вторую порцию супа, потом вторую порцию мяса. Его примеру последовал сосед, и вот уже началась оргия. Люди жадно хватили хлеб и мясо, глотали бульон, матери засовывали кусочки в рот плачущим детям. Эту оргию никто не останавливал и не мог бы остановить. Внешне все выглядело почти благопристойно – люди ели.

Вечером Павлышу пришлось покинуть лабораторию. Он переключился на слабительное и болеутоляющие капли. Девкали между тем уверял пострадавших, что пришельцы и в мыслях не имели их травить. Виной всему их собственная жадность. Ему не верили.

На мостике капитан разговаривал с короной Аро о том, как снять с людей эту смесь подавленной истеричности и апатии – настроение переселенческого лагеря, вокзала, с которого не уходят поезда. Аро советовал ждать и положиться на человеческую натуру. Он говорил, что с уверенностью в завтрашнем дне придет и спокойствие.

Вошел профессор Кори.

– Если я и помешал, – агрессивно начал он, – то все равно вам придется меня выслушать.

– Садитесь, – сказал Загребин, указывая на кресло. – Вы пришли вовремя.

– Я хотел бы поговорить сейчас не с вами, а с моими соотечественниками, – сказал Кори. – И со всеми сразу. Я не могу бегать, как Девкали, из комнаты в комнату. Да это и не поможет. Включите внешнюю связь.

Кори напыжился, и венчик седых волос вздыбился нимбом вокруг блестящей лысины. Не очень удачно перешитый прачкой костюм Малыша топорщился у него на груди и кособочился у ворота.

Загребин подошел к пультам, включил внешнюю связь и протянул профессору микрофон:

– Пожалуйста.

Кори взял микрофон и, набрав в легкие побольше воздуха, быстро заговорил высоким голосом:

– Люди, с вами говорит профессор Кори из Лигона. Вы меня видели, вы меня знаете. Мне стыдно за вас и за нашу планету. Мало того, что вы разрешили своим правителям убить себя, вы показываете сегодня людям, пришедшим нам на помощь, что вы не достойны этой помощи. Я, профессор Кори из Лигона, говорю: с завтрашнего дня мы начинаем новую жизнь. Мы вспо мним, что наши предки были гордыми людьми и не дрались из-за куска хлеба. И пусть завтра кто-нибудь посмеет броситься на еду, как паршивая собака. Я ударю его по лицу. Все... Извините меня, – сказал Кори капитану, дождавшись, пока тот выключил внешнюю связь. – Я люблю своих соотечественников, вы должны простить их.

И, не дожидаясь ответа, Кори выбежал из помещения, только щелкнула дверь, и каблуки профессора, удаляясь, отсту чали что-то сердитое по ступенькам трапа.

Нельзя сказать, что с этого дня обитатели купола резко изменили свое поведение. Этого никто и не ожидал. Но когда дня через два один из вновь прибывших слишком быстро принялся хлебать суп, то несколько пар глаз обернулось к нему. И когда он украдкой просеменил на цыпочках к котлу, патриций, проявивший неожиданную склонность к демократии, остановил его.

– Не спеши, – произнес он. – А если будешь брать еще суп, то не больше половника. Организм у тебя новый, может не выдержать, лопнешь.

Бежавший огрызнулся, но шаги замедлил. Он, не оборачиваясь, прислушался, что скажут остальные. Остальные молчали. Молчание это было сочувственным к словам патриция, и новенький ощутил это...

Снежина открыла глаза. В самом деле, пора вставать. Загребин освободил ее от вахт – она входила в группу купола. И там ее ждали проблемы – всякие проблемы, большие и маленькие, ожидаемые и совсем неожиданные. К ожидаемым относились проблемы еды и одежды. Корабельных запасов уже не хватает, и скоро придется выкручиваться собственными силами. Были маленькие: у единственной кормящей матери кончилось молоко, и надо было нажать на Павлыша, чтобы он заготовил побольше питательной смеси для малыша. Таких проблем Снежина могла насчитать десятки; разрешить их было совсем не легко.

Снежина зажмурилась, чтобы сконцентрировать волю в одном действии, и сбросила ноги с кровати. Пятки ударились о мягкий ковер. Теперь надо поднять голову. И Снежина подняла голову, показала язык своему изображению в зеркале и включила дистанционное управление душем – пусть греется, пока она доберется до кабинки.

4

Робот, который тащил за собой толстую змею запасного тормозного парашюта, задел клумбу у швейной мастерской – первого промышленного предприятия Муны. Кори увидел это безобразие, догнал робота, который затаскивал парашют в дверь, и принялся честить его на двух языках. Робот покорно слушал; швеи сгрудились у окна, чтобы не пропустить это уникальное зрелище, а Ранмакан, который сам вызвался руководить швейной мастерской, вышел к дверям и молча водил в воздухе руками, заклиная прекратить ссору. Ранмакан отъелся, стал солиднее и осторожнее.

Робот был простой рабочий, но он догадался, что игнорировать гнев старика невозможно. Он отпустил конец парашюта и пошел пересаживать цветы. Профессор обогнал его

и велел отправляться обратно в корабль. Потом стал восстанавливать клумбу сам. Ранмакан стоял над ним и наблюдал за его уверенными, точными действиями.

– Вам хорошо, – сказал наконец Ранмакан, – у вас есть специальность. А я таможенный писарь.

– И таможенные чиновники пригодятся, – успокоил его Кори. – Да притом вы пока тоже неплохо устроились.

– Да, это пост шестой или даже пятой касты, – сказал Ранмакан. – Но меня могут его лишить.

– Это еще почему?

– Будут более достойные люди.

– А вы работайте лучше, и не будет более достойных. Вместо того чтобы стоять над мной и разговаривать, могли бы втащить парашют – женщинам не справиться.

– Я начальник, – ответил Ранмакан просто.

– Ах, так! – воскликнул Кори. Он быстро переходил из одного настроения в другое. – Ах, так! – Кори поднялся и быстро прошел к двери, перед которой лежал толщиной в туловище человека червяк парашюта.

Кори перебрался через него и исчез в темноте прихожей. Ранмакан неуверенно последовал за ним и остановился, увидев, как червяк зашевелился и начал вползать в темную щель. Профессор громко кряхтел – в парашюте было килограммов пятьдесят весу. Одна из женщин, наблюдавших эту сцену из окошка, всплеснула руками, сказала что-то своим подругам и побежала на помощь профессору. Остальные последовали за ней. Червяк пополз резвее и скрылся в доме. Ранмакан все еще раздумывал, что бы ему предпринять. Ситуация была сложной и неправдоподобной. Профессор принадлежал ко второй касте, и заниматься такой плебейской работой, как перетаскивание тяжестей, ему было абсолютно воспрещено тысячелетними традициями. Когда Ранмакан пробовал понять взаимоотношения людей на «Сегеже», он пришел к выводу, что все они там, за исключением, может быть, тети Мили, принадлежат к высшим кастам своей планеты. Вместо низших каст они взяли с собой роботов, никакие разубеждения Кудараускаса не могли поколебать Ранмакана. Они были ему не нужны. Когда мир можно объяснить удобной схемой, очень не хочется отказываться от нее и искать какие-то сложные и ненужные в повседневной жизни решения.

Поэтому то, что робот тащил парашют, было понятно. То, что этим занимался профессор Кори, было абсолютно непонятно. Ранмакан признал формально, что под куполом все равны и каст нет, но в душе он делил человечество на касты и относил себя к одной из низших, хотя не к той, к которой принадлежал до войны, а к следующей на пути вверх. Он беспокоился, что его могут лишить права заведовать мастерской, и с подозрением поглядывал на новичков: нет ли среди них патрициев, способных и желающих занять его место?

Пока все было в порядке, новых патрициев не было. Старые – Девкали, Пирра и Кори – занимали уже хоть и неопределенные, но все-таки явно руководящие места, а единственный патриций, спасенный в Лигоне, предпочитал ничего не делать и рассуждать о возможностях демократии. Ранмакан подошел к профессору для того, чтобы развеять свои опасения, и в результате еще больше запутался и решил, что недовольный им Кори может сообщить пришельцам о недостойном поведении Ранмакана. Но Ранмакан – первый человек на Муне, Адам, как называют его пришельцы, и он не может сидеть вместе с женщинами, шить или подносить им иголки с нитками. Нет, этого не будет. Женщины, конечно, согласны с демократией: они принадлежали к самой низшей из каст, да и мужья их тоже, и дети. Им нечего терять. Ранмакан же был чиновником, каким-никаким, но чиновником, представителем того слоя, который, с завистью глядя на вышестоящих, судорожно цепляется за свои маленькие привилегии, поднимающие его над другими, не имеющими привилегий вообще.

Профессор Кори, тяжело дыша, вышел из мастерской.

– Вместо того чтобы здесь стоять, – заметил он Ранмакану, – помогли бы разрезать шелк на большие куски. Не кроить же из целого парашюта...

– Я позвоню на корабль, пусть пришлют второго робота, – упрямо сказал Ранмакан. Он продолжал цепляться за свои привилегии. – Робот сделает это лучше меня. А сам я должен писать мемуары.

– Ах, да, – ехидно улыбнулся Кори. – Мемуары. Сам Кризинзи из Плонги склонился бы перед вашими талантами.

– Штурман Кудараускас высоко оценивает мою работу.

– Тьма с вами, с писателем и со штурманом. Но я бы на вашем месте подумал о том, что мы обязаны работать. Ра-бо-тать. Понимаете? Пусть «Сегежа» улетает – у нее свои дела. А мы будем править планетой. Мы останемся одни – вам это приходило в голову?

– Куда они улетят? – спросил Ранмакан. – Зачем им улетать?

Ранмакана устраивало присутствие людей. Он опасался, что, как только «Сегежа» поднимется над планетой, ему снова придется опуститься на свое место и, может, еще и сесть в тюрьму за сотрудничество с чужими.

– Им нельзя улетать.

– Это еще почему? – удивился профессор Кори. – Как только они смогут обеспечить работу очистительных аппаратов, а мы наладим снабжение пищей, мы останемся одни. Мы обязаны остаться одни.

– Что вы бормочете одно и то же: «Одни, одни»! – разозлился Ранмакан. – Кто вас обязывал оставаться в одиночестве? Я? Эти женщины?

– Недавно вы протестовали против прихода людей.

– Это мое личное дело. Тогда я был один. Еще неизвестно, как бы вы себя повели на моем месте!

Кори хотел ответить, но передумал, махнул сухой ручкой и ушел – к своим цветам и деревьям, с помощью стимуляторов вымахавшим метра на три в высоту. Кори подумал, что пора бы возродить кое-каких насекомых; надо поговорить с короной Вас. Кори подошел к своему столу, спрятавшемуся в самой гуще кустарника, раздвинул срезы, бумаги, приборы, сел. Сердце работало неважно. К сожалению, корона Вас вернул ему старое сердце. Снова умирать очень не хотелось. Не стоило возиться с парашютом. Хотя он сделал правильно. По крайней мере, женщины в мастерской поняли правильно. Они говорили ему: «Учитель, отойди, без тебя справимся», – и не рассуждали, патриций он или простолюдин. А Ранмакана еще учить и учить. А может, он и умрет, в глубине души мечтая перейти в четвертую или даже вторую касту. Нет, на вторую у него не хватит воображения. Надо поехать в Горный сад – посмотреть, не распустились ли еще кое-какие растения. Ведь перед войной шли работы, связанные с влиянием радиации на рост растений.

Ранмакан тоже вернулся к себе в швейную мастерскую. В домике было два стола. Один большой, общий – за ним работали пять женщин. И стол в углу поменьше, за ним сидел Ранмакан. Он, когда нужно было, выходил на связь с мостиком или большим домом; он вел переговоры с роботами, когда те перетаскивали что-нибудь с корабля; он должен был вести бухгалтерию, планировать, когда и что понадобится мастерской.

Ранмакан сел за стол, отодвинул в сторону бумаги и задумался. Он ощущал взгляды женщин и их шепот, содержащий какие-то, возможно, нелестные для него высказывания. Но он был выше этого. Он смотрел вперед. Раздумывал, сказать ли капитану о том, что вчера ночью, когда все уже спали, он видел чужого человека в защитной одежде. На человека упал луч прожектора, и тот, ослепленный им, задержался на секунду, перед тем как нырнуть в темноту. В запале разговора с Кори он чуть не проговорился, что на планете есть и другие люди и что Павлыш был прав. Но не сказал, удержался. Могло так случиться, что те люди –

законная власть. Вдруг они окажутся сильнее корабля? А если так, то знание того, что другие уже подошли близко к «Сегеже», могло пригодиться Ранмакану.

5

Загребину не хотелось отпускать Кори в Горный сад. Существование неразгаданной тайны смущало капитана. «Тем более, – рассуждал он, – если бы те, неизвестные, хотели встретиться с нами, они бы давно могли это сделать». Согласившись с профессором, что тому необходимо побывать в Горном саду, капитан послал за день в Горный сад разведдиск с металлоискателями и биолокаторами на борту. Диск не обнаружил ничего подозрительного.

– Вот что, – сказал Загребин Антипину, который уезжал в сад вместе с Кори и Снежиной. – Из «Ежа» по пути не выходить. Доедете туда, вездеход остановишь не у домика, как в прошлый раз, а прямо в саду, у делянок. В машине обязательно кто-то останется для того чтобы держать остальных в поле видимости. На вездеходе лазер в боевой готовности. Если увидишь опасность, не стрелять; немедленно сообщайте нам и бегите оттуда со всех ног. Ясно?

– Ясно, Геннадий Сергеевич, – ответил Антипин. – Куда уж яснее. Второй купол завтра начнем надувать?

– Завтра. Вернешься, выспишься, и начнем.

Роботы поставили на «Ежа» защитные козырьки. Теперь вряд ли его можно пробить даже прямым попаданием снаряда или лучевым зарядом.

Перед отъездом Снежина нашла Павлыша и повела его в купол. Там заболел один из ребятшек. Павлыш осмотрел его, приказал роботу притащить лечебный излучатель – мальчику не хватало солнечного света. Снежина ждала доктора, разговаривая с охотником-пью о строительстве амбулатории. Потом, когда доктор кончил облучение и робот уехал, Снежина попросила Павлыша зайти еще раз к ребенку вечером.

– Ладно, зайду. Что-то сад сильно разрастается. Скоро будет не купол, а джунгли.

– Кори и Вас этого, по-моему, и добиваются.

– Жалко, что нет живности в нашем саду.

– Тут есть одна птица. Смотри, вот она.

Птичка с длинным голубым хвостом и двумя парами крыльев, расположенных, как у бабочки, одни за другими, мелькнула между деревьями.

– Послушай, Снежка, – произнес Павлыш. – Ты в самом деле будь осторожнее. Я же видел там следы.

– Ну, знаю, знаю, сама с тобой была и никаких следов не видела. Ты не показал. Не волнуйся, мы будем осторожны.

– Серьезно, – сказал Павлыш. – Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Это как понимать? Не так, как к остальным?

– Нет.

– Значит, хуже, – уверенно проговорила Снежина.

И тогда Павлыш, чувствуя, что краснеет, попытался ей что-то объяснить. Она вдруг сделала большие глаза, и Павлыш почувствовал, что он в них уместился целиком. Сейчас Снежина хлопнет ресницами, и он там останется навсегда. Снежина хлопнула ресницами, и Павлыш, зажмурившись, протянул руку вперед, чтобы нащупать границы тюрьмы, в которой он очутился. Рука его натолкнулась на пальцы Снежины. И Павлыш хотел еще что-то добавить, но не всегда придумает, что. И он сказал:

– Я зайду вечером к мальчику.

Снежина улыбнулась одними глазами.

И тут подошел Девкали с толстым патрицием и одним из новеньких и сказал:

– Здравствуйте, Слава. Снежина, мы сейчас собрались и официально запретили войну. Ведь мы имеем на это право?

– Вы имеете право на все, – объяснила Снежина. – Вы хозяева своей планеты.

– Нет, не на все, – ответил патриций, который оказался в общем славным человеком. – Мы не будем больше воевать. Мы запретили войны. Декретом. Удивительно, правда? Никогда не думал, что придет день, когда я буду отменять войны декретами.

– Теперь у вас есть правительство? – спросил Слава.

– Как вам сказать, – ответил Девкали. – Вот Ренци из Плоци, он раньше был шахтером...

Новенький наклонил голову. Это был коренастый человек с большими руками и ступнями и шишкастой головой. Маленькие глаза спрятались под очень густыми рыжими бровями. Глаза были очень светлыми и яркими.

– Потом Пирра, профессор Кори и Ус-са-ян-ка – один из охотников-пыи. Что-то вроде Совета.

Из корабля выбрался на землю «Еж», и Антипин, разглядев Снежину под куполом, дал сигнал.

– Ой, – воскликнула Снежина, – я опоздала! Мне же еще скафандр надевать!

И она побежала вперед к кораблю, оставив Павлыша в одиночестве, совсем позабыв о нем, будто три минуты назад не протянула руку ему навстречу.

Но, стоя у выходного люка, пожалела, что в тамбуре нет зеркала.

Вездеход развернулся и шустро пополз к холмам.

На мостике капитан, проверяя связь, спросил:

– Как себя чувствуете?

Снежина ответила раньше Антипина:

– Мы себя отлично чувствуем.

– Ну-ну, – сказал капитан. – Чуть что – сообщайте. Канал свободен.

Снежина поинтересовалась:

– Делегация уже приходила?

– Какая делегация?

– Значит, сейчас придет. Представители правительства планеты Муна.

Капитан повернулся к двери. Именно в этот момент она открылась, и делегация вошла на мостик.

– Добрый день, садитесь, пожалуйста, – пригласил капитан. – Где нам лучше разговаривать?

– Если вы не заняты, лучше в кают-компании, мы здесь будем мешать, – сказал Девкали.

Капитан спустился вниз и, когда вернулся через час на мостик, спросил у вахтенного штурмана, все ли в порядке с «Ежом». Тот ответил, что Антипин только что выходил на связь.

Потом Антипин сообщил, что вездеход достиг заповедника. Остановились на делянках и даже нашли целую колонию цветов. Еще через пятнадцать минут связь с «Ежом» прервалась.

6

Капитан был на мостике, когда Бауэр сказал: – Молчат... Видно, со связью что-то не в порядке.

Но и Бауэр, и капитан знали, что со связью все в порядке. Что-то случилось с людьми в вездеходе.

– Диск, – произнес капитан.

Бауэр, ходивший с Загребиным и раньше, предугадал слова капитана, его рука уже тянулась к кнопке запуска.

Корабль чуть вздрогнул. В открывшийся люк вылетел «глаз» корабля – диск с телевизионной камерой на борту, налетавший к тому времени много тысяч километров над планетой. Бауэр включил небольшой экран слежения. По нему проплывали серые с зелеными подпалинами вершины холмов и оловянные ленточки ручьев в долинах. Разведдиск шел быстро, и Бауэр с трудом угадывал прерывистую полосу дороги. По экрану побежали серые неровные полосы.

– Опустите его пониже, вошел в облака, – велел капитан.

Бауэр перевел диск в бреющий полет и предупредил:

– Придется здесь его вести медленнее, как бы на вершинку не налететь.

– Две минуты вряд ли играют роль, – сказал капитан. – Они могут сейчас быть и не в заповеднике, а где-то ближе, на дороге. Проверим весь путь.

Бауэр кивнул головой. Вошел Баков.

– Что-то случилось? – спросил он, заметив светящийся экран.

– Нет связи, – отозвался Загребин. – Разведдиск пошел.

– Я этого боялся, – произнес Баков, хотя этого и не следовало говорить.

На экране промелькнула арка у входа в заповедник. Бауэр снял скорость, и, снизившись к самой крыше лаборатории, диск повернул к серой путанице ветвей – к лесопитомнику.

На краю поляны стоял вездеход. Крышка люка была открыта настежь. Бауэр опустил диск еще ниже, и тот завис над открытым люком. Вездеход был пуст.

Около «Ежа» не было следов. Трава стояла прямо, будто люди покинули его по воздуху. Каждая травинка была видна на экране ясно, словно под лупой.

Нет, кроме отпечатков гусениц самого вездехода, никакие другие следы к машине не вели.

– Мистика какая-то, – вздохнул Бауэр, когда диск завершил второй круг над вездеходом.

– Никакой мистики, – ответил капитан, – пройдишь диском по следам гусениц.

Цепочка следов, оставленных рубчатými подошвами, различалась кое-где поверх отпечатков гусениц.

– Все ясно, – сказал капитан. – Смотрите, как стоит машина. Она уткнулась в кусты. Дальше откос, хода нет. Раньше она стояла посреди поляны. Потом что-то случилось со Снежиной и Кори – видно, уже в кустах... Тогда Антипин подвел машину к кустам, выскочил, пробежал несколько шагов обратно по гусеничным следам и тоже свернул в кустарник. Все это произошло так быстро, что он не успел или не счел нужным выйти на связь. Теперь проверим. Ага, видите, следы ведут к кустам.

Диск сначала летел над прогалиной в кустах, и отпечатки подошв были видны сверху. Потом кусты сомкнулись. Сквозь голые ветви капитан разглядел маленькую колонию голубых цветов. Некоторые ветви вокруг были обломаны.

– Ясно. Они с поляны увидели цветы и пошли к ним.

– А Антипин наблюдал за ними с вездехода.

Диск снова поплыл над переплетением ветвей. Свежие обломы указывали путь биолога и Снежины; они вышли к маленькой поляне, на которой тоже росли цветы. Правда, здесь цветы были вытоптаны и следов великое множество. Они вели к расщелине среди скал.

– Вызови Павлыша, – приказал капитан Бакову. Павлыш прибежал на мостик через полминуты. Можно было подумать, что он ждал вызова у самой двери.

– Слава, – сказал капитан, – приглядитесь к следам. Похожи на те?

– Да, – ответил Павлыш, – это они.

– Готовим большой катер, – решил капитан. – Командир катера Баков, команда: Павлыш, Цыганков, Лещук, Райков, корона Аро. Из местных жителей – Девкали. За вооружение

и защиту корабля отвечает Баков. За ходовую часть – Лещук. Подготовка и сборы – пятнадцать минут.

Когда Баков ушел, капитан велел Бауэру:

– Глеб, подними диск повыше, на полкилометра или еще повыше. Может, наши увидят.

– А вы уверены, что похитители – жители этой планеты? – спросил Бауэр, глядя, как уходит вниз и уменьшается домик лаборатории на экране.

– Вот это новая идея. Уверен. А что?

– Уж очень невероятно: живые люди здесь, после всего, что произошло.

– Нельзя спрятать на планете звездный корабль, – отверг Загребин версию Бауэра. –

После тебя на вахту выйдет Кудараускас. Вместо Бакова.

– Я не устал, Геннадий Сергеевич.

– Мы не знаем, сколько продлятся поиски.

– Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось?

– Не знаю, – ответил капитан. – Не знаю! Кто может знать? Такая тихая планета! Ни одной живой души!

7

Катер выкатился до половины из распахнувшегося грузового люка.

– Что-то сегодня наши друзья очень активны, – произнес патриций.

– Да. И взяли с собой Девкали, – ответил Ранмакан, который давно уже почувствовал неладное.

Не сходить ли ему, пользуясь давним знакомством, к Кудараускасу? У других спрашивать не хотелось. Ранмакан был немного обижен на своих соотечественников за то, что они не избрали его в Совет. Он имел на это все права – он был первым человеком на планете. Вернее всего, это интриги капитана и особенно Бауэра. Бауэр простить ему не может тот выстрел. А сам капитан? Может ли он простить?

– Ранмакан, – проговорил шахтер Ренци, из новых начальников, принадлежавший к самой низкой касте.

Еще совсем недавно он ни за что не осмелился бы обратиться к Ранмакану вот так. Он должен был сказать: почтенный Ранмакан. Все-таки две касты разницы. Но теперь он – власть.

– Что? – спросил Ранмакан как можно равнодушнее.

– Сегодня твоя очередь идти в город с грузовым роботом. Ты помнишь, надо взять из хозяйственного магазина госпожи, как ее там звали...

– Госпожи Вапрас, «Торговля привозным товаром».

– Да, ты должен взять все по списку. Список у тебя?

– Может, сегодня и не надо будет идти?

– Как так не надо? – Шахтер сложил на груди сильные большие руки. – Ты же сам вызвался. Нам нужна посуда и нужна большая плита. Там должна быть.

– Может, они не захотят, чтобы я ехал. – Ранмакан кивнул головой в сторону «Сегежи».

– Почему? Договорились еще вчера. Робот ждет.

– Все-таки сходили бы на мостик и спросили.

– Мне незачем из-за всякого пустяка ходить на мостик. Я не имею привычки зря крутиться на корабле.

Последнее содержало в себе намек на визиты Ранмакана к Кудараускасу, которыми тот оправдывал свои частые отлучки.

– Скафандр в тамбуре. Знаешь где. – Ренци отошел.

– Придется ехать, – произнес всегда готовый улыбнуться и, если надо, посочувствовать патриций. – Хотите, я составлю вам компанию?

– На тебя ни один скафандр не налезет, – отрезал Ранмакан. Этого патриция он и за патриция не считал. Ранмакан решил все-таки зайти в большой дом и оттуда связаться с мостиком – можно ли ехать?

Капитан взял в каюте у Снежины пачку сигарет. Он курил, и чувствовал, как кружится с непривычки голова, и злился на себя, что оказался слабее, чем сам предполагал и чем предполагали члены экипажа.

– Ранмакан на связи, – сообщил Бауэр. – Спрашивает, не отменен ли визит в город за какой-то плитой.

– А что, договаривались?

– Да, вы еще вчера для этого выделили грузового робота-тележку.

– Пускай едет. Это ведь недалеко? Мы никого ему не можем дать в сопровождение?

– Больше нет свободных скафандров. Осталось только по одному на членов экипажа.

Ранмакан выслушал все переговоры, кликнул грузового робота-тележку, снабженную тремя парами членистых рук и чем-то вроде головы спереди, и пошел к выходу из купола. Тележка послушно покатила в трех шагах сзади. Она остановилась перед тамбуром. Ранмакан открыл люк в кладовку со скафандрами и тут вспомнил, что робот в тамбур не пролезет.

– Чего стоишь? – спросил он его. – Разве не знаешь, что тебе в грузовой тамбур надо? Первый раз, что ли?

Тележка ничего не ответила. Она вообще не могла говорить. Кроме того, она привыкла получать приказы, а приказа пока не было.

– Ах ты, тьма тебя раздери! – возмущился Ранмакан. – Отправляйся к грузовому люку, выезжай наружу и жди меня там.

Тележка дала задний ход. Ранмакан закрыл за собой крышку люка. У выхода из купола он вскарабкался на тележку, к ней он привык и пешком ходить не желал.

Ранмакан любил собирать трофеи и таскать их в купол. Ему казалось, пока он искал и выуживал из домов и магазинов когда-то ценные, а теперь никому не принадлежащие вещи, что он берет их себе. Правда, после дезактивации их приходилось сдавать Пирре, главной хозяйке, но и там оставалась возможность удовлетворить гордыню. Иногда Пирра говорила: «Ранмакан, вы гений. Где вы только могли это достать?»

И тогда Ранмакан скромно улыбался и отвечал: «Стоит поискать, и всегда найдешь».

Сейчас Ранмакан ехал на тележке, и настроение у него было совсем не такое боевое, как обычно. Что-то случилось. И это происшествие было связано с поездкой в Горный сад, где когда-то Павлыш нашел следы. Два и два сложить легче легкого. Это Ранмакан делать умел. Не иначе, как профессор встретился там со своими. Но что было дальше? Ничего хорошего. Если бы все было нормально, зачем посылать туда большой катер?

Ранмакан привычно переводил рычаг робота, и тот полз по улицам. Ранмакан уже привык к виду мертвого Манве. Он по нему не единожды ездил, ходил и даже убегал. Тут ему в голову пришла светлая мысль: теперь же не будет убийств? Как можно судить человека за убийство, если убить невозможно. Хотя, может, оживляющий аппарат заберут себе патриции и никому не будут его давать? А есть еще и другой выход – не просто убивать, а сжигать людей, чтобы и следа не осталось.

Ранмакан остановил робота перед магазином привозных товаров госпожи Вапрас. Витрина магазина была выбита, но в глубине комнаты виднелась большая плита, которую Ранмакан заметил во время последнего визита.

Ранмакан приказал роботу:

– Подожди меня здесь, – и вошел в магазин.

Там вроде ничего не изменилось. Тихо. Так же стоят столбиками вложенные одна в другую миски, так же громоздятся кастрюли... Крыса испуганно метнулась через комнату. В тишине магазина Ранмакану почудилось что-то угрожающее. Ему захотелось убежать к роботу, спрятаться под защиту его длинных рук. Может, включить рацию и связаться с кораблем? И что сказать?

Ранмакан нажал головой на кнопку вызова и произнес:

– «Сегежа»? Я Ранмакан. У меня все в порядке.

– Кто-кто? – спросил резко Бауэр.

– Ранмакан. Я в городе.

– Ах да, совсем из головы вылетело. И как у вас дела?

– Хорошо, – ответил Ранмакан и отключился.

Он не знал, что как раз в этот момент вышел на связь катер и Баков докладывал о ходе поисков.

Ранмакан обиделся на Бауэра. Ну и злопамятный – даже разговаривать не хочет! Ранмакан оглянулся. Тихо. И все-таки тревожное, сосущее чувство в области желудка не оставляло. Ранмакан вдруг подумал: «Черт с ней, с плитой, найду другую», – и, только повернулся, чтобы выйти из магазина, как услышал голос:

– Здравствуй, Ранмакан. Не бойся, не вызывай корабль. Посмотри налево.

Ранмакан обернулся налево, отступая к выходу. Из-за груди кастрюль вышел Бессмертный собственной персоной. Бессмертный, старый друг, сильно изменился – похудел, постарел, поредели длинные жирные волосы, но то же круглое лицо и те же ясные голубые глаза над приплюснутым носиком и толстыми яркими губами. Те же мальчишеские веснушки на носу и на щеках и та же вечная простоватая улыбка.

– Ты узнал меня, Ранмакан? – спросил Бессмертный, подходя ближе. – Приятно встретиться после разлуки.

– Здравствуй, – ответил Ранмакан. – Здравствуйте, господин Бессмертный.

– Только помни, дружище: как только ты нажмешь кнопку связи, я тебя прикончу. – Бессмертный широко ухмыльнулся. – Не бойся, мы же с тобой старые друзья.

Только тут Ранмакан понял, что Бессмертный тоже, как и он, одет в скафандр. Правда, скафандр не облегал его, а болтался широкими прозрачными складками и был похож на старый водолазный костюм. Сходство с водолазом дополняли тяжелые башмаки. Через плечо висел автомат.

– Нам надо поговорить. – Бессмертный жестом радушного хозяина указал Ранмакану на стул. Сам сел на ящик так, чтобы наблюдать одновременно за Ранмаканом и за улицей.

8

Катер Бакова осторожно опустился на поляну, рядом с пустым «Ежом». Некоторое время никто из катера не выходил. Локаторы обследовали окрестные склоны холмов в поисках подозрительных объектов, биощупы проверили, нет ли поблизости людей, и, только когда Баков полностью убедился, что высадка безопасна, Малыш и Райков перебежали к покинутому вездеходу. Лазер катера повернулся вслед за космонавтами, прикрывая их.

Малыш и Христо Райков взобрались в вездеход. Все там было на местах. Будто покинули его минуту назад.

– Может, какой-нибудь знак, записка? – без особой уверенности спросил Баков.

– Ясное дело, нет.

Решено было поднять катер и перелететь на площадку на склоне холма, двигаясь в том направлении, куда вели следы. Пока катер будет медленно перемещаться по воздуху, под ним по следам пойдут Малыш и Райков.

– Тут они нашли эти цветочки, – говорил Малыш, медленно пробираясь сквозь кустарник. – Христо, будь другом, сделай два шага в ту сторону и посмотри, нет ли параллельных следов. Нет? Идем дальше. Вот поляна. Ну, как у тебя, Христо?

Баков обернулся к Лещуку.

– Почему не слышен Христо?

– Одну минутку.

Голос Христо раздался в кабине.

– Они здесь ждали, – говорил Райков. – Несколько человек. А потом побежали в твою сторону. Видишь?

– Вижу, – ответил Малыш. – Следы глубокие.

– Отсюда, из кустов, вездеход виден? – спросил Баков.

– Сейчас посмотрю. Нет, не виден.

– Ага, они надеялись, что Антипин не заметит. Потом они оттащили Кори и Снежину в кусты и ждали Антипина. Видно, услышали, что он бежит. Так попасться!

– Он никогда не воевал, – заметил Девкали.

– Все равно, ему же говорили... Следуйте дальше.

Сверху было видно, как две фигуры в скафандрах появились из кустов и начали взбираться на холм.

– Хуже видно, – сообщил Малыш. – Но видно.

Фигурки вступили на светлую полосу каменной осыпи. Катер чуть обогнал их и спустился на площадку, в стороне от их пути. Обе головы показались над краем площадки. Разведчики поравнялись с катером. Малыш поднял руку и помахал ею.

– Может, вас сменить? – спросил Баков.

– Зачем? Вот только следы потеряли на осыпи.

Христо, который обогнал Малыша, сказал:

– Посмотри-ка, здесь мох, и снова видно.

Малыш подошел к нему поближе.

– Правильно идем. Только бы дождь не начался. Нам бы собаку.

– Под куполом есть одна, – напомнил Христо.

– Она без скафандра подойдет.

Разведчики поднимались все дальше и удалялись от катера. Вот их заслонил большой камень, потом они появились снова. Баков не хотел выпускать их из виду.

– Подними корабль, – велел он Лещуку. – Поищем другую точку для посадки.

Катер взмыл вверх, и разведчики опять стали хорошо видны.

– Следов нет, – констатировал Малыш. – Камни пошли.

Разведчики остановились перед узкой ложбиной.

Сверху было видно, как ложбина сужалась, превращалась в расщелину, терялась среди обломков скал.

– Нам тут за ними будет трудно наблюдать, – сказал Баков.

– Другого выхода нет, – заметил корона Аро.

– Идите, – разрешил Баков Малышу. – Только очень осторожно. Кто-нибудь может прятаться за скалами.

Разведчики поднимались медленно. Сверху казалось, что они топчутся на месте – подъем был довольно крут и в скафандрах идти нелегко.

Малыш и Райков забрались в верхнюю часть расщелины, где стенки почти смыкались у них над головами, и Баков уже приготовился спуститься еще ниже, чтобы зажечь прожектор, как Малыш проговорил:

– Пещера.

– Не входите туда.

- А мы и не входим. Что делать дальше?
 - Возвращайтесь назад, – приказал Баков после паузы.
 - Зачем? – спросил Малыш. – Все равно придется идти в пещеру.
 - Но не вдвоем. Пойдет еще доктор...
 - И я, – вызвался Девкали. – Я могу пригодиться.
 - И Девкали, – подтвердил Баков. – Готовьте прожектор.
- Обратный путь по расщелине занял куда меньше времени.

Минут через десять Малыш с Райковым, запыхавшиеся, забрались обратно в катер, а тем временем Баков связался с «Сегежей» и рассказал о событиях.

На самой «Сегеже» ничего не произошло. Лишь Ранмакан вернулся с большой плитой, чем привел в восторг женщин.

9

Малыш, доктор, Девкали и Райков поднялись ко входу в пещеру. За ними шел робот, тащивший большой прожектор и стационарный геологический лазер. Катер снова взмыл в воздух и повис над ложбиной.

Вход в пещеру был почти круглым, и его можно было заметить, только подойдя вплотную: дыру прикрывала скала. Малыш включил фонарь на шлеме и осветил внутрь. Луч ушел в темноту и рассеялся там.

Малыш наклонился и осветил нижнюю кромку лаза. Кромка исцарапана. Некоторые из царапин были совсем свежими.

Малыш, пригнувшись, нырнул в лаз. Как только темнота охватила его, он прижался к стене – лаз сразу за входом расширился. Малыш прислушался. Ничего подозрительного. Горизонтальный столб света врывался в пещеру и растворялся в темноте. Через несколько секунд свет пропал – что-то темное заслонило вход: Павлыш толкнул Малыша и встал рядом. Он быстро дышал и спросил шепотом:

– Ничего не заметил?

– Все в порядке. Дурачье мы. Если бы они хотели, то перестреляли нас, как цыплят. Я пойду чуть вперед.

Малыш, нащупывая стенку перед собой, сделал несколько шагов в глубь пещеры. Когда отверстие лаза уменьшилось и стало белым глазом в громадном мире тишины и темноты, Малыш остановился и включил фонарь. Луч скользнул по неровной стене, оторвался от нее, выхватил где-то вдали скалу, пробежал, как палка по забору, по зубцам сталагмитов и уперся в противоположную стену. Второй луч – фонаря Павлыша – совершил такое же путешествие и также уперся в стену.

– Райков, – крикнул Павлыш, – заносите с Девкали прожектор.

Белый глаз входа исчез – Райков с Девкали помогали роботу втаскивать тяжелый прожектор.

– Включать? – спросил наконец Христо.

– Да. Дайте максимальное рассеивание.

На месте белого пятна появился красный свет, он ширился и разгорался, белел и с каждой секундой захватывал все большую часть пещеры, расцветчивал сталагмиты и сталактиты, отразился в черной воде озера в глубине зала и, наконец, добрался до дальней, метрах в трехстах, стены.

Пещера была пустой.

Девкали с Райковым остались у прожектора. Малыш и доктор вышли на середину. Пещера была невысока – метров десять – и показалась Павлышу похожей на чердак в старом доме, захлащенный сундуками, поломанными кроватями, лыжами, не нужными до зимы, –

чердак, таящий в себе загадки и находки, невиданные, пока глаза не привыкнут к пыли и полутьме, вечно царящей там.

Вернувшись к прожектору, разведчики разделились: Павлыш пошел вдоль левой стены пещеры. Цыганков – вдоль правой. Путешествие было долгим и трудным: у стен громоздились камни, сталактиты тянули к разведчикам длинные ломкие щербатые зубы, и приходилось останавливаться у каждой трещины, у каждой впадины, чтобы не пропустить вход в следующий зал пещеры.

Тишину нарушали только резкие возгласы разведчиков. Малыш приговаривал время от времени: «А вот такого кристаллика я еще не видел». Или: «Ты мне не грози, я тебя обломаю». Малыш вообще любил разговаривать с предметами неодушевленными – привычка эта выработалась у него за долгие годы общения с приборами в рубке связи. Павлыш молчал. Райков иногда переговаривался с Баковым: он коротко сообщал, что все в порядке, ничего подозрительного не найдено.

Минут через десять доктор встретился с Малышом у дальнего края зала. Пещера была замкнутой – выхода из нее не было.

Глава седьмая. Подземелье

1

Баков ошибся. Антипин никуда не выходил из вездехода, не предупредив об этом «Сегежу». Все было куда проще.

Когда Снежина с профессором увидели с полянок цветы в кустарнике и полезли по склону холма, чтобы разглядеть их, Антипин ни на секунду не упустил их из виду и даже поддерживал со Снежиной разговор.

Потом, когда Снежина и Кори отошли поглубже в кустарник и скрылись среди ветвей, Антипин подогнал вездеход к кромке кустарника, откуда начинался путь на холм. Ему пришлось для этого отвернуться от своих товарищей, но это его не очень беспокоило, потому что он слышал, как Снежина разговаривала с профессором.

Люк вездехода был открыт, и, остановив машину, Антипин высунулся по пояс наружу, чтобы сверху получше разглядеть, насколько далеко отошли товарищи от вездехода. Он увидел, как поблескивают их скафандры, и хотел было спуститься обратно, но ему показалось, что кусты за спиной профессора шевелятся. Они могли шевелиться и от ветра, но Антипин обеспокоился и, опершись руками о края верхнего люка, подтянулся повыше.

И в этот момент человек, неслышно взобравшийся на гусеницу вездехода, схватил Антипина сзади за шею и сильно рванул на себя. Не ожидавший нападения Антипин потерял равновесие и вывалился из люка. Он попытался дотянуться ногой до кнопки тревоги, но промахнулся. Антипин терял сознание – сильные руки перехватили мягкую ткань скафандра у горла, и он захрипел... Последнее, что услышал, был голос Снежины:

– Что с вами, Иван Филиппыч?

В ту же секунду еще трое выскочили из кустов и накинулись на Снежину и профессора, повалили их на землю и скрутили.

Напавшие велели пленникам подняться. Снежина встала и тут только разглядела, что это лигонцы, одетые в антирадиационные скафандры с большими прозрачными шлемами, похожими на те, что надевали когда-то водолазы. Из-под скафандров виднелись военные мундиры. Нападающие были вооружены автоматами и короткими мечами на португезах.

– Кто вы? – спросила Снежина по-лигонски.

– Молчи, – оборвал солдат. Голос его звучал глухо и неразборчиво. Их шлемы не были приспособлены для ближней связи.

Профессор Кори не мог встать – сильно ударили по спине, когда он попытался сопротивляться. Он сидел, закрыв глаза, и часто, хрипло дышал.

Один из солдат достал из кустов зеленый ящик – походную рацию, – вытянул антенну, поднес микрофон к самому шлему и начал говорить по-лигонски.

Кусты зашуршали, и показались еще два солдата – они тащили за ноги Антипина. Шлем механика подпрыгивал, ударяясь о камни, и голова с закрытыми глазами моталась внутри шлема безжизненно и вяло.

– Что с ним?

Снежина рванулась к Антипину, но один из солдат толкнул ее, и она упала. Вновь пришедшие бросили Антипина рядом со Снежиной и заговорили между собой.

– Не беспокойтесь, он жив, – тихо сказал профессор.

– Слушаюсь, – произнес в микрофон солдат, и нападающие заторопились.

Двое потащили Антипина, один взвалил на плечи легонького старика. Снежине велели подняться, и четвертый солдат шел сзади, подталкивая ее в спину дулом автомата. Пятый замыкал процессию. Он нес рацию.

Уже поднимаясь по каменистой расщелине, Снежина обернулась и увидела в небе блестящую точку – точка снижалась над Горным садом. «Разведдиск», – подумала она и подняла руку. Солдат больно ударил ее автоматом между лопаток и выругался. Нет, диск их не заметил.

Солдат приказал повернуть вправо, и Снежина заметила лаз в пещеру. Солдаты втащили туда Антипина и Кори, Снежина вошла сама.

– Вперед, вперед, – глухо сказал солдат.

2

Солдаты привычно шли в полной темноте – видно, дорога была им хорошо знакома. Снежина старалась считать шаги, но скоро сбилась. В полной темноте быстро теряешь ощущение реальности. Темнота скапливалась вокруг, давила, и Снежина никак не могла отделаться от ощущения, что сейчас она ударится обо что-то головой. Она шла, нащупывая ногой пол, и солдат все время ругался сзади и толкал в спину дулом автомата. Наконец остановились.

Внизу что-то загудело, потом в полу показалась узкая освещенная полоса. Она ширилась и превратилась в люк входа, крутыми ступенями уходящего вниз. Пленников втащили внутрь, и Снежина, подняв голову, увидела, как каменная плита вернулась на свое место, наглухо отрезав их от пещеры.

Вперед уходил длинный, тускло освещенный коридор. Теперь солдаты не спешили: они были дома.

Они разговаривали громче, смеялись и вспоминали, как ловко удалось провести операцию.

Остановились перед стальной дверью. Солдат нажал кнопку, и дверь медленно отъехала в сторону. За ней обнаружился большой тамбур. Как только закрылась внешняя дверь, сверху ударили струи душа. «Так, – подумала Снежина, – они предохраняют себя от радиации». Душ прекратился. Солдаты снимали скафандры и, скользя по каменному полу, развешивали их в нишах.

– Раздевайтесь, – приказал один из них Снежине.

Снежина подчинилась. Кори не мог справиться со скафандром сам, и Снежина пришла ему на помощь. Потом помогла солдатам раздеть Антипина.

Открылась внутренняя дверь, и за ней обнаружился такой же коридор, только чуть лучше освещенный. За столом у входа в коридор сидел еще один военный. Автомат висел над ним на крюке.

По одну сторону коридора шли одинаковые серые двери. Другая была глухой. Солдаты доставили пленников к третьей двери по счету. Внутри была вырубленная в скале комната с гладким цементным полом. На полу лежала грудa тряпья.

Дверь захлопнулась, и ржаво закрипел засов. Под потолком светилась вполнакала лампочка. Горела она неровно, видно, барахлил движок.

Снежина подошла к двери и ударила по ней кулаком.

Дверь отозвалась гулко и протяжно.

По каменному полу коридора зацокали шаги. Остановились перед дверью. «Глазок» отодвинулся, и тот военный, что сидел за столом в коридоре, спросил:

– Что надо?

– Воды, – сказала Снежина. – И поскорее.

– Не умрете, – ответил равнодушно военный и ушел.

Снежина слышала, как чиркнули по полу ножки отодвигаемого стула. Военный снова устроился на своем посту.

«Ах, так! – подумала Снежина. – Ну, ты от меня просто не отделаешься». Она ударила кулаком по двери и прислушалась, как колокольным звоном звук удара понесся по коридору. Военный не реагировал. Снежина ритмично ударяла по двери так, чтобы звук удара накладывался на умирающий звон предыдущего, потом сменила темп и выстучала пулеметную очередь.

С другой стороны коридора кто-то подошел.

– Что случилось? – спросил новый голос у дежурного.

Тот сказал:

– Воды просят.

– Чего же не дал?

– Не умрут.

– Принеси воды, полковник будет ругаться. Они ему нужны. Я за тебя посижу.

Военный выругался, но ушел. Через пять минут дверь приоткрылась, и военный сунул Снежине квадратную консервную банку. Банка протекала.

– Пей.

Снежина напоила Антипина. Тот открыл на секунду глаза, хотел сказать что-то, но снова потерял сознание. Снежина нагнулась над профессором:

– Вам плохо?

– Ничего, скоро пройдет, – успокоил профессор. – Механику лучше?

– Да.

– Это я во всем виноват. Проклятая старческая память. Еще до моей смерти в этих горах что-то начали строить. Только не на этом склоне – за перевалом. Я забыл. Надо было предупредить капитана.

– Я думаю, у них там должен быть другой выход, – сказала Снежина. – Если это военная база, то нас провели через секретный вход, запасной.

– Вы правы, – проговорил Кори, морщась от боли. – Это военные. Они предусмотрели такую возможность. И все-таки полтора года просидеть в этой норе...

Антипин застонал и повернулся на бок. Он пытался встать.

– Лежите, Ваня.

– Мы попали... в засаду?

– В капкан, – заметил профессор. – Очень глупо попались в капкан.

– Черт возьми! Голова разламывается. Как они нас взяли? Я, помню, высунулся, чтобы посмотреть, и потом меня кто-то начал душить.

– Этого достаточно. Единственное утешение, – сказал Кори, – они нас не убили сразу.

– И вообще положение не так уже плохо, – произнесла с наигранным оптимизмом Снежина. – Теперь мы знаем, где они скрываются, и войдем с ними в контакт.

– Тише, – остановил Кори. – Идут.

По коридору стучали сапоги.

Дверь открылась. В коридоре стоял высокий военный в мундире, украшенном золотым шитьем с блестящими знаками на правом плече.

– Вы можете пройти ко мне? – спросил военный. – Здесь нам будет неудобно разговаривать.

Снежина хотела ответить, но Антипин перебил ее.

– Если мне помогут, то я доберусь. Далеко идти?

3

– Я бы не стал вас беспокоить, если бы не срочность, – начал высокий военный, когда пленники устроились в потертых кожаных креслах его кабинета.

Кабинет, как и камера, был вырублен в скале, но строители постарались придать ему некоторую видимость уюта. Стены до высоты груди были закрыты деревянными панелями, а пол устлан пластиковым ковром.

– Я приношу извинения за некоторую грубость, которую позволили по отношению к вам мои подчиненные. Но поймите правильно: в их распоряжении были минуты, и операцию они провели быстро и точно.

Снежина наконец разглядела военного как следует. Он был чем-то похож на борзую во время линьки – так же поджар, быстр и чуть неопрятен. Однако нелады с внешним видом – неаккуратно заштопанный рукав мундира, неровно подстриженные виски, чернота под ногтями – не сразу бросались в глаза. На груди у военного висела черная корбочка. Обычного стандартного лингвиста с «Сегежи».

– Зачем было нас хватать и тащить? – спросил Антипин. – Мы бы и сами пришли к вам. Мы давно ищем с вами встречи.

– Вы хотите сказать, что подозревали о нашем существовании?

– Да. Несколько недель назад наша группа обнаружила свежие следы в Горном саду.

– Ну вот, теперь все хорошо кончилось, и мы встретились, – сказал военный. – Разрешите представиться, генерал Вапрас из Манве. Может быть, слышали? Скажите мне: зачем вы нас искали?

– Как так – зачем? Надо же встретиться, – удивилась Снежина. – Ведь мы всю планету перерыли в поисках живых людей.

– Не все сразу, – остановил ее генерал. Он пригладил сравнительно ровный пробор и повторил задумчиво: – Не все сразу. Сначала я буду задавать вопросы. Это моя специальность. До войны я был шефом разведки.

– Ах да, как же, теперь я вспомнил, – проговорил профессор Кори. – Вы приказали сжечь живьем восьмерых студентов. Тогда была демонстрация в университете, и вы объявили зачинщиков шпионами пьи.

– Возможно, они и были шпионами, – так же задумчиво сказал генерал. – В любом случае приближалась война, и мы не могли допустить демонстраций. А откуда вы обо мне знаете? Вы лигонец?

– Да, – сказал профессор. – Кори из Лигона. Ботаник.

– Конечно, я должен был сразу догадаться. Вы отличаетесь от них... А откуда вы прилетели к нам? – обратился он к Снежине и Антипину.

Сразу как-то никто не ответил. Снежина посмотрела на Кори. Кори на Антипина. Не оттого, что отвечать не хотели, просто в каждой группе всегда находится один, который отвечает на вопросы и принимает решения.

Генерал воспринял эту заминку как нежелание отвечать. Он чуть наклонил влево голову. Ждал. В генерале боролись разноречивые чувства. С одной стороны, надо было обращаться с пришельцами порезче – взять их на испуг. Время не ждало: каждую секунду их товарищи могли найти пещеру, а там и, если им повезет, подземный ход на базу. Но генерал не знал еще силы пришельцев. Его не оставляла, в общем, не достойная генерала мысль о том, что эта черноволосая женщина может протянуть к нему указательный палец и из пальца вырвется струя смертельного огня. В каком-то боевике довоенных времен генерал читал об этом. Там были пришельцы, спускающиеся на Муну, и нашелся генерал, который возглавил борьбу против пришельцев и чуть не погиб, когда один из них выстрелил в него из пальца.

Правда, в том романе пришельцы были не похожи на людей. У них было по четыре руки, и морды их были подобны драконьим.

В комнату вошел, постучавшись, солдат и прошептал на ухо генералу, что над расщелиной крутится корабль, который высадил на землю двоих в скафандрах.

– Ничего не предпринимать. Снять посты, – приказал генерал. Потом посмотрел сухо на пленников и повторил вопрос: – Откуда вы к нам прилетели?

– Мы прилетели из Галактического центра, – ответил Антипин.

– Для чего?

– Наблюдатели в центре заметили, что на вашей планете прошла атомная война.

– Что такое Галактический центр?

– Трудно объяснить. – Антипин поморщился: голова прямо разламывалась.

– Выпейте воды. – Генерал протянул Антипину стакан.

– Галактический центр, – продолжал Антипин, отпив холодной воды, – это содружество цивилизаций, планет, которые достигли определенного уровня развития.

– А если не достигли?

– Тогда они не знают о существовании Галактического центра. Каждая цивилизация проходит в своем развитии опасный этап, когда средства разрушения, средства войны уже достигли такого уровня, что с их помощью можно вообще уничтожить жизнь на планете. Обычно разумные существа сами преодолевают этот опасный момент.

– А если нет?

– Если нет, тогда случается то, что было с вами. В истории Галактики зарегистрирован еще один такой же случай. Но на ту планету экспедиция центра прилетела через несколько сот лет после ее гибели. Большинство же галактических цивилизаций уже перешагнуло через барьер самоуничтожительных войн.

– Почему?

Вопросы генерала были отрывочны и коротки. Ему хотелось добраться до сути дела, но его задерживало собственное любопытство. Ответы Антипина не разъясняли еще ни силы прилетевших на Муну пришельцев, ни возможностей их в военном отношении, однако отказаться от общей информации генерал не мог. Необъятность космоса скрывалась за словами Антипина, пугающая необъятность космоса, в котором не находилось места лигонскому генералу.

Антипин вздохнул. Он был не мастер говорить, хотя старался делать это так же, как на его месте капитан или Павлыш, – обстоятельно и доступно.

– Галактика, где мы живем, родилась, по космическим масштабам, недавно. Те звездные системы, в которых могла образоваться жизнь, развивались почти одновременно. Разница в столетиях. Например, мы...

– Кто это «мы»?

– Наша планета, с которой мы родом, Земля. Мы вступили в Галактический центр несколько лет назад.

– У вас есть атомное оружие?

– Нет.

– Почему? Не изобрели? Не смогли?

– Наивный вопрос. Атомное оружие – наше прошлое. Оно было. Его уничтожили, когда поняли наконец, что обладание им приведет в конце концов к всеобщей гибели.

– Сами догадались?

Генерал не верил Антипину. Снежина поняла это по тому, как сузились его светлые фарфоровые глаза.

– Конечно, сами. Галактический центр тогда еще о нас не знал.

– И у вас была атомная война?

– Была большая война, в которой употребили две атомные бомбы. Потом их еще много лет взрывали на испытаниях, и армии накапливали оружие.

– Итак, – подытожил генерал, – вы узнали, что где-то идет война, и поспешили, чтобы помешать ей. Я вас правильно понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.